

Лора Лей

Динна
в тридевяттом
царстве

Некоторые на старости лет впадают в маразм, некоторые — в депрессию, а Аня впала в...другую реальность...И начала там жить-поживать да добра наживать, не столько себе, сколько другим. Да и ладно, не жалко помочь хорошим людям! И плюсик в карму лишним не будет...

Простое, неспешное бытовое фэнтези, без страстей и бабочек в животе, с каплей философии и толикой юмора,

Все имеет свое начало и свой конец. Все проходит, и печальнее всего для человека, что проходит жизнь. Некоторым везет, и нет у них сожалений о завершении пути земного, но большинство, увы, подводит итоги и ужасается быстротечности времени и несбывшимся мечтам и неисправимым ошибкам, остающимся в памяти перед неизбежностью конца. И терзает тогда душу человека тоска о прожитых недостойно годах и принятых решениях. И даже если принимает думающий себя на склоне лет, остается горечь разочарования — мало кому удается избавиться от нее полностью.

Вот и Анна Николаевна Воронцова после смерти мужа впала в непреходящую депрессию. И если бы любила его безумно или бы жили душа в душу, или хотя бы уважали друг друга — так нет. А, поди ж ты, накрыла женщину потеря однофамильца и отца ее детей не по-детски. Причину она видела в собственной вине перед покойным, что связала с ним судьбу и не разорвала эти узы раньше. Прожили они рядом, а не вместе, как соседи, не сумев найти точки соприкосновения настолько, чтобы не чувствовать себя чужими. И ни дети, ни квартира не сделали их настоящими супругами.

Аня старалась вроде, угождала ему и родителям, зарабатывала деньги на воспитание дочери и сына и дом, вела хозяйство, не настаивала на достойной должности для мужа, не считала его доход. А отчуждение все равно не исчезало, наоборот, ширилось с годами, притупляя и без того прохладные чувства. Были ли у мужа отношения на стороне, Аня не знала, но иногда мелькала мысль — нашел бы кого, да и оставил ее. Она пару раз пыталась пуститься в романтик, но то ли мужчины ей попадались не те, то ли она сама была неправильной, но удовольствия женщина не получала и бросала эти встречи почти сразу.

Правда, последняя связь растянулась на годы, но и она стала в итоге обузой для впавшей в депрессию женщины. Вот и сейчас, возвращаясь от любовного друга, Анна Николаевна четко поняла, что эта встреча станет концом их отношений. Нет, мужчина был по-прежнему ей предан, внимателен и нежен. Да только ей все перестало быть нужным. Размышляя об этой странности, Анна вновь подумала, что не создана для парных отношений, ей более комфортно одной. И в молодости так было, а сейчас и подавно. Любовь? Была влюбленность в студенческие годы, оборванная по живому реалиями национальных разногласий и давлением семейных старшин, и после того не тянуло Анну на такие приключения. «Не для меня вся эта романтика и трепет», — сказала себе молодая женщина и вышла замуж по причине «мама желает тебе счастья с этим парнем».

Всяко было в жизни: и переезды, и войны (да уж), и нехватка денег, скандалы и болезни, друзья, обретения и утраты. Все как у большинства людей. Единственное, что не менялось во все периоды ее жизни — это работа. Даже так — РАБОТА. Анна Николаевна всегда много работала. Причины были обычные: 1-жить на что? 2-она это умела лучше всего. Именно умела: упорная, дотошная, бескомпромиссная и честная, она в любом деле добиралась до сути, тащила на себе возы производственных проблем и никогда не жаловалась на трудности, а старательно их преодолевала.

Пожалуй, работа и была ее настоящей жизнью. Вне ее Аня делала все как-то машинально, по обязанности, что ли. Дети, муж-они просто были, но... Это пресловутое НО! Почему-то не так складывались их отношения, хотя Аня делала все для них, что могла: заботилась, одевала-обувала, вытаскивала из неприятностей, любила, как умела,

разговаривала, предостерегала, переживала, но полного контакта и взаимопонимания не получалось. Это сильно расстраивало женщину, однако изменить ничего она не могла. И опять винила себя и свою прямоту и честность. Аня не умела врать и притворяться, говорила, что думала всем и всегда, и считала такое поведение единственно правильным и возможным. Для себя.

Такие мысли были тяжелы, давили на сердце, изводили. Сидя в салоне самолета, она отрешилась от окружающих и пропустила взлет, питание пассажиров, постепенно задремала и увидела сон. Ей снилась она сама накануне свадьбы: серебристо-серое платье, туфли светлые на каблуке-шпильке, грустно улыбающаяся мама, как всегда элегантная, суровый дед и встревоженная бабушка в неизменном переднике поверх длинной юбки и с гладким пучком на затылке. Они ждали прибытия жениха. В комнате царила торжественная, но невеселая атмосфера, и сердце Ани сжалось от дурного предчувствия. Ей захотелось отменить церемонию и сбежать!

«Не хочу! — с чувством воскликнула она про себя. — Я не хочу за него замуж! Я вообще не хочу замуж!» Девушка глянула на родных и шагнула к матери, чтобы попросить прощения и отмену свадьбы, но тут картинка поплыла, и Аня очнулась.

— Мистика, — пробормотала женщина, осматривая пейзаж вокруг: голубое небо, высоченные горы с заснеженными вершинами, быструю речку, журчащую рядом с ней, мощные деревья, росшие на противоположном от нее берегу и саму себя, лежащую на гальке, больно впившейся в спину.

— Господи, где я? — Аня села, почувствовав легкое головокружение. — Что за черт?

Посидев и придя в себя, она потихоньку встала, выпрямилась и посмотрела на свои руки, ноги, тело. Все привычное, только — молодое? Ощупав лицо, женщина не нашла следов сухости кожи, морщин на ладонях тоже не было, живот был плоским, а грудь — упругой. Одежда же была той, в которой она села в самолет: джинсы-скини, вязаные свитер с широким воротом, полусапожки без каблука. И сумка, лежащая рядом. Ее большая кожаная сумка с телефоном, кошельком, паспортом, влажными салфетками, расческой, мешочком с купленными в подарок подруге серебряными украшениями, пакетом с трусами на смену и пачкой кексов из булочной, прихваченными на всякий случай в дорогу, шерстяным палантином и детективом в мягкой обложке. Вокруг было тепло, пели птички, журчала вода и шелестели листья деревьев, а Анну продрал мороз.

— Что за фигня, а? Где я? — опять спросила себя женщина. — Это сон или что?

Мысли крутились волчком, а страх стал заполнять сознание. Реальность, данная ей в ощущениях, подтверждала, что во сне такие вещи вряд ли возможны, слишком уж окружающее настоящее: солнце пригревало, вода была ледяной, а ветерок обвивал лицо и фигуру, принося свежесть.

— Ничего не понимаю, я же в салоне задремала. Куда все делось?

Анна снова села на гальку, поморщилась — неудобно и прохладно. И стала соображать. Единственный вывод поражал нелепостью: случилось то, о чем ее подруга, новоявленная писательница, незадолго до отъезда Анны говорила с ней по телефону.

— Да, творю тут по-маленьку от нечего делать. Нравится мне жанр «бытовое фэнтези», сейчас многие дамочки пенсионного возраста им увлекаются. Перед смертью, наверное, мечтают пережить то, что не удалось при земной жизни. Любовь-морковь, приключения, прогрессорство всякое. А почему бы нет? Хоть не так страшно, если придумать для себя возможность перерождения. Хорошую религию придумали индусы, помнишь Высоцкого? Ну не верю я, что душа уходит в небытие без остатка. Это же энергия, а она не появляется из ниоткуда и не исчезает в никуда. Ты же материалистка, этого отрицать не будешь?

Анна тогда заметила, что лучше бы она писала детективы, а Лариса рассмеялась и ответила, что ей на такой сюжет ума не хватит. Сама Анна Николаевна ничего подобного не читала, как и вообще ничего из чтива, содержащего романтику. И в интернете она не сидела, и сериалы про жите-бытие не смотрела. Только старые советские фильмы и про войну иногда. Времени не было и желания. Она включала на кухне телевизор, выбирала канал, где говорили, и делала домашние дела, не вникая в суть программ. Фон есть и- слава богу. Уставая на работе, погружаясь в печаль по поводу участившихся сообщений об очередном ушедшем знакомом и переживая за неудачи дочери в личной жизни, Анна Николаевна старалась не думать. Просто проживала день за днем, от работы до работы. Какие тут фантазии и романы!

— Материалистка, да уж. И что теперь делать? Если Лариска была права, то я попала. Целиком и полностью — женщина снова оглядела себя. — А бонус — молодость.

Она подняла глаза к небу, вздохнула и решила пока не заморачиваться, а двигаться вперед, вдоль реки. Анна не была специалистом по выживанию в дикой природе, но практичность в ней присутствовала, и сидеть на месте, пусть не у моря, определенно не стоит.

— Ну, Лариска, ну, погоди! Вот послала, так послала...

Анна встала и решительно направилась вдоль берега речки по ее течению. Известно, что все реки куда-то впадают, чаще-в море. А по берегам должны проживать люди. О возможности существования в реальности иных гуманоидов Анна не верила категорически. Вот просто не представляла такое.

Воронцова шла несколько часов, благо, сапожки были удобные, погода благоприятствовала, вода имелась, а животные не появлялись. Природа была красива, воздух свеж и, привычно заставив себя не суетиться, Анна встретила вечер спокойно. В сумке, не пойми, как оказалась зажигалка, хотя женщина бросила курить после смерти мужа.

Берега речки перемежались галечно-песочными поверхностями, попадались и кустарники. У одного такого зеленого островка Анна и решила провести ночь. Собрала по краю леса сухие ветки и хвою, разорвала детектив и сумела развести костер. Съела кекс, запив водой, свернулась калачиком с палантином под кустом и уснула.

Следующие дни повторяли первый, Анна шла, ела. Спала на берегу под все чаще попадающимися кустами и фиксировала изменения: речка замедлялась и становилась шире, горы удалялись, сменяясь пологими холмами, а долина, внутри которой текла путеводная журчащая нить, увеличивалась в размерах и зеленела. Анна уже не так быстро шла, часто останавливалась и прислушивалась-вдруг людьми «запахнет»? Но нет, все оставалось прежним: незнакомый мир и одна попаданка.

Густой хвойный лес перешел в смешанный, привычный, и Анна рискнула немного углубиться в него в поисках ягод. Нашла знакомую чернику, пару сыроежек и орешник.

— А жизнь-то налаживается, — пробормотала она, ощутив на языке вкус ягод.

От реки не удаляясь, Аня все шла и шла, пока на пятый день, выйдя из сени леса, не увидела на берегу непонятную группу явно вооруженных людей. Испугавшись до безумия, она, тем не менее, умудрилась без шума присесть под ближайший густой куст и принялась рассматривать разворачивающуюся сцену.

Трое высоких мужчин, одетых в плащи и шлемы и держащие в руках мечи, переговаривались между собой, напряженно оглядывались вокруг и явно спорили, а на берегу навзничь лежал четвертый. Лошади стояли поодаль, удерживаемые за поводья еще одним членом группы, заметно мельче остальных. Анна затаила дыхание — увиденное ей не нравилось. Голоса были слышны плохо, но женщина поняла — язык ей не знаком, хотя по резкости и грубости напоминал немецкий.

«Это не разбойники, похожи на воинов, а лежащий-на серьезно раненого. Скорее всего, решают — бросить или забрать».

Ситуация меж тем поменялась. Один из спорящих снял с лошади переметную суму, положил рядом с лежащим, потом махнул рукой, компания запрыгнула на лошадей и быстро удалилась, не оглядываясь и явно торопясь. Лежавший было дернулся, но бессильно упал обратно.

Анна Николаевна не была чрезмерно человеколюбива. Она вообще придерживалась принципа: «Чем больше я узнаю людей, тем больше люблю собак». И сейчас получила подтверждение — люди остаются людьми, к сожалению. Подождав примерно час, она решила подойти к брошенному мужчине. Просто пойти дальше она не смогла: хоть и не Мать Тереза, но видеть, как возможно, умирает человек, ей претило. Ну, а если умер — не ее вина. А вещи могут пригодиться. Цинично? Да, а кому сейчас легко?

Оставленный «товарищами» действительно был ранен в грудь и ногу, кровь залила кожаный доспех и узкие, похожие на лосины, штаны. Парень лет 20 был бледен, дышал с трудом, но был в сознании, увы. Анна подошла и присела перед ним.

— Да, не повело тебе, парниша — проговорила она, осматривая рану. — Жить хочешь? Эх, мать, не было заботы, так купила порося.

Анна взяла парня под мышки и потащила по земле к лесу. Там кое-как пристроила на собранные ветки, расстегнула доспех — кожаный, кстати, завязки на боках. Стянула его и штаны и попыталась оценить масштабы бедствия. Рана на ноге была резаной, но не глубокой, на груди-больше, но кровь уже свернулась.

Анна вытащила оставшиеся бактерицидные салфетки, потом передумала и сходила за

брошенной сумой. В ней обнаружился ворох рубах, штанов, кусок полотна вроде полотенца, немного сухарей и вяленого мяса, приличных размеров мешок с монетами (вроде, серебро) и металлический стакан-не стакан, но что-то похожее. Из оружия на парне нашелся кинжал в изукрашенных ножнах, а на шнурке на шее — деревянный крест, пахнущий можжевельником.

— Ха, да тут единовверцы имеются. Не было печали. Ладно, пойду, воды наберу, попробую вскипятить и промыть раны. Чем бы обеззаразить? Дуб, кора крушины? Эх, ничему-то ты, Аня, не научилась за шесть десятков лет.

Костер загорелся быстро, а вот кипятить воду в кружке пришлось осторожно: неудобное дно норовило перевернуть сосуд. Но Аня справилась, а парень, к счастью, потерял сознание, но дышал, так что все манипуляции горе-лекарки пережил не дергаясь: раздевание, обмывание и протирание салфетками, прикладывание найденного подорожника и перевязку разорванным на лоскуты полотном. Аня нашла чернику, вскипятила с ней воду и напоила находку, поела трофейного мяса и легла спать рядом. Умаялась с этим парнем.

Ночью больной стонал, поднялась температура (лоб был горячим), немного вертелся, но Аня гладила его по голове, напевала тихим голосом старые песни о главном, и парень к утру затих.

Пение птиц разбудило женщину и напомнило о насущном. Раненый спал, тело его было прохладным, а рана на ноге не выглядела воспаленной.

— Вот что значит хорошая экология, — пробормотала Анна и доела последний кекс. Надо было искать что-то посущественнее вяленого мяса и сухарей. Но Воронцова не представляла, что искать в незнакомом мире. Грибы? Птичьи яйца? Где, помилуйте? Отойти далеко от потерпевшего женщина не решалась, рыбу ловить руками не умела. Ну, до чего довела цивилизация отдельных своих представителей! Ничего без магазина и рынка добыть не может. А ведь едят и корешки, и травку всякую, и улиток, и лягушек, силки ставят как-то.

Анна напрягалась, пытаясь вспомнить хоть что-то, однако память ей отказывала. Она продолжала бродить вокруг стоянки, тщетно надеясь на озарение. И-таки пришло! Идя вдоль берега, Аня увидела в воде мелких рыбешек, стайками плавающих на мелководье, подхватила сумку и, погрузив ее в воду, стала медленно подводить к рыбкам. Через — дцать попыток попаданка резко дернула сумку и внутри оказались несколько глупых водоплавающих, не успевших сбежать.

— Ха! — гордо воскликнула женщина, и побросав улов на берег, побрела за ножом(кинжалом) и кружкой. — Будем варить уху!

Как она потрошила мелочь, варила в кружке без соли и материлась, природа промолчала, стыдливо притихнув, а вот раненый, как оказалось, слушал. Хорошо, не понимал, но его внимательный взгляд Аня заметила не сразу.

— О, находка очнулась! Как самочувствие, иномирный незнакомец? — Анна, вначале испугавшаяся, решила налаживать контакт. — Температура спала — дотронулась до лба губами. — Вроде нормально. Попробуем варево? Сесть сможешь?

Воронцова несла чушь, понимала это, но что было делать? Они вдвоем на пустынном берегу, она-нездешняя, он-брошенный своими. Чем не пара? За эти дни Аня многое передумала, даже плакала от неизвестности и страха. Но не-сон продолжался, и ей следовало выживать. А тут абориген, чем не помощь? Ты-мне, я-тебе. Может, сработает?

Парень молчал, и Ане пришлось приложить усилия, чтобы усадить его спиной к стволу

дерева. Голые ноги мужчины увидел не сразу, что-то прошипел и прикрылся руками, зло глядя на Аню.

— Ойойой, какие мы нежные! Да чего я там не видела? Как бы я тебя перебинтовала? Поверх штанов? — Анна выразительно дотронулась до своей кожи, пытаясь их оттянуть. — Дошло? Подживет немного, наденешь — она показала на суму.

Парень вроде понял. Аня сняла кружку с костра и, обернув шарфом, подала мужчине.

— Осторожно, горячо. Медленно пей. — Тот последовал совету, хлебнул бульон и шумно выдохнул. — Несолено, знаю. Дай и мне попробовать, — Аня забрала кружку и отпила сама. — Ничего, сойдет. Сухарик?

По-переменно отпивая отвар вприкуску с сухарями, товарищи по несчастью поели, и Аня палочкой вытащила рыбку из кружки. Мясо было сладким, но костлявым, поэтому большую часть пришлось выбросить.

Раненый смотрел на женщину молча, внимательно, а Аня разглядывала его из-под падающих на лицо волос. Ничем от привычного человека он не отличался, внешность тоже не особо примечательная: не красавец и не урод, глаза карие, волосы рыжеватые, по плечи, нос с легкой горбинкой, губы полные, фигура поджарая, мускулистая. Обычный такой мужик, воин, а возраст больше, чем показалось вначале. Глаза выдавали: серьезные, умные, взгляд прямой.

Аня забрала кружку, сходила за водой и поставила кипятить чернику.

— Давай посмотрим, как там раны поживают — наклонилась она к мужчине и потянулась к повязке. Тот дернулся и отодвинулся. — Эй, хватит дурить! — Анна Николаевна разозлилась. — Поменять надо подорожник — показала на вымытые листочки — и приложить заново, понял?

Парень взял траву в руки, осмотрел, кивнул и предоставил женщине доступ к телу. Аня рассмеялась:

— Ишь ты, какой осторожный! Не резон мне тебя гробить, ты мне должен будешь! Нет, здесь определенно животворящий воздух и вода, два дня, а уже и затянулось все! Или это ты такой здоровый?

Мужчина продолжал молчать, и Аня плюнула: не хочет говорить, да и не надо! Все равно ничего не поймет!

На счет последнего Воронцова жестоко ошибалась. Хенрик Вайс, лейтенант королевского сыска Пруссии, по долгу службы знал несколько языков, и наречие москвитов понимал достаточно, чтобы определить-спасшая его рыжая девушка не из них. Хоть и говорит почти как тамошние жители, но поведение, одежда, словечки непонятные и предметы в сумке свидетельствовали о крайне редком, но известном его ведомству явлении — попаданстве. Таких находили, хоть и редко, а объяснение-нет. В архивах ведомства велись многолетние записи о появлении странные людей из ниоткуда. Последний случай произошел в правление прапрадеда нынешнего короля, Фридриха Первого, более полутора столетия лет назад, и стал источником роста влияния королевства на Северном континенте, обогнав соседей по развитию экономики и военного дела. Нынешний правитель Пруссии, Фридрих Пятый, пожинал плоды подарка предков, но превзойти их не мог, и терял прежнее влияние в международной политике. Государя это положение дел не устраивало, вот и носились ищейки по странам в надежде обнаружить очередного пришельца, чтобы обновить с его помощью жизнь и мощь королевства.

Это те, про которых он знал. Но ведь явно могли быть и неучтенные, сумевшие раствориться в массе местных и не дать себя обнаружить? Хенрик считал, что на такую дикарку он и нарвался, и только от него зависит ее дальнейшая судьба. Проговорится — и женщину, если не найдут ценной, запрут в монастыре или подземелье, дабы не тревожила понапрасну толпу, а признают нужной — запытают, вытягивая новшества и прочее, если не захочет отдавать знания сама.

Эта рыжая вряд ли станет ценной добычей: не знает ни трав, ни лечебного дела, рыбу ловить и то не умеет. Хотя, что там у нее в голове? Да не в этом дело, а в том, что она его не бросила умирать, тогда как товарищи предали. Вайс нечто подобное ожидал от командира, только вот предполагать и получить наяву-вещи разные. За несколько лет службы парень подрастерял патриотический пыл и карьерное рвение, всё более разочаровываясь в методах ведения дел королевскими сыскарями: те ловили призрачных пришельцев, тратили огромные деньги на якобы поиски, а настоящих преступников — убийц, воров, мошенников — преследовать не считали нужным, оставляя «бытовуху» простым стражникам. А таких дел становилось год от года все больше. Хенрику это претило, и он не раз высказывался перед командиром о необходимости переключиться на реальные преступления, а не гоняться за неизвестным попаданцем. Однако командование, следуя приказу одержимого поимкой «панацеи» короля, не обращало внимания на предложения лейтенанта, и в последний раз прямо заявило, что лучше Хенрику прекратить такие крамольные речи и покинуть ряды королевской сыскной службы. Тем более, что срок первого контракта подходил к концу.

Хенрик решил-этот вояж станет последним. Отец, отставной вояка, был изначально против решения сына пойти в ищейки: не любил он ни занятия их, ни начальство.

— Дурью маются, только карманы втихую набивают да чины себе выторговывают. Хорошо отчеты пишет этот герр Бенкендорф! Лучше бы учили своих инженеров да оружейников, а не надеялись на пришлых! Вон, москвиты сами, сами и пушки льют, и булат куют! Франки с бриттами мануфактуры открывают, по морям земли ищут, а наш — отец сплюнул — из других миров подарков ждет!

Хенрик тогда разругался с отцом, уехал в столицу, поступил на службу, стал ищейкой. По мере знакомства с обязанностями и коллегами шоры на глазах спадали, разочарование росло, а правота отца подтверждалась. Хенрик готов был вернуться в родовое поместье и жениться. Так бы и сделал, если бы не конфликт с командиром четверки, вылившийся в поединок чести.

Ха, поединок чести! Трое на одного, велика доблесть. И бросили! Просто бросили на произвол судьбы. Хорошо, не добились- видишь ли, невместно!

— Ты сам виноват, лейтенант! Нечего было против командования выступать! А мы люди подневольные, что приказали, то и делаем. Так что, не обессудь. Приказ о твоей отставке по истечении контракта уже подписан и отправлен отцу. Не знал? Ну, прощай, лейтенант. Для всех ты подвергся нападению неизвестных при исполнении и пропал. Очень жаль. А выживешь, помни, молчание — лучший способ продлить жизнь, — сказал капитан и увел отряд, а Хенрик остался на берегу незнакомой реки, где очнулся от голоса худенькой пришлой, певшей ему протяжные чужие песни.

Так что никому и никогда не узнать, кто эта разыскиваемая королевской службой попаданка, уж он постарается.

Раненый поправлялся, потихоньку ползал в кусты, хотя Анна выговаривала ему.

— И что ты за стесняшка такой! Что естественно, то небезобразно. Вот сухари и мясо кончились, чем кормиться-то будем? Интересно, селение здесь рядом есть? Откуда-то вы сюда попали? Да только как я туда пойду — языка не знаю, одета — она оглядела себя — не по-местному. Заметут, как есть заметут.

Парень непонимающе смотрел на пантомиму Анны Ивановны и молчал. А женщина снова отправилась к реке. Может, опять повезет?

Она прошла по берегу до зарослей осоки или камыша, кто их разберет? И когда от ее шагов оттуда выпорхнула птица, с перепугу бросила в нее сумку

— Попала! — огласил берег крик попаданки. — Я ее сбила, ну надо же!

Оглушенная утка не успела прийти в себя, как Воронцова, проявив неожиданную прыть, кинулась на неё животом, придавила и, схватив трепыхающуюся живность за лапы, бегом побежала к найденышу.

— Смотри, немтырь, ужин! Только сверни ей шею — женщина протянула утку, — я не смогу. Запечь постараюсь, должна на берегу глина быть, а вот убить..

Хенрик принял птицу, одним движением сломал ей шею и положил рядом. Анна вздрогнула, передернула плечами и пошла искать глину — речка ведь. Пока она отсутствовала, лейтенант выпотрошил утку, закопал внутренности, и обрадованная находкой женщина обмазала желтоватой грязью добычу, потом завернула в лопухи и развела над ней костер.

— Живем, немтырь! Часа два надо, наверное. Спасибо — Анна поклонилась парню. Хорошо, что ты выздоравливаешь. Поможешь мне выбраться куда-нибудь.

Анна села на кучку веток и вдруг заговорила:

— Я тут уже неделю шлепаю. Никого, кроме вас, не попало. Что за мир, что за место? И почему я помолодела? А краска с волос не сошла. Я ведь не вернусь, да? — она посмотрела на наблюдавшего за ней молодого человека. — Отсюда не возвращаются. Наверное. Лариска бы сказала: начинай новую жизнь, Анюта! Делай то, что не смогла в прежней.

Женщина помолчала и продолжила:

— А к чему возвращаться? Дети выросли, живут сами. Дочь устала от меня, да и все равно. Сколько мне там осталось? Друзья мрут как мухи, телефон брать боишься. — Она тяжело вздохнула. — Дар это или наказание? Так внезапно: уснула в самолете — очнулась на берегу речки. Нонсенс, а поди ж ты — факт. Я вроде скучаю, а вроде — так и надо. Сама себе уже мозг проела ложечкой.

Парень слушал, следил за выражением лица женщины и старался ничем себя не выдать. Воронцова смотрела на огонь и говорила:

— Правда, незнакомцу высказать легче, чем своим. Вот ты меня не понимаешь, а мне лучше стало. И спеть хочу. Я так давно не пела — связки от табака сели, а тут получается.

Анна Николаевна запела:

— Ой, да не вечер, да не вечер,

Мне малым мало спалооось

Мне малым мало спалооось.

Ой да во сне привиделось...

Горел, потрескивая костер, садилось над лесом солнце, а по берегу разливалось пение женщины: мелодичное и светлое, как и ее настроение. Хенрик слушал, закрыв глаза. За этой песней последовала другая, такая же степенная и красивая, что-то про степь и умирающего, потом про рябину.

Женщина пела, по ее лицу катились слезы, а лейтенант Вайс представлял, как удивится отец, когда он приедет домой, да еще и с очаровательной иностранкой, спасшей его сына. Правду говорить отцу он не станет, зачем волновать старика? А женщина ему нравилась все больше и больше. Необычная внешность — глаза особенно, зеленоватые, немного колдовские, белая кожа, стройная, женственная, языкастая, деловая. А что до возраста. примерно его лет, хотя, судя по ее словам, была старше. Про особенности попаданцев он знал, а вот менялась ли внешность — архивы данных не хранили.

Через какое-то время и несколько песен Анна Николаевна разгребла кострище и вытащила утку. Глина схватилась, пришлось приложить усилия, чтобы добраться до мяса. Опять без соли, но мясной дух наполнил рот слюной.

— Кто молодец? Я молодец! Налетай — подешевело, было рубль — стало два. Держи ножку, болезный!

Утка ушла в мгновение ока. Анна вскипятила листья черники, благо, кустики росли недалеко, и приготовилась сменить повязку. Хенрик не возражал. То ли воздух и организм, то ли заботы незнакомки, но раны заживали не по дням, а по часам. И Хенрик решал, когда ему дать знать спасительнице, что он ее понимает: до прибытия в поместье или раньше. Решил молчать до последнего. Так и безопаснее, и интереснее, что скрывать: не ведающая о его понимании, женщина станет более откровенной, а у него появится возможность узнать ее по-лучше, чтобы выработать легенду и ввести её в дом с минимальными проблемами.

Анна Николаевна еще один день продержалась на воде и ягодах, пыталась ловить рыбу сумкой, искала грибы. Все без толку, поэтому постаралась объясниться с окрепшим парнем:

— Надо идти, — изобразила она пальцами ходьбу. — Деньги у тебя в суме есть, добредем куда-нибудь, понимаешь? Господи, почему я забыла немецкий? Ферштейн, майн кампф? Черт! Думкопф. Нет, это вообще не в тему, битте плиз. Ну что там еще было? Гуттен морге, гуттен так. Так вас раз так, едрена вошь! Данке шён, битте! Их бин пленный! Их бин Анна, что б меня! Вас из даст? Шпрехен зи дойч?

Анна злилась, а Хенрик с трудом удерживал смех. Слова лишь отдаленно походили на привычные, но общий смысл он улавливал, потому и веселился. Подождав, пока женщина не прекратит выстреливать фразами, он привлек ее внимание и начал свою пантомиму. Показал на штаны, изобразил, как одевается, идет с ней под руку, рукой показал направление движения и попытался донести до неё необходимость молчать, потому что говорить будет он.

Анна (он понял, что ее зовут Анна) вроде осознала, засуетилась подбирая вещи, засыпая костер и говорила при этом:

— Да, я поняла, что мне лучше держать язык за зубами. Слушай, я твою рубашку одену? — Хенрик кивнул. — Голову покрыть? — она накинула шарф. — Нет? Думаешь, за парня сойду?

Хенрик удивлялся ее сообразительности: переодевшись в его рубаху, с короткими волосами, загоревшая, она действительно могла сойти за слугу-паренька. Рубаха прикрывала бедра, доходя до коленей, узкие брюки и сапожки не отличались сильно от местных фасонов, поэтому одевшийся Вайс не видел в появлении Анны в деревне за 300 рут (чуть больше километра) проблем. Идти придется долго, но к вечеру они должны дойти.

Прежде чем пойти, Анна силком усадила его на землю и сказала:

— Присядем на дорожку — помолчала и со словами — ну, с Богом, — положила его руку на свое плечо, дав опору, и они двинулись по берегу реки в обратную сторону. Через некоторое время свернули в лес, пару часов шли под тенью деревьев, вышли на проселочную дорогу, по которой и дотелепались до деревни Альтендорф почти в темноте. Хенрик поймал проходившего мимо сельчанина и попросился переночевать, показав монетку в пол-серебрянного гроша. Анна отметила, как загорелись глаза мужика при виде монеты, и сделала для себя пометку о номинале.

Дом, в который привел их местный, был деревянным, приземистым, покрыт соломой и разделен на две половины: кухню и большую комнату, где толпилась семья из нескольких человек. Анна огляделась и выразительно посмотрела на спутника.

— Не волнуйся, это на одну ночь — Хенрик как мог, изобразил успокоение. — Завтра найдем повозку и доедем до Куфштайна. Нас накормят и освободят кровать — он кивнул на угол, где за занавеской суетилась хозяйка. — Не волнуйся.

Аня поняла не все, но спокойный голос парня вселял уверенность.

«Ну хоть не на улице, и то хлеб» — подумала она и улыбнулась.

Дом был бедный, но относительно чистый. Обитатели скопом вымелись из комнаты, и спутники остались вдвоем. Анна не смущалась (в ее-то годы!), а парень устало опустил на

ложе. Пахло не очень, но выбирать не приходилось. Воронцова вдруг вспомнила про клопов и вшей.

— Господи, только не это! — застонала она, бросившись осматривать и перетряхивать соломенный тюфяк и подушки. Хенрик догадался, чего она боится: ума на это не потребовалось. Поймав ее за руку, покачал отрицательно головой.

— Нет постельной живности, я предупредил. Они траву положили против насекомых. Помыться хочешь?

Анна мотнула головой, отказываясь. На реке она обмывалась и стирала белье, так что только голова ...Но в таких условиях? Потерпит.

Судя по поведению найденыша, он был человеком из благородных — это слово всплыло в мозгу. Не простой, короче, ей попался спутник. Приказы отдавал уверенно, спокойно, властно. «И кто же ты такой, северный олень?» — задалась вопросом Воронцова. За эти несколько дней она привыкла к парню, его молчанию и сдержанности, а теперь узнавала его заново. Странно, но опасений он не вызывал, женщина даже прониклась к нему симпатией. «Стокгольмский синдром наоборот. Дожила ты, Аня».

Еду принесла миловидная женщина в темной длинной юбке, светлой блузке с вырезом и корсетом. «Что-то немецкое есть в этой одежке. Ишь, сиськи выставила. Так, и чем тут кормить?»

Кормили из рук вон плохо: какая-то непонятная каша(то ли пшено, то ли овсянка), но с кусочками курицы, по ломтю серого хлеба и по кружке кислого напитка, напоминающего пиво. Голод не тетка, спутники подтвердили народную мудрость, съев все принесенное, и отвалились на солому. О последствиях Аня старалась не думать, а сопляжник и вовсе отрубился и начал похрапывать.

«С почином!» — сказала Анна Николаевна и тоже заснула.

Утром, на рассвете, сосед разбудил Анну, дал лопот хлеба и воды, потянул на улицу, где обнаружился вчерашний мужичок и телега. Лошадь, худая и утомленная, обреченно ждала, когда ее нагрузят корзинами с овощами, клеткой с курами и двумя седоками. Махнув рукой, неизвестный солдат дал сигнал к движению. Анна села, потом прилегла, как смогла, и задремала под тихие переговоры мужчин.

Куфштайн оказался, по сути, деревней у подножия гор и имел пристань на реке Инне: небольшой, довольно чистый, он тянулся вдоль реки и состоял из нескольких десятков каменных домов с черепичными или, если деревянные, обмазанные глиной, то с соломенными крышами. Дома стояли очень близко друг к другу. Посередине поселка располагалась торговая площадь, мощеная крупными булыжниками, с церковью наподобие готических соборов. Улица одна, тянулась вдоль реки и была обычной грунтовой.

Хенрик (он все-таки представился) потянул женщину за собой в таверну— единственную в городе, где взял номер на двоих и заказал ванну и еду через пару часов. Кстати, на церкви были башенные часы с одной стрелкой и боем.

Путешественники отправились на торг, где в одной из лавок приобрели новую одежду. Заодно немтырь, долго разговаривавший с хозяином лавки, выяснил, как и где нанять лодку для путешествия до Розенхайма.

— Да на пристани спросите, там много лодочников и купцов. На флейт попроситесь, а нет — так лодку наймите, только дороже будет. Грузовой корабль будет останавливаться реже, до нужного вам порта дойдете за пару дней при ветре. Можно и короткими отрезками на лодках, но беспокойства больше.

Хенрик прикинул количество монет и решил прислушаться к совету лавочника. Анна старалась меньше глазеть по сторонам, а потом плюнула и вертела головой во все стороны: было интересно. Город смотрелся как декорация исторического фильма: гомон, крики разносчиков на пристани, ржание лошадей и бой курантов, говор местных и суета мальчишек, бегающих под ногами. Хенрик постоянно оглядывался— боялся, что спутница потеряется. Но Воронцова бдила и от компаньона не отставала.

Флейт оказался судном с сужающимся кверху корпусом, высокими мачтами и узкими ряями (именно на этих кораблях впервые был использован штурвал, что значительно облегчало управление судном). Оплатив места, Хенрик нанял ослиную повозку и вернулся с Анной в гостиницу.

Причиной такого передвижения стала боль в недавно затянувшихся ранах, о чем Воронцова догадалась по бледности и замедленности движений парня. В маленькой комнате, куда они с трудом поднялись, она развела бурную деятельность: знаками велела Хенрику раздеться, аккуратно обмыла его горячей (чудо!) водой, принесенной служками, велела, объяснив как смогла, пригласить лекаря, и уложила вояку на единственную кровать, от которой пахло полынью. Осмотр кожи вокруг ран успокоил женщину: воспаления не было, небольшое покраснение на ноге, скорее, результат потертости от узких штанов. Когда принесли ужин, среди прочих мисок она опознала плоску с медом и радостно намазала чистые порезы этим природным антисептиком, чем сильно удивила пострадавшего.

— Чего удивляешься? — правильно определила она взгляд парня. — Мед на многое

способен, заживление пойдет лучше. Давай есть! Может, здесь по-вкуснее будет.

Анна Николаевна поставила поднос с двумя горшочками, тарелкой с темным хлебом и миской с медом на постель перед мужчиной и растерялась:

— А ложки — то где? Руками, что ли, лезть?

Хенрик улыбнулся, потянулся к суме и достал оттуда две деревянных ложки, отдал одну женщине и начал есть.

Аня поблагодарила и, перекрестившись мысленно, тоже попробовала варево. Вкуснее не было: нечто с овощами и мясом было горячим, сильно сдобрено перцем и солью и еще чем-то непонятным. «Совсем не умеют тут готовить, столько продуктов испорчено!» — подумала попаданка, но поела, куда деваться. Ложка меда примирила ее с ужином, а похожий на чай напиток заставил успокоиться.

Вайс отметил недовольство пришельницы готовкой, но виду не подал, ему и самому кушанье не понравилось. Однако для путешествия нужны силы, поэтому не до выкрутасов.

Вечер вымытые более-менее путешественники провели за игрой «угадай название»: показывая на предмет, Аня получала его аборигенное звучание, а в ответ называла русское. Язык действительно напоминал позабытый немецкий, но им не был, однако Воронцова стремилась расширить словарный запас и старалась запоминать названия крепко. Такие занятия они продолжали и в пути по Инне, делясь с недолгими остановками больше трех недель. К приезду в поместье Вайсов Анна Николаевна могла поздороваться, поблагодарить, попросить о помощи и уловить общий смысл разговора, но сама вести беседу смущалась. Теперь в присутствии Хенрика она говорила меньше, боясь раскрыться, чем очень его огорчила, но по крохам мужчина все же собирал образ неожиданной находки и она ему все больше нравилась.

Путешествие в родные пенаты утомляло и раздражало мужчину: он привык преодолевать расстояния верхом и в малой компании, а тут пришлось тесниться в узких каютах или вообще в открытых лодках, если корабль останавливался в порту надолго, питаться сухомяткой (на флайте не было камбуза) или терпеть до длительной стоянки, находиться в замкнутом пространстве или на ветру без движения. Когда они, наконец, дошли до Крайбурга, откуда до замка отца оставалось около 3000 рут (примерно 12 км), он уже разве что не дрыгал ногами от раздражения.

А вот Воронцова была терпелива и сдержанна, хотя Хенрик видел и ее недовольство, и брезгливость, и печаль, тщательно скрываемую женщиной. Основное время она, конечно, молча, пристально рассматривала соседей, строения, пейзажи, вслушивалась в незнакомую речь, следила за ним (иногда останавливая от конфликта) и не жаловалась. Несмотря на то, что они проводили все время рядом, даже ночью, женщина не давала повода к иным мыслям в отношении него, кроме как спутника, подопечного или вообще, ребенка. Хенрика это задевало, но сделать он ничего не мог. Пока.

Попаданка хорошо держала лицо, но в душе до последнего надеялась однажды проснуться и оказаться в привычном мире. Нет, если отвлечься от тоски по дому, познавать окружающее было интересно и забавно. В целом, даже не побывав в той жизни в Европе, она по видеоклипам, фильмам, документальным сериалам могла представить и города, и села, и людей. Ну не совсем уж она была дремучая! Увиденное за это время было похоже на воображаемое, и нет.

«Все-таки это не реконструкция, это что-то иное. Эпоха похожа на Средневековье, или что там следующее было? Новое время, а! Одежда разнообразная, шерсть, шелк вон, на

богатеньких, простолюдины во льне, но не совсем уж худые-то. И грязи особой на людях нет, моются точно. Женщины не забытые или это прислуга по-свободнее? Разбоя не случилось, слава богу! Кстати, верят-то в Христа, вернее, Спасителя, Мать его и Отца, крестятся по — нашему, а икон нет. Стекло варят, видела у капитана стакан в подстаканнике вроде, в последней гостинице одна дама в зеркало смотрелась, маленькое такое. Картошки нет, огурцы солить не умеют, сладкие какие-то подавали. Ни чая, ни кофе. Пиво слабое, фу! Водки нет тоже, херес или портвейн был- крепленое нечто с пряностями. Ну хоть здесь хлеб есть и черный, и белый, и эта их каша-малаша... Что ж так плохо готовят-то? Надо взять на заметку — чем мне тут на жизнь зарабатывать?»

Последняя мысль выбивала Анну Николаевну из мнимого равновесия только так. Привыкшая работать и содержать себя, женщина поняла, что в этой реальности применить свои знания она не сможет, потому как нет в них нужды. Ну, кому в эпоху лошадей и парусного кораблестроения нужен таможенный брокер или декларант? Да даже строительный сметчик! Бухгалтер — и то сомнительно: как ведется учет, какие системы измерений применяются, какие деньги ходят? Непривычные!

Впервые Воронцова ощутила свою полную, абсолютную бесполезность как профессиональную, так и социальную. Идти уборщицей, подавальщицей, прачкой? Нет, прижмет — так и пойдет, конечно! Да только обидно, черт побери! Это насмешка мироздания или партийное задание: выжить в квесте «пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что»? Впервые за тридцать-сорок лет Аня пожалела, что не имела хобби типа вышивания, вязания, плетения, мыловарения, не закончила химико-технологический, геологоразведочный или ветеринарный, пищевой, на худой конец, институт? Она даже на даче только сорняки полола да дом красила, не лезла на грядки и не носилась с рассадой, как соседка. И спортом, кроме лыж в школе, тоже не занималась. И научно-популярную литературу не уважала — скучно и сложно. Как ни напрягалась, никаких сведений о севообороте, особенностях кузнечного или столярного дела, астрономии и животноводстве, лекарственных травах или о составе асфальта и цемента вспомнить не смогла и бесилась от этого еще больше. В такие моменты она напоминала себе ученого кота из «Понедельник начинается в субботу» Стругацких, который приходил в неистовство от того, что не мог закончить ни одну песню или сказку, начинал орать, как в марте, и убегал с дуба. У нее в голове прям звучало отчаянное кошачье «Мряяааууу!».

Хенрик Вайс замечал, что иногда Анна становится задумчивой, выпадает из действительности, а потом расстраивается. Что-то ее мучило, мужчина видел, но с вопросами не лез, чувствовал: рано или поздно она не выдержит и расскажет, пусть даже не зная, что он ее понимает.

Так и случилось, когда они прибыли в пункт назначения и остановились на ночь в гостинице: Хенрик решил привести себя и женщину в порядок перед встречей с отцом.

Крайбург Ане понравился: уютный такой городишко с домами в стиле фахверк, так ей нравившимся, мощеными узкими улочками, расходящимися по сторонам света от центра, большим готическим (именно)собором на торговой площади и кирпичной трехэтажной ратушей с застекленными мутноватыми окнами. Вокруг площади было несколько таверн, магазинчиков и лавок, толпились прохожие, выступали уличные артисты, развлекавая народ. Воронцова немного увлеклась, и напряжение, копящееся на реке, отступило.

Видя, что женщина расслабилась, Хенрик, давно покинувший родные места, решил

показать ей достопримечательности, а заодно и поесть в лучшем (по его мнению) ресторане под названием «Три кабана». Владелец заведения и его отец немного приятельствовали, поэтому визит Вайса вызвал бурный восторг герра Отто Шульца:

— Герр Хенрик, как я рад видеть вас в добром здравии! — полный румяный бургер в белой рубашке под горло, длинном жилете и заправленных в высокие сапоги штанах, подскочил к сыскарю и затряс его руку в своей. — Как будет счастлив уважаемый генерал Вайс! Садитесь, я распоряджусь накормить вас лучшими блюдами! Не волнуйтесь, все за счет заведения! Эй, Мартин, быстро обслужи дорогих гостей!

По приказу хозяина молодой парнишка-официант споро протер столик и скамьи в дальнем углу, зажег свечи и проследил, чтобы пара мужчин удобно расположилась, а сам метнулся вглубь зала за кушаньями. Буквально через минуту на столе стояли большие глиняные тарелки с куском жареной свинины, окруженной вареными морковью, репой и кислой капустой, а по небольшим стопкам был разлит напиток бордового цвета, пахнущий виноградом. В высоком бокале обнаружились ножи и двузубые вилки, на колени гостям легли льняные полотенца, и официант поднес тазик с теплой водой для омовения рук.

Анна и Хенрик кивком поблагодарили парня и подняли тост. К ним присоединился хозяин:

— Кушайте, кушайте! Мясо парное, вино — из Пьемонта, вчера привезли партию! Я пока расскажу вам новости о бабушке. Нет, нет, герр Вайс в полном порядке, немного понервничал, получив приказ о вашей отставке, но ждет вас, да. Дела в поместье требуют внимания, а генерал... Это хорошо, что вы вернулись! Молодому проще мотаться по землям и приглядывать за делами. Как вам еда?

Анна жевала свинину и радовалась-наконец-то приличный вкус. Капуста не такая, как наша-без моркови, с тмином и чем-то еще, сильно кисло-сладкая, но на фоне того, что ей пришлось пробовать раньше-пища богов. Вино тоже не подкачало: в меру сухое, молодое, однако в голову ударило.

— Герр Шульц, ваша кухня, как всегда, хороша — польстил ресторатору Хенрик. — Давно я не ел так сытно и вкусно. Ваше здоровье!

— У меня есть сюрприз для вас! Новый напиток, только у меня его можно попробовать в городе! Экзотика из Аравии. Кофэ! Мартин, неси! — гордо сказал толстячок и выразительно посмотрел на гостей. Анна про себя ухмыльнулась молча, но изобразила интерес. Хенрик приподнял бровь в изумлении.

— Герр Отто, я только слышал об этом напитке, в столице он входит в моду. Говорят, облагает бодрящим эффектом и способствует перевариванию тяжелой пищи! Его, вроде, варят?

Ресторатор раздулся от собственной значимости.

— Мы не должны отставать от прогресса, в чем бы он ни выразался! Наши горожане достойны оценить новинку наравне со столичными гурманами! Вот, попробуйте!

На столе возникли глиняные чашечки и кувшинчик типа молочника, а носа коснулся знакомый запах кофе. Анна зажмурила глаза в предвкушении и сделала глоток... Упс! Проглотить удалось с трудом: это пойло было даже хуже, чем в дешевом киоске у метро! Под пристальным взглядом хозяина пришлось допить и поблагодарить. Но такой облом, боже!

Хенрик кофе уже пробовал и ему не понравился напиток — горький, терпкий. Но угодить Шульцу было необходимо, поэтому, изобразив наслаждение, он прикончил чашечку, порадовавшись ее малому объему. Незаметно поглядывая на Анну, обратил внимание на ее

реакцию: сначала предвкушение, а потом досада. Кофэ ей не понравился: она явно знает толк в нем, поэтому расстроилась.

— Рад, рад, что вы оценили заморский продукт! Мы подаем его по утрам и только по одной порции. Дорого! Но для вас я сделал исключение. Вы, наверное, хотели бы отдохнуть? Номер готов. Утром вам подать карету или верхом? Ваш спутник так молод, коллега? — Хенрик кивнул.

— Герр Шульц, прошу оказать милость и заложить карету. Я после ранения, а мой товарищ плохо сидит в седле, увы. Я заплачу за хлопоты.

— Никаких хлопот, герр Вайс! Для меня честь помочь сыну уважаемого генерала. Отдыхайте и встретимся завтра. Доброй ночи!

Усталость и вино сделали свое дело. Аня опьянела, даже при наличии сытного ужина, а неудача с кофе подвела к точке невозврата: в номере Воронцова расстроено уселась на высокую постель и разговорилась.

— Господи, ну за что? Даже кофе испортили! Вот что я буду тут делать, а? Как мне жить? — она повернулась к сидящему в кресле у кровати мужчине и продолжила. — Тебе хорошо, ты в своем мире, знаешь, что почем! А я? Ну, приедем мы в твой дом, а дальше? Что дальше? И отец, что подумает и скажет твой отец? Господи, а инквизиция здесь тоже есть? Меня отправят на костер? Нет, это если узнают, а я буду молчать как партизан! Тсс! И ты молчи, друг Вайс! Мне бы освоиться чуток! Ну, подруга, чтоб тебе икалось!

Потом Воронцова озвучила и сожаления об отсутствии навыков, знаний, профессии, — короче все, о чем думала по дороге сюда. Говорила, всхлипывала, досадовала, снова жаловалась на свою бесполезность, злилась на какую-то Ларису, грозила кулаком потолку. Немного помолчала, легла на спину и вновь затянула:

— Ну что я могу? Кофе варить? Так из-за нескольких чашек в день разве на работу возьмут? Да и стать у меня не та, чтоб клиентов привлекать, ха! Доска стиральная... А капуста отвратная, я тебе скажу! Испорченный продукт! Надо учить язык, грамоту. Мать твою, на седьмом десятке за парту... ОООО! Еще шить умею, Лариска всегда предлагала: индпошивом заняться! Эх, бабуля, и что я тебя не слушала! Пироги печь умею, но где дрожжи, где духовка? У них тут только камины огромные... Ну, не дурь ли — небо греть! Да печку сварганьте — и тепло, и польза! Нет, точно, что русскому хорошо, то немцу — смерть! Вчера пил с русскими — чуть не умер, сегодня опохмелялся с русскими — лучше бы я умер вчера! — после чего пьяно расхихикалась, закашлялась и шепотом поделилась с Вайсом:

— А вообще-то, парень, я боюсь, очень боюсь... И тебя, и отца твоего, и мира этого вашего. Чужая я, и мир чужой. Я никогда ни на кого не рассчитывала, все сама, ни на мужа, ни на другого мужика. А теперь вот к тебе прицепилась, не хочу, а куда деваться? Ладно, я немного освоюсь и отплачу тебе, как-нибудь. Я смогу! Не стоит прогибаться под изменчивый мир, однажды он прогнетя под нас! Врешь, не возьмешь! В перестройку выжила, КОВИД пережила, и здесь справлюсь! Я Анка-пулеметчица! Получи, фашист гранату от советского бойца — и она изобразила автомат — тратататата!

После чего закрыла глаза и отрубилась.

Хенрик слушал пьяную женщину и удивлялся, и жалел, и смеялся. Она была такой забавной! Этот последний звук, он что-то обозначал, угрожающее, как понял мужчина. И про смерть немцев ему понравилось. Она вроде его немцем называла. Шутка — он понял!

То, что ей страшно — не удивительно, а вот что она хочет работать — странно. Хенрик никогда не задумывался, чего может хотеть женщина, кроме нарядов, подарков, украшений. Ну, замуж, да. А вот работу? И ведь именно это сильно беспокоит Анну — невозможность работать! Не одиночество, не внешность, а самостоятельность! Она переживает, что ничего не умеет из того, что, по ее мнению, могло бы помочь ей устроиться в его мире. Это никак пока не укладывалось в голове Вайса.

Анна тихонько похрапывала, Хенрик улыбался. Все же забавная! Потом лег рядом с ней, не раздеваясь, обнял со спины и спокойно уснул.

Когда бывший лейтенант королевского сыска проснулся, Анна еще сладко посапывала, подложив руки под щеку. Мужчина встал, умылся и тихо выскользнул из номера. Обговорив с официантом поздний завтрак, отправился за покупками. Он не хотел, чтобы отец принял женщину за несерьезную даму, поэтому купил скромное закрытое платье зеленого цвета, нижнюю сорочку и панталончики, туфельки, пару серебрянных сережек (проколотые ушки он разглядел), кусок ароматного итальянского мыла и вернулся в гостиницу. Там нашел ресторатора и уговорил продать немного кофэ и кувшин вчерашнего вина для отца. Потратив последние деньги, решил: пора будить женщину и отправляться в поместье.

Относительно трат Хенрик не переживал: по правилам службы, жалование ищек хранилось в кассе заведения и выдавалось по запросу, в остальном они находились на полном обеспечении короны. За пять лет службы у него скопилась приличная сумма, которая должна была быть отправлена отцу вместе с приказом об его отставке. В этом Вайс не сомневался. Вряд ли командование решилось бы нарушить традицию. И дело не в обстоятельствах «ухода» лейтенанта. Просто герр Бенкендорф знал нрав старшего Вайса, а тот знал законы, поэтому мог поднять ненужный шум. Не стоили те талеры скандала.

— Анна, вставай, — прошептал мужчина и потряс Воронцову за плечо. — Нам пора, карета ждет.

Анна Николаевна с трудом открыла глаза. Голова болела и была тяжелой. С чего это ее так растащило? Она помнила, как пришла в номер, села и — все. Провал. Такое с ней бывало, к счастью, редко.

— Уже пора? Ладно. Прости, умоюсь и поедем. Чему быть-того не миновать-сообщила сама себе женщина и поднялась. Господи, она и спала одетая! Видок, небось, тот еще. Да и ладно! Не женихаться едет. А списать можно на неопытность.

Придя в себя от холодной воды и посетив кабинет задумчивости (ведро за перегородкой), Анна расчесалась, похлопала себя по щекам и сказала:

— Веди, Сусанин! Хоть к отцу, хоть в болото! Врагу не сдастся наш гордый Варяг, пощады никтооо не желает! А, все равно не поймешь! Пойдем!

Хенрик чуть не расхохотался, но сдержался. Подбодрила!

Карета Шульца была маленькой, на одну лошадь, но пара разместились. Ресторатор нагрузил их корзиной с гостинцами и пожелал легкой дороги. Хенрик не стал переодевать Анну в гостинице, чтобы не нарушать конспирацию.

До родного дома доехали примерно через пару часов. По мере приближения напряжение в карете нарастало. Вайс предвкушал встречу с отцом, Анна волновалась о том же, только с другой направленностью эмоций. Воронцова боялась до тошноты предстоящего знакомства. От этой встречи напрямую зависело ее будущее. Она даже из окошка кареты не

выглядывала и не замечала тряски. Когда транспорт остановился и спутник покинул салон, Анна глубоко вздохнула, как перед прыжком, и тоже выбралась наружу.

— Оба-на! — вырвалось у нее. — Чтоб я так жил!

Карета стояла во дворе замка: квадратная площадка, выложенная каменными плитами, размером с баскетбольную, ограничивалась высокими каменными зданиями с трех сторон, в четвертой имелся проход — ворота с кованой железной решеткой, поднятой вверх. По углам квадрата-башни с конусообразными крышами, одна — выше остальных. Напротив ворот — трехэтажное мощное здание с узкими оконцами и двускатной черепичной крыше. По бокам — его двухэтажные близнецы. Двери главного здания распахнуты, и на лестнице наверху, заложив руки за спину и широко расставив ноги в высоких сапогах, стоит коренастый темноволосый мужчина в годах, прямой и крепкий, неуловимо похожий на ее спутника. Одетый поверх светлой рубашки и заправленных в сапоги узких брюк в темно-коричневый бархатный халат. Взгляд мужчины, пристальный и внимательный, направлен на нее. Не на сына.

«Момент настал, прими Гастал» — мелькнуло в голове попаданки. — Это пушистый северный лис, писец! Господи, помоги! Эх-ма, где наша не пропадала, даже если попадала!» — подбодрила себя Анна и поклонилась отцу Вайса.

— Приветствую вас, герр генерал! Спасибо, что приняли меня в своем доме! — эту фразу она выучила по дороге. После чего выпрямилась и открыто взглянула на старшего Вайса. Несколько мгновений они смотрели друг на друга, не отводя глаз, Анна не моргнула, генерал не улыбнулся. Хенрик молчал.

— Сын, не ожидал, что ты привезешь женщину! — нарушил молчание хозяин замка. — Кто она и откуда?

Анна посмотрела на лейтенанта, а тот рассмеялся.

— Здравствуй, отец! Ты, как и прежде, прямолинеен и зорек! За месяц с лишним никто не заподозрил в моем спутнике женщину! — Хенрик подошел к отцу и обнял. — Я вернулся, отец!

Анна догадалась, что ее тайна раскрыта и расслабилась. Нет нужды притворяться и дальше. Генерал отошел чуть назад, осмотрел сына и тоже обнял. Ростом он был ниже отпрыска, но это не выглядело смешным: очень величественный дядька оказался старший Вайс! Отпустив сына, Карл Вайс оглядел и Анну:

— Как ее зовут?

— Анна Воронцова, — представилась попаданка по-русски.

Генерал выразительно глянул на сына:

— Московитка? Не похожа! Худа больно, но с характером. Потом расскажешь, — и первым вошел в дом.

Анна вздохнула, Хенрик взял ее за руку и повел вслед за отцом. Все прошло лучше, чем он ожидал. Анна понравилась отцу, дальше будет легче. Хорошо, что свидетелей диалога не было: карета уехала сразу, а встречал их отец один. Слуги выходить побаивались, зная крутой нрав генерала: попасть под раздачу никто не хотел. Вот встретятся, там и подтянемся.

Анна Николаевна не была в Европе, она вообще дальше Прибалтики с мамой не ездила. Командировки с мужем не в счет: там не до осмотров достопримечательностей было, да и Африка — не райское место. О замках феодалов только по школьным учебникам и паре фильмов и могла судить. Помнила, что сплошь — камень, холод и сырость, камины и солома

на полу, узкие окна и гобелены на стенах от сквозняков.

Представшее перед ней помещение походило на представления о каменном мешке, но не полностью. Анна никогда не могла описать четко то, что видит, как-то не получалось. Вот видит, а словами передать картинку не удастся. Но если коротко, то они вслед за хозяином вошли в большой темноватый зал, сразу окунувшись в прохладу — неприятную, промозглую, даром что на улице явно лето. Высоченный, метров десять, потолок, с него свисала на цепях огромная люстра, сам потолок — из рядов темных до черноты, перекрещенных квадратами брусьев. По одной стороне шла галерея с балюстрадой, на которую вела неширокая лестница от входа, на другой стене, почти во всю длину — камин. Около него были расставлены несколько кресел и жаровен на треногах. Стена с третьей стороны завешана огромным гобеленом в батальной темой и длинный основательный стол, под ним — скамьи. Полы выложены гранитными плитами, по которым глухо печатались шаги гостей. Освещением служили канделябры со свечами по бокам камина, в котором тлели бревна.

Генерал присел на одно из кресел и жестом приказал им на остальные. Анна не стала ломаться, уселась и, не особо озираясь, приготовилась слушать. Пусть и не понимала почти ничего, но наблюдение за мужчинами могло помочь, да и тон разговора тоже давал пищу для размышлений.

Хенрик присел рядом с отцом.

— Хорошо, что цел и вернулся, бросив недостойное фамилии занятие. Я старею, хозяйство требует большого внимания, а ты знаешь, я не силен в таких делах. За последние годы доходы падают, арендаторы плохо платят и стремятся сбежать в город. Многие поля заброшены. Так что, сын, начинай хозяйничать.

Бывший лейтенант смотрел на постаревшего отца и ругал себя за небрежение. Еще в дороге он обратил внимание на заросшие земли, опустевшие дома в деревне и плохое состояние призамковой территории. Слава Спасителю, никаких стычек с соседями у них уже лет сто как не было, но вид некогда величественного родового гнезда удручал.

— Приказ о твоей отставке привез курьер, вместе с деньгами. Что ж, хоть одно за пять лет ты сделал хорошо — скопил деньги. На кое-какие потребности хватит, но не на все. — Карл Вайс вздохнул. — Ладно, это позже. Комната твоя готова, а девицу поселим в материной, ее подготовят после обеда. Пусть она отдохнет, поговорим без нее. Скажи одно — она проститутка? Рабыня сбежавшая? Как к ней относится?

Хенрик бросил взгляд на сосредоточенную попаданку и решительно ответил:

— Нет, отец, ни то, ни другое. Все гораздо интереснее и опаснее. И ей нужна легенда, способная защитить. И пусть пока побудет парнем.

Генерал вздернул бровь, тоже посмотрел на незнакомку и кивнул. Откладывать разговор не стоило.

— Тогда я велю Ванде разместить ее наверху и. Помыть, наверное.

Генерал громко позвал главу служанок, и в зал вошла высокая крепкая седая женщина в чепце и переднике поверх темного длинного платья.

— Приветствую вас, герр Хенрик — поклонившись, она с улыбкой обратилась к мужчине. — Мы все рады видеть вас дома! Обед будет готов через пару часов. Мыльня уже топиться. Вы с дороги, наверное, желаете освежиться?

Генерал подозвал экономку ближе и тихо сказал:

— Ванда, эта-он кивнул на Анну, напряженно прислушивающуюся к разговору- гостья,

займись ею лично. — Экономка метнула взгляд на худую фигурку в соседнем кресле, сдержала удивление и понятливо кивнула. — Сама своди в мыльню, найди старую господскую одежду и размести в комнате Летиции. Пока никому не слова. Ступайте.

Экономка снова поклонилась, подошла к Анне Николаевне и жестом пригласила следовать за собой. Той пришлось подчиниться, тем более, что сопровождающий и хозяин дома одобрительно покачивали головами.

Когда женщины ушли наверх, Хенрик пододвинул кресло вплотную к отцу и заговорил прямо тому в ухо:

— Отец, это невероятно, но Анна — пришлица из другого мира и времени! Она не москвитка, но говорит на их языке и не догадывается, что я ее почти понимаю! Представь, искать пять лет подобных ей по всему Северу и найти рядом с собой, раненым и брошенным коллегами, после ухода со службы!

Генерал лишился дара речи от откровений сына и масштаба проблемы. Некоторое время он пытался осмыслить сказанное, а потом оглушительно расхохотался, поразив младшего Вайса. Пока отец смеялся, хлопая себя по коленям и заливаясь снова, Хенрик испытал облегчение еще раз. Он знал своего родителя, и такая реакция на появление опасной находки в их доме свидетельствовала об одобрении генералом действий сына и оказании ему поддержки в сложном вопросе укрывательства женщины от короля и ищеек.

— Ох, какая приятная новость! Сын, как только представлю злость Бенкендорфа, живот того и гляди лопнет! А у ж наш — то королек! И поделом идиоту! — Генерал вытер слезы и, резко став серьезным, продолжил, — Никто не должен узнать, кто она такая, это ясно. И дело не в ней, а в нас. Король не простит тебя, да и меня, за сокрытие пришлицы. Значит, надо ей придумать правдоподобную историю. Займусь вечером, полистаю дневники отца, где-то было упоминание о родне на границе с Московией, может, выдать ее за родственницу? Или лучше, за потерявшую память случайную девицу, ради выживания переодевшуюся в парня? Ты-то, небось, уже думал об этом? — Хенрик кивнул. — Ну и что придумал?

Вайс-младший склонялся к варианту со случаем: родство ему в голову не приходило. Хотя могло и сработать. Надо еще раз подумать. А пока следует рассказать отцу о своих приключениях и об Анне.

Мужчины проговорили до самого обеда, и генерал был в гневе на подлость командования сына, рад, что тот вышел из беды целым и бросил, наконец, некрасивое занятие, осознав правоту отца. Относительно девушки он решил разобраться сам — интересно же!

— Так значит, она тебя *выходила*? При этом ничего толком не умеет, ну, по нашим меркам? Говоришь, она старше своих нынешних лет? Занятно. — Генерал походил по залу и вновь присел рядом с сыном. — И она работала? Сама? И ее род деятельности у нас применения не найдет, она считает? Что ж за мир у них такой? Выясним, надо срочно учить ее языку и грамоте. Что-то да есть, не может не быть, чтобы она совсем была для нас бесполезна! Но не переживай, я в любом случае не брошу человека, спасшего моего ребенка. А уж женщину и вовсе! У нее есть характер, определенно! А это немало! Так что, сын, ссчастливым возвращением!

Мужчины обнялись, и разошлись: Хенрик — мыться и переодеваться, Карл — в кабинет, искать упоминание о родне.

Анна Николаевна впервые с момента попадания лежала в постели чистая.

Непередаваемое ощущение! Легкость в теле и голове, грубое, но пахнущее свежестью белье на, пусть и неудобной, но отдельной кровати настроило женщину на лирическую волну. Аня вспоминала вчерашний день и вяло размышляла о том, что ей, в целом, повезло.

Ванда привела ее в комнату на втором этаже и знаками дала понять, что это-для неё. Аня стояла в комнате квадратов 20-ти с узким высоко расположенном окном, камином, жаровней в углу, кроватью под балдахином и двумя сундуками вдоль стены с окном. Кресло, нечто, напоминающее бюро из фильмов про помещиков, высокий стул с медным тазом и кувшином, шкура (медвежья?) на полу— вот и вся обстановка. Почему-то подумалось, что комната женская. Аня поклонилась слуге и поставила свою сумку на сундук. Света в помещении было мало, но что поделаешь? Пока гостя осматривалась, прислуга достала из сундука полотно, халат и кусок мыла темного цвета и потянула Анну за собой.

— Мыться, фрау— сказала она, и Аня улыбнулась. — Пойдемте.

Они шли по галере к противоположной от входа стене, где в самом конце Ванда открыла узкую дверцу и Воронцова с удивлением увидела местный туалет: дыра в каменном возвышении вроде консоли выходила за пределы стены и сквозь нее была видна улица, а ветерок, тянущий в дыру, это подтверждал. «Боже, это все летит вниз, что ли? Обалдеть! Уж лучше бы в горшок!»-подумала женщина, но понятиливо кивнула, и сопровождающая вышла, оставив ее одну. Отказываться от использования удобств Аня не стала-не требовать же особого подхода?

Далее женщины спустились по другой лестнице и вышли на задний двор, где Аня снова вертела головой. Двор приличных размеров окружала каменная (кирпичная?) стена метров шесть высотой. Хозяйственные постройки располагались по одной стороне и давали представление о себе характерными запахами и звуками: конюшня, свинарник, коровник, птичник. Здесь же был колодец с воротным подъемом, огород за заборчиком и несколько деревьев и кустарников вдалеке. Ванда провела гостью по пыльной дорожке к неприметному деревянному сараю, оказавшемуся местной мыльной-баня для этой постройки слишком громкое название.

Деревянные стены, пол щелястый (чтобы вода стекала?), кирпичная плита, на которой грелась на треножнике в большом котле вода, а холодная стояла рядом, и две скамьи с деревянными бадьями-вот и все оборудование. Свет с трудом продирался сквозь окошко, затянутое какой-то пленкой (бычий пузырь, решила Аня).

Ванда показала, как черпаком набрать воду, куда сложить вещи и вышла, оставив приоткрытой дверь наподобие предбанника. Аня выглянула: там прислуга оставила для нее одежду и деревянные сабо на низкой полке. Поняв, что ей не стоит долго размышлять, женщина ополоснула бадью кипятком, набрала воды снова и, раздевшись, вымыла странным мылом голову несколько раз, потом вымылась сама, поливая себя водой из бадьи и воспользовавшись оставленной лыковой мочалкой, которую узнала — у бабушки в детстве была такая. Мыло, хоть не пахло розами и немного щипало кожу, все-таки хорошо отмывало давешнюю грязь.

Аня мылась долго, но когда вышла, прибравшись за собой, как смогла, Ванда ждала ее у двери на двор, сидя на низеньком стульчике. Доставшийся госте костюм (брюки и туника изо льна, халат и сабо) был великоват, и рукава пришлось подвернуть, но Анна была счастлива.

— Спасибо! — искренне поблагодарила она Ванду на местном. — Это было хорошо!

Ванда улыбнулась и повела ее обратно в дом, захватив Анины вещи. Пока они шли,

немногочисленные работники, копошащиеся в разных местах двора, поглядывали на незнакомца (одет как мужчина, волосы короткие-кто ж еще?) с любопытством, но без излишней открытости, так что сильного стеснения Воронцова не испытывала. Она понимала, что вызывает интерес, поэтому, что толку от ее недовольства?

Идти в тяжелых сабо было неудобно, давно Аня не ходила в такой обуви, но хоть не по земле босиком, и то хлеб. Волосы, тщательно вытертые льняным полотном, сохли на ветру, и к столу Анна Николаевна садилась уже с просохшей гривой, пышной и непослушной.

— Надо озадачиться чем-то, чтобы прибрать это безобразие — пробормотала она, когда увидела реакцию мужчин на ее вид.

Оба Вайса рассматривали рыжеволосое чудо с интересом: вымытые волосы гостью отливали медью, делая светло-карие глаза более яркими, а чистую кожу— бледнее. Сейчас ее никто бы не назвал парнем, если бы присмотрелся.

— Надо Ванде сказать, чтобы нашла шнурок — собрать это богатство. Иначе мы ее не замаскируем надолго, — заговори хозяин дома. — Не красавица, но манкая, а глаза и вовсе необычные. Такие не забудешь. Она точно москвитка, жидов у нее в роду не было, часом?

Хенрик же потерял дар речи. Он вроде и привык к внешности Анны, но в пути было не до того. А теперь мужчина обратил внимание и на глаза, и на белую кожу, и на волосы. Гостья из будущего отличалась от известных ему женщин не только хрупкостью, но и действительной необычностью: на светловолосых и голубоглазых славян она походила меньше, чем для легенды было бы надо. Придется открывать карты, признаваться и дать ей право на участие в поисках решения проблемы легализации в их мире.

Анна почувствовала неловкость от пристального внимания к себе. В принципе, она никогда особо не комплексовала ни по поводу внешности, ни по поводу производимого впечатления. Она вообще в плане социума не заморачивалась— люди вольны думать о ней, что угодно. Хамят— она отвечала быстро и хлестко, комплименты не воспринимала, пропуская мимо ушей. У Анны был круг близких, чье мнение было для нее важным, остальные — так, «мимопроходили». Отчасти это делало жизнь проще, но на работе иногда мешало: мужчины не прощали ей откровенного игнора. В молодости она была популярна в школе и институте, но сама контактировала со всеми ровно и одинаково. Могла долго терпеть неприятных людей, но ради дела или общего спокойствия. Аня считала себя прагматиком, отрицала излишнюю эмоциональность и уважала других за эмпатию. Но относительно своей холодности не расстраивалась, не придавая этому значения.

И вот здесь вдруг засмушалась.

— Обедать будем в моем кабинете — сказал Карл Вайс. — Сын, у тебя четверть часа на переодевание. Анна, прошу.

Женщина последовала за хозяином. Они вновь поднялись на галерею и вошли в комнату, раза в два больше выделенной ей. Здесь был неизменный камин, кресла и ковер на полу, три окна, кровать за ширмой и массивный стол (бумаги, чернильный прибор, перья в узком сосуде) с соответствующим ему креслом с высокой спинкой, шкаф с книгами почти до потолка во всю стену.

Генерал освободил стол, придвинул к нему два кресла и предложил Воронцовой присесть, а сам приоткрыл нижнюю дверцу книжного шкафа и достал оттуда стеклянный штоф и три таких же стакана, в два налил из сосуда жидкость, очень напоминающую виски. Поднял свой, и Анна сделала также.

— Думаю, ты выпьешь — произнес мужчина и пригубил напиток.

Да, это был виски-крепкий, пахучий и обжигающе-терпкий. Анна посмаковала, удивляясь такому жесту. Давно она не пила столь высокоградусный напиток, а здесь так и вовсе впервые.

Хозяин и гостья молча потягивали виски, когда в комнату вошел переодетый Хенрик с влажными волосами, а за ним слуги внесли подносы со снедью. Ванда накрыла стол тяжелой вишневой скатертью и расставила угощение: запеченная курица, тарелка с ветчиной и прочей мясной нарезкой, овощное рагу в горшочке, жареная рыба типа карпа, тарелка с хлебом, большой кувшин с каким-то питьем. Отдельно в глиняном стакане — ложки. Экономка разделал курицу, положила каждому на большие тарелки рагу и, поклонившись, вышла из комнаты, плотно закрыв за собой дверь. Свечи в подсвечниках и канделябрах разжег мальчик-слуга, пока Ванда сервировала стол.

— Давайте выпьем и поедим, разговор — после.

Карл Вайс снова налил виски всем троим, они выпили и принялись за еду. Анна перестала стесняться и ела с удовольствием — еда пришлась ей по вкусу. Хотелось бы зелени, но тут, видимо, это не принято. Хорошо, что сладкую квашенку не подали. Мужчины тоже не чинились. Некоторое время в комнате раздавались характерные звуки: стук ложек по тарелкам, хруст костей птицы, звон бокалов и редкие вздохи удовлетворения.

Наконец, едоки насытились и откинулись на спинки кресел. Анна продолжала тянуть виски, чувствуя легкое опьянение. И тут раздался голос Хенрика:

— Анна, я должен извиниться перед тобой.

Воронцова не сразу осознала, что немтырь говорит на русском. Она неуверенно посмотрел на спутника и конкретно зависла. Ей показалось или Хенрик произнес фразу действительно на ее языке?

— Прости, не поняла, — пробормотала женщина. — Ты сейчас что сказал?

Хенрик Вайс откашлялся и повторил:

— Анна, я должен извиниться перед тобой. — Аня уставилась на парня. — Да, я тебя понимаю, по большей части. По долгу службы в качестве королевской ищейки я изучал все значимые языки Северного континента. Твой язык похож на речь восточных соседей, московитов. — Анна изображала жену Лота, застывшую соляным столпом. — Прости, я не хотел обидеть тебя или посмеяться. Просто не знал, как сказать тебе раньше. И в дороге. Лучше, что ты молчала, не задавала вопросов и не привлекала внимания к себе. Здесь ты в безопасности, отец в курсе. Пока ты не освоишь наше наречие, молчи вне дома и дальше, я буду переводить отцу все, что ты считаешь нужным ему сообщить о себе.

Анна не могла говорить. Она даже не знала, злиться ли сейчас, настолько неожиданным было откровение спасенного. Она протянула руку к штофу, налила виски и залпом выпила не менее трети стакана, прокашлялась и, глядя на смущенного молодого человека, промямлила:

— Так значит, все мои бредни ты понимал и молчал? А я, как последняя дура, душу тебе изливала! Стоп! — Воронцова вдруг осознала, что он мог слышать! — Подожди, так ты знаешь, кто я? — Хенрик кивнул. — Что я не отсюда от слова совсем? И ты все равно притащил меня в свой дом и — она махнула в сторону Карла — представил меня отцу? И он тоже теперь в курсе? Господи, помогите!

Анна Николаевна тяжело опустилась в кресло, чувствуя, как голова пошла кругом. Хозяин замка с интересом следил за разворачивающимся действием и не вмешивался в диалог, смутно догадываясь о его содержании. Наблюдал за гостьей и делал выводы.

— И что дальше? Вы меня на опыты пустите или еще чего выдумаете? Попам отдадите?

В моей истории была инквизиция, которая жгла почем зря любых уклонистов и рыжих как ведьм и исчадий ада. Ну, ты и жук, дорогой товарищ! — Анна стукнула кулаком по столу. — Вот это здорово, Воронцова! Ты опять попала!

Она почувствовала себя такой дурой и жалкой, что закусила губу и отвернулась, чтобы успокоиться и не пустить слезу. Виски сделал свое дело: Анна расклеилась. Обидно до ужаса и так же страшно.

Карл первым заметил перемены настроения женщины и шикнул на сына:

— Что ты ей сказал? Смотри, она готова расплакаться! Дурень ты, Хенрик! Переводи!

Карл обошел стол, присел перед Анной на корточки и вытер женщине слезы, против воли выкатившиеся из глаз. Взял ее за руки и глядя в глаза, начал говорить:

— Анна, не сердись на этого идиота! Он никогда не был хорош в подборе выражений. Не знаю, что он сказал и что ты подумала, но я обещаю— твоя тайна не выйдет за пределы этой комнаты. — Анна внимательно слушала перевод Хенрика и смотрела на сидящего перед ней старшего Вайса. Почему-то мужчина ей импонировал.

— Анна, дело в том, что в нашей истории ты— не первая пришелица. Он — Карл кивнул на сына— как раз работал в службе, задачей которой является отлов и использование знаний таких людей. Да, да, я всегда был против их деятельности, но наш король, долгих лет ему— Карл скривился при этих словах — повернутый на новинках правитель, грезящий о великой Пруссии, сильной и грозной, поэтому и ищет пришельцев, чтобы, как его предок, с их помощью продвинуть развитие страны вперед остальных.

Анна немного успокоилась и помогла Карлу встать.

— Герр Вайс, сядьте нормально, мне неловко, я же не ребенок.

Выслушав перевод, Карл улыбнулся, погладил женщину по голове и вернулся на место.

— Так уже кто-то к вам попадал? — Хенрик кивнул. — И что с ним стало? И давно это было? И почему вы мне помогаете?

Анна сыпала вопросами, пока хозяин не остановил ее и не налил еще выпить всем. Хенрик продолжал работать переводчиком до поздней ночи, пока Анна не начала зевать от усталости. Карл проводил ее в комнату, похлопал по плечу и велел спать и не волноваться. Теперь это ее дом. Аня так растрогалась, что обняла генерала, расцеловала в обе щеки и, махнув Хенрику, на которого уж не могла сердиться, отправилась спать. Завтра будет время обо всем подумать на трезвую голову.

Анна прониклась глубокой благодарностью к обоим Вайсам, хотя поначалу очень разозлилась на Хенрика. Воронцова испытывала одновременно гнев за обман и смущение от своих откровений, но по мере углубления в тему вынуждена была признать, что Хенрик поступил благоразумно, не открывшись ей до сих пор. Общение же с генералом, его спокойствие, доброжелательность и мудрость поселили в сердце надежду на положительный исход ее ассимиляции в этом мире. Карл Вайс обладал проницательностью, здравомыслием, чувством юмора и широтой взглядов — насколько могла оценить Анна из перевода его слов. Вообще, этот разговор на троих убедил попаданку в острой необходимости изучения языка — чем скорее, тем лучше. Оба мужчины предложили себя в качестве учителей и женщина с радостью согласилась.

— Анна, сейчас главное — придумать для тебя правдоподобную легенду. Мы хоть и живем далековато от столицы, и сын уволился, но все-таки следует проявить бдительность. Ищейки вряд ли сюда приедут, учитывая обстоятельства отставки Хенрика, но лучше перебдеть. Ты что думаешь о этом? — спросил успокоившуюся женщину Карл. — Ты не похожа на москвитов, хотя сначала я и хотел тебя выдать за родственницу оттуда. Есть такая возможность. Но ты отличаешься. Что-то в тебе есть от жидов — задумчиво протянул генерал, а Анна расхохоталась.

— И здесь есть жида? — давась смехом, произнесла она. — Вот уж вездесущие и вездесующие! — Мужчины посмотрели на смеющуюся пришлицу. — Дело в том, что у нас их хватает во всех странах, хотя они и умудрились обосноваться в земле обетованной, Иерусалиме, согнав оттуда коренных арабов. И меня дома тоже подозревали в еврейских корнях, но, по крайней мере, три поколения моих родных себя таковыми не считали. Моя бабушка проговорила как-то, что были у нас в роду цыгане, а кто-то из родни имел то ли испанскую, то ли португальскую кровь. Испания, Иберия, Португалия, на юго-западе? Есть такая здесь? — Хенрик кивнул. — А там-не уверена, но бабушка точно была похожа на португалку: черные глаза, черные волосы, строгая и молчаливая. — Аня вздохнула. — Я вообще-то русая, просто красилась хной всегда, а вот здесь почему-то стала медной.

— Это можно использовать. — Генерал пожевал губами. — Жидовки красивы, необычны и гонимы, поэтому многие северные аристократы покупают их в наложницы или крадут. Может, скажем, что ты смесок, с малой долей их крови, но понравилась какому-то италийцу, он тебя выкрал, а ты сбежала..

— Ага, и потеряла память — добавила Воронцова- классика жанра. Такое прокатит? — обратилась она к Хенрику.

— Вполне. Меня нашла, когда бродила в Альпенах, помогла, и я тебя привез к отцу. Сделаем тебе бумаги в ратуше, нам не откажут. Главное, чтобы ты произвела должное впечатление, этакой несчастной потерянной глупышки, будто заново родившейся.

— Спасителей у нас уважают — добавил Карл Вайс. — И мое слово тоже.

Так и порешили. Сначала Анна выучит язык, чтобы самой объясниться с властями, освоится, а потом и Вайсы надавят. Покидать замок ей не стоит как можно дольше, а там видно будет. С прислугой хозяин познакомит позже, для всех пока она- почти немая и странная из-за перенесенного потрясения.

— Платья и остальное тебе Ванда подберет — начал было генерал, но Анна Николаевна его перебила.

— А можно мне в мужской одежде ходить? Я не очень люблю платья, в брюках удобнее. У вас такое не принято?

Вайсы переглянулись. Подобное, действительно, не принято, но были отдельные дамы, даже среди аристократок, которые нарушали приличия, выезжая на лошадях в мужском костюме или широких юбках поверх них. Оригиналоск осуждали, но не преследовали, просто избегали. Священники налагали на них епитимьи, но дамы продолжали смущать общество.

— Пока ты в замке, ходи как хочешь, тем более, волосы короткие. Но когда отрастут, придется смириться, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Так, дети мои, спать! Учиться начнем завтра.

Действительно, со следующего дня Анна Николаевна засела за парту. Обучение языку длилось целыми днями, грамоте-по утрам. Знакомство с челядью, прослушивание разговоров во дворе и изучение книг при усердии женщины принесли свои плоды— уже через пару месяцев Воронцова вполне сносно выражала свои мысли и говорила простыми предложениями, могла читать и писать. Память вдруг решила проявить себя и стала подбрасывать подсказки из школьного курса немецкого, поэтому язык не казался таким уж сложным и неодолимым. Хенрик практиковался в русском, и жили они почти в гармонии: дружно и интересно.

Генерал с удовольствием слушал ее рассказы о мире 21 века, задавал много вопросов о технологиях, из чего Аня сделал вывод, что в нем живет инженер или изобретатель. Многого она, естественно, объяснить не могла, но старшего Вайса это не смущало: он хватался за идею. Одну только тему Анна обсуждать отказалась: война и вооружение.

— Извините, генерал, не хочу и не буду говорить об этом. Моя страна пережила слишком много горя от войн, с вашими соотечественниками-аналогами в том числе. К сожалению, человечество преуспело в уничтожении себе подобных куда больше, чем в защите окружающей среды. И даже если я ничего не знаю о разработках оружия и военных стратегиях, мне неприятно вспоминать о таком. Простите и не настаивайте, пожалуйста.

Анна прекратила разговор в этот раз и ушла. Генерал вздохнул понимающе и более не настаивал на продолжении темы. В самом деле, он теперь гражданский человек, королевство, слава Спасителю, ни с кем не конфликтует, пока, по крайней мере. Не стоит расстраивать девочку по-напрасну.

Анна Николаевна тоже интересовалась новым миром. Из разговоров с хозяевами она примерно поняла, что оказалась в похожем на наш мире, немного, но вполне узнаваемо. Как это говорится, параллельный. Северный континент — Евразия, где-то есть океан, а за ним открытый местными материк Индиана, откуда привозят диковинные растения, животных и драгоценные металлы и камни. Есть тутошнии Сина и Индостан, Нубия и Магриб, жиды московиты, бритты. Живут соседи относительно мирно, так, ссорятся по пустякам, в основном переключились на неизведанные дали. Королевство Пруссия имеет только один порт на Седом море, и дальше ее не пускают, но сухопутные торговые связи на континенте ей доступны. Временной отрезок, соответствующий прежней истории, попаданка определила ооочень приблизительно: век 16–17, а по некоторым позициям и того раньше. Вот Лариска бы, с ее историческими познаниями, лучше бы сооретировалась, думала Воронцова и вздыхала: знала бы, где упасть...

Прежнюю жизнь женщина старалась, очень старалась, не вспоминать. Именно не вспоминать, а не забыть. Для чего погружалась в освоение языка, правил и местных особенностей, не оставляя себе ни минуты на рефлекссию. Нытье о несбыточном ей не было свойственно, пусть последние годы она и предавалась сожалениям и раскаянию, да только лучше не становилось. И теперь Аня понимала, как бездарно проводила свое время: страдать страдала, а ничего не менялось. И раз у нее появился еще один шанс, стоит им воспользоваться. А по отношению к прошлому — представит, что отправилась в далекое путешествие. На пенсии ведь этим можно заняться?

Дети? Они уже настолько взрослые, что могут сами решать свои проблемы. Она вот осталась сиротой в тридцать и выжила. Их двое, должны справиться. Горько, но что поделаешь? Лишь бы все у них было хорошо.

Когда Анна Николаевна смогла более-менее объясняться на местном наречии, генерал предложил обучить ее верховой езде — единственной альтернативе пеших переходов. Карету Вайсы не держали, так что лошадь стала для Ани следующей задачей. К собственному удивлению, попаданка поладила с животинкой, и спустя пару недель могла неплохо держаться в седле. Задница и ноги болели, мужчины посмеивались, Ванда ворчала, но мази и ванны помогали избавиться от негатива последствий освоения транспорта. И с каждым разом перед Анной открывались прелести передвижения таким способом, тем более, что благодаря лошади она смогла увидеть мир за пределами замка.

Стена, окружавшая замок, была широкой и высокой, поэтому осмотр периферии доставлял женщине удовольствие. За стеной был ров, наполненный водой, за ним — поля, деревня и отдаленный лесной массив, принадлежащий Вайсам. Анна любила стоять на стене по утрам, вдыхать поразительно свежий и вкусный воздух и представлять, как она посетит места, что видит сверху.

Генерал передал бразды управления сыну, и Хенрик вынужден был окунуться в амбарные книги, встречи с арендаторами и объезд земельных угодий семьи. От непривычных забот парень уставал, но отец требовал вникать в дела и решать проблемы. А они имелись, и немалые. Деньги, скопленные за годы службы, почти все ушли на оплату недоимок по налогам, и остро встал вопрос о новых источниках дохода.

Анна особо не вникала в проблемы хозяев, но озабоченный вид Хенрика ее беспокоил. Однажды на традиционных вечерних посиделках она предложила свою помощь в обсуждении хозяйственных проблем.

— Да, я ни разу не агроном или земледелец, но свежий взгляд и прочее. Я хорошо владею математикой, знаю способы ведения учета — могу здесь помочь. Давайте проедемся по вашим землям, вдруг, да и увижу то, на что вы не обращаете внимания, а?

Вайсы переглянулись и одобрительно закивали. А и правда, что они теряют? Анна будет парнем, а крестьянам не до внешности господ.

— Завтра с утра и отправимся. Деревни ближние посмотрим, при замке и за лесом, там еще озеро красивое, — восторженно воскликнул генерал. — Может, поохотимся, а, сын? Засиделся я что-то на месте. Анна, готовься!

Прогулка по городам и весям запомнилась попаданке морем разнообразных впечатлений, красот и отбитым задом. Последнее, несмотря на неудобство, было меньшим злом, потому что остальные перекрывали эти неприятность.

Троица выехала из замка ранним утром и отправилась по грунтовой дороге в сторону леса, раскинувшегося на холмах недалеко. Первым объектом стала лежащая почти у замка деревня, откуда семья Вайс получала ежедневно продукты и фураж для скотины, имевшейся на заднем дворе. Та живность, что содержалась в замке, была слишком малочисленной, чтобы прокормить немалую армию хозяйских слуг и использовалась исключительно для выращивания на убой в зимний период.

Аня сразу отметила, что деревня отличается от привычной ей российской, к сожалению, в лучшую сторону. Дома, по большей части деревянные, производили впечатление

добротных, пусть и с соломенными крышами. За домами видны были приличных размеров огороды, хозяйственные постройки, а вот садов почти не было, так, парочка яблонь да вишен. Были и брошенные дома, но меньше. Редкие сельчане с хозяевами здоровались уважительно, но никаких вопросов не задавали, продолжая заниматься своими делами. Та же картина наблюдалась и на полях, окружающих деревню и простирающихся далее: шел сбор урожая, и на полях образовывались скирды злаковых, стога сена и кучи корнеплодов.

Местность была открытой, ровной, лишь изредка попадались овраги, мелкие ручьи и рощи. Ни овец, ни коз, ни коров стадами Воронцова не увидела, хотя невозделанные участки имелись, зарастая травой по пояс.

Вторая деревня оказалась почти идентична первой, но закрытых домов было больше. Здесь, близко к лесу, неровности земли преобладали, и возделанных полей было меньше.

Лес Аня увидела издали и испытала сильное желание побродить под сенью деревьев и поискать грибы: по ее ощущениям, сезон для тихой охоты был в разгаре. Когда всадники подъехали к небольшому, заросшему камышом, озеру, мужчины спешили, расчехлили мушкеты(генерал просветил Аню об этом) и, привязав лошадей, собрались охотиться на водоплавающих или кто попадет, Воронцова спросила:

— А без собак справитесь? Вдруг в воду упадет ваша дичь?

Мужчины почесали затылки:

— Да уж, замечание... Ладно, что получится. А собак не держим давно, дорогое обходятся.

Анна улыбнулась и задала следующий вопрос:

— По лесу походить можно, никто меня не утащит?

Хенрик рассмеялся:

— Не знаю, зачем ты собралась в лес, но не волнуйся — здесь, по краю, безопасно. Местные не любят Дичтвальд, сюда никто не ходит, кроме травниц. Глубже водятся кабаны и лоси, иногда и волки приходят, поэтому желающих шататься по дебрям мало. Не уходи далеко.

Анна передернула плечами, но охота, как говорится, пуще неволи. Природа очень походила на среднерусскую, грибы должны тоже быть аналогичными. Ну, хотелось бы. Анна сняла с седла притороченную сумку (спутники еще удивлялись, зачем она в нее вцепилась) и, вытащив из нее маленький перочинный ножик, с мыслью: «Авось, пронесет» — вошла в лес.

Дубы, березы, осины и ели перемежались примерно в равных долях, нашла Аня и немного кустов черники и малины. Продираться сквозь заросли не приходилось, хотя лес носил название «густой». А вот грибы женщина обнаружила почти сразу и много. Видимо, действительно никто сюда не забредал. Белые, подберезовики и подосиновики перемежались с сыроежками и маслятами. Грибы были так хороши, что Аня наслаждалась их видом и процессом, ощущая радость и предвкушение. Сомнений в съедобности у нее не возникало — в этом царстве она разбиралась, но если что-то напрягало, Аня просто отказывалась испытывать судьбу. Через час сумка была полна, и Воронцова вышла к озеру, где раздавались редкие выстрелы, крики мужчин и хлопанье крыльев.

Усевшись рядом с привязанными лошадьми, меланхолично жуящими сочную травку, Анна Николаевна перебрала урожай, выбросила лишнее под куст и стала ждать охотников. Те появились довольно скоро, и еще издали потрясли птичьими тушками, довольно улыбаясь женщине.

— Ха, справились даже без собак! — гордо возвестил генерал. — Ванда приготовит, и вечером попируем. А ты что это набрала?

Мужчины сунули носы в сумку и недоуменно уставились на Аню.

— Грибы, не узнаете? Они тут диво как хороши, и ни одного червивого. Пожарим со сметанкой или яйцами. Жаль, картошки нет— мечтательно проговорила Анна. И ничего не услышала в ответ.

Мужчины смотрели на нее, как на обретшую рога.

— Вы грибы не ели? — местные помотали головой. — Да ладно, неужели? Такое добро рядом, а вы не знаете? Ой, не могу? Дикие вы люди, мальчики!

Аня смеялась, мужчины удивлялись.

— Обещаю, вам понравится. Еще раз приедем, с корзинами, их тут видимо-невидимо. Засолить, засушить, замариновать и все зиму радоваться. Не бойтесь, я сама есть буду, увидите.

— Грибы у нас считаются несъедобными и вредными. Никто до тебя не собирал. Это московская еда? — спросил Хенрик, а генерал поджал губы. — Ты уверена, Анна?

Воронцова даже обиделась:

— Я тебе врала? Сказала же, попробуете после меня. Потом извиняться будешь. Поехали, скоро стемнеет.

Аня понимала, что неизвестность пугает, но и за грибы, и за себя было обидно. Она промолчала всю дорогу, а по приезду сразу отправилась к Ванде на кухню

Экономка от хозяев в оценке продукта не отличалась, но предоставила госте все требуемое. Сама же принялась потрошить дичь, изредка бросая любопытные взгляды в сторону Ани.

Кухня, расположенная в полуподвальном помещении произвела на попаданку впечатление: длинный зал был заполнен людьми, преимущественно мужчинами и мальчиками, дымом и копотью. Дышать было трудно, от шума и стука, бряканья металлических ножей, котлов, сковород и прочего заболела голова. Огромный очаг использовался как основное место готовки: в одном углу висел на цепи котел, в котором что-то кипело, с другой стороны, на уставленной внутрь прямо на огонь треноге на огромной сковороде с длинной ручкой что-то жарилось. Посередине, на широком столе рубили, резали, кромсали овощи и мясо, у дальней стены женщины чистили птицу, овощи и мыли посуду. На Аню, попросившую широкий таз с водой, смотрели недовольно.

Вывалив в таз свою добычу, Аня подошла к закончившей с одной тушкой Ванде и тихо сказала:

— Пусть таз не трогают, когда закончится вся работа, приведите меня, я сама разберусь, хорошо? — Ванда кивнула, и Воронцова покинула кухню, провожаемая недоверчивыми взглядами ее обитателей. Готовить в такой обстановке она категорически отказывалась.

Мужчины, переодевшись и освежившись, ждали ее в кабинете генерала, как у них повелось. Аня тоже привела себя в относительный порядок и присоединилась к Вайсам.

— Грибы пока пришлось отложить, народу не хочу мешать. Кстати, Карл, посмотрела я на вашу кухню. Жуть какая! Толкотня, чад, продукты все подряд лежат! По другому здесь не принято?

— Я в такие дела не лезу, но что ты предлагаешь? — спокойно ответил генерал. — Так всегда было, у всех. А можно иначе? И вообще, что ты заметила в деревне?

Анна уселась по-удобнее, подвернув под себя ногу. Мужчины уже привыкли к такой ее позе, поэтому не очень удивились и приготовились слушать замечания гостьи из будущего.

— Начну с кухни. Мне нравятся камины, но как элемент декора, а не обогреватель. Это же деньги на ветер, в прямом смысле! У нас есть печи, дающие и тепло, и готовить в них можно, и дров меньше тратиться. Устройство я, к сожалению, не знаю, но, Карл, вы же человек с техническим складом ума, думаю, должны сообразить на досуге.

И Анна принялась излагать суть русской печи, печи-буржуйки, усовершенствованной для дач, плиты и духовки. Карл достал бумагу, и женщина нарисовала примерную схему оборудования.

— Труба узкая выходит на улицу, а заслонки регулируют температуру внутри. Откроешь больше — жар упадет, выдует его, меньше — будет горячее. Кирпич, из которого складывают печи, держит тепло дольше камня. У вас же есть кирпич? Ну вот, можно поэкспериментировать. Дальше, плита. Тот же очаг, но внутри кирпичной ямы, а сверху — железный лист, на котором и готовят. Продукты надо хранить и доводить до ума отдельно, не на одном столе мясо и тесто, например. Ферштейн? Камин тоже можно усовершенствовать. У нас в похожее время были печи-голландки. Их обкладывали кафелем, ну глиняные плиточки глазурованные, видели? — тут кивнул Хенрик. — Кстати, статья дохода, между прочим. Гончара озадачить и стекольщика найти, в паре они обязательно сообразят, как сделать. Людям иногда нужно просто задать направление, и профи найдет путь к цели сам.

Вайсы слушали с интересом, Карл записывал что-то, а Хенрик формулировал вопросы.

— О, перья! Это ж какие траты! Можно сделать металлическое перо. Не знаю, как у вас с тонким кузнечным мастерством, но ювелир точно справится. Сначала дорого, но как обыграть! Долговечное. Удобное, почерк выравнивает, на психику детей действует положительно, мне подруга говорила. — И Анна Николаевна изобразила перо как в ручке «с открытым пером», которым училась писать в начальной школе, до шарика. — Оно должно быть чуть вогнутое, на конце капелька металла, гладенькая такая, а на широкой части и посередине — тонкая прорезь, чтобы чернила стекали, но кляксы не делали. Улавливаете мысль, товарищи?

Товарищи загорелись и ждали следующего откровения.

— Так, по деревне. Скучновато. Земли много, толку меньше, хотя есть справные хозяйства. Садов не видела. И животные тоже. Травы полно между тем. Почему овец или коз с коровами нет? Фруктовых деревьев нет? Яблоки, груши, вишни? Смородина, малина (в лесу есть, видела), крыжовник?

— Озеро ваше? — Хенрик кивнул. — Рыба есть там? Уток не запускали или карпов на развод? Чем не вариант дохода? Карп растет быстро, толстолобик вряд ли есть. Может, сазан? Утки... Построить там фермочку небольшую, на воде птица сама найдет, что поест, но подкармливать надо. Как и рыбу. Огородить участок, охранять и ловить. А потом: соли, копти, живую в ресторан продавай. Вон, тому же Шульцу. На постоянной основе.

Генерал и сын переглядывались: интересно мыслит гостья. Им в таком ракурсе собственные угодья не виделись. Да и хозяйственной жилки у потомственных вояк отродясь не было. Крестьян обложили податями и ладно. Не додали — пошли вон. И они уходили: в город, в бродяги и разбойники, кто куда. Крестьян держал надел и повинности, но не крепостное право. Не было здесь такого.

— И что ты предлагаешь делать? Как удержать и заставить работать? — лукаво спросил

генерал.

— Люди во всех мирах одинаковы. Ими движут изначальные инстинкты: голод, холод, страх и секс. Ну, размножение. — Мужчины прыснули. — Ну смейтесь, смейтесь! Однако это факт. Ведь причины-то просты— все хотят жить хорошо, сыто, комфортно и без проблем. Работать будут за интерес, приносящий возможность иметь вышепересчисленное. А значит, надо им дать этот самый интерес. Работать на дядю и даром — невелика надобность. Поэтому и бегут при первой возможности. Как заинтересовать? У нас был опыт колхозов. Вряд ли это выход в вашем случае, но если привлечь работников трудоднями? Тут дело вот в чем: свободные крестьяне, не способные выполнить объем податей, переводятся в категорию батраков и получают за работу на вашей земле, любую работу, зарплату. Ну, выплату по итогам. Это могут быть деньги, а могут быть и продукты— те, что они вырастили. Надо просчитать, сколько у вас чего растет, и по осени выдавать им зерно, овощи, живность. Принцип-как потопаешь, так и полопаешь. Пусть наделы остаются, приусадебные, а основные земли вы заберете у них на таких условиях. Они— свои руки, вы — гарантированный прокорм. Только сначала надо все исследовать: что растет, как, у кого идет, а у кого нет ни ума, ни таланта.

Генерал давно уже не писал, задумчиво глядя в стену. Хенрик пытался уложить непривычные идеи в своей голове. А Анна Николаевна продолжала фонтанировать.

— Понимаю, это ново и странно. И главное — трудно и боязно. И деньги нужны. Первоначальный капитал, а его, я так понимаю, недостаточно на покупку, например, овец или уток. Значит, надо придумать, где сначала заработать. — Аня уставилась на почти пустой штоф и воскликнула. — Эврика!

Собеседники аж вздрогнули.

— Мы пьем виски? — Карл кивнул. — Дорогой, поди? Заморский? — Вайс подтвердил. — А что такое виски? Это самогон, настоявшийся в дубовых бочках несколько лет. Также делается и коньяк во Франции.

Хенрик удивленно поднял брови: об этом напитке он слышал в столице. Сам не пробовал, но командир, когда получил в подарок от короля бутылку неизвестного напитка из Фракии, был горд и доволен.

— Анна, ты предлагаешь нам самогон?

Аня радостно закивала:

— Ребята, водка и табак — первые монополии государства, приносящие только на акцизах сумасшедшие деньги! В перестройку, когда один наш вождь решил бороться с пьянством, вырубили виноградники, так нашел народ выход: почти в каждом доме появился самогонный аппарат! И гнали свой чистый продукт под 70 градусов только так! Градусы? Ну, это единица измерения крепости напитков. Виски, например, до 50 не дотягивает.

Карл Вайс с изумлением посмотрел на стакан и крякнул. Если его забирает из-за меньшего градуса, то, что тогда будет при большем?

— Ты знаешь, как сделать этот аппарат? — заинтересованно обратился он к Воронцовой.

— Блин, только в теории! — повинулась попаданка. — Но я верю в силу мысли! Надо поискать какого-нибудь не от мира сего кудесника и озадачить из моих подсказок сотворить нужное.

И Анна принялась рисовать идею: металлический бидон с плотно подогнанной крышкой, из которого выходит изогнутая трубка, опущенная в воду, а между ними— еще одна

емкость для слива пара. Карл внимательно следил за ней и начал находить изюминку.

— Забродивший сок фруктов или зерна с водой и сахаром, нагревается и потом испарения, охлажденные водой, сливаются. При несовершенном аппарате перегонять нужно дважды, причем, самые первые и последние части выливаются — иначе можно отравиться. Проверяется крепость поджогом жидкости: горит синим пламенем, не чадит — крепость и чистота нужные. На спирте можно настаивать что угодно: и ягоды, и фрукты, разбавлять отварами трав — вот и настойки. Продавать в таверны — деньги. Чистый спирт — докторам, он хорошо обеззараживает, им можно растираться при простудах, ревматизме. Изначальный выход будет меньшего объема браги, но зато дороже. Дело к осени, набрать яблок или чего там, поставить брагу и попробовать зимой.

Анна откинулась на спинку кресла и обвела взглядом притихших мужчин.

— Простите, ребята, что столько вывалила. Но подумать-то стоит? Ладно, я к грибам, Ванда пришла.

И Воронцова отправилась на кухню, а Вайсы остались переваривать сказанное.

Ванда осталась рядом с Анной в опустевшей кухне. Ее разбирало любопытство. Гостья хозяйев оказалась своеобразной, но почтительной внимательной и необычной: очень свободной, не жеманной, не надменной. Ванде она нравилась, хотя и смущала женщину манерами, прежде всего тем, что отказалась носить платья. Ванда вынуждена была отступить, настолько решительно отвергла женский наряд гостья. Экономка видела отношения господ к этой странной женщине и поначалу боялась, что та начнет устраивать свои порядки в доме и очаровывать одиноких мужчин. Но, спустя время, домоправительница признала, что ошиблась. Пришлая ничем не демонстрировала особый интерес к мужчинам и делам, была поразительно спокойна, доброжелательна и нетребовательна. Слуги считали странную гостью парнем, шушукались между собой, и Ванде приходилось периодически напоминать правила.

— Нечего языками чесать по-напрасну. Господам виднее. Занимайтесь своими делами и не лезьте, куда не надо — выговаривала она особо болтливым.

Вот и сегодня, после появления пришельца на кухне, поварята норовили изучить таз с принесенными гостьей грибами, коих тут отродясь не ели. Ванда гоняла их полотенцем и с нетерпением ожидала окончания кулинарных работ, чтобы позвать Анну на кухню.

— Ванда, простите, задержалась за разговором — начала Воронцова. — Мне нужна кастрюля, соль, перец, если есть, лавровый лист и шумовка, пену снимать. Поможете?

Пока Ванда собирала названное, Аня вымыла отмокшие грибы, порезала по-мельче и водрузила кастрюлю с водой и грибами на крюк над очагом.

— Вот, теперь закипит, снимем пену и варить минут сорок. — Аня не стала делить лесное богатство на виды — в следующий раз.

Пока ждали закипания и окончательной варки, женщины как могли, разговорились, и Анна и тут поделилась впечатлениями от кухонной обстановки. Параллельно она чистила лук, замешивала тесто на лапшу, отмыв предварительно горячей водой участок стола, раскатывала под внимательным взглядом экономки и говорила:

— Ванда, не поймите меня неправильно, но на такой кухне многие блюда не приготовишь, согласны? Вам бы немного тут все изменить. Мясо нежелательно разделявать рядом с другими продуктами, от этого портиться вкус и размножаются бактерии. Ну, болезни могут приключиться. Да и над открытым огнем опасности больше пораниться.

Ванда кивала, но что она могла? Так принято.

Аня тем временем закончила с лапшой, рассыпав ее на посыпанный мукой противень, поданный Вандой, и попросила:

— Поможете мне? Боюсь, с такой сковородой и огнем я испорчу грибы. Я объясню, что нужно, а вы сделаете, хорошо?

Ванда кивнула, и работа в две руки закипела. Готовые грибы откинули, освободили от бульона, вылив его в другую кастрюлю. Анна проговорила экономке, что нужно пожарить лук (оливковое масло нашлось), на другой сковороде пожарила муку с ложкой сливочного масла, добавила сливки и, помешивая, отправила туда же грибы, накрыла крышкой и оставила на отставленной в сторону треноге на некоторое время томиться. Сыра в кухне не оказалось, но был перец и мускатный орех, который Аня нашла по запаху. Пока томились грибы, пожарили еще порцию лука, и вместе с частью грибов заварили лапшу. Запах стоял такой духовитый, что Ванда не могла дождаться, когда гостья снимет пробу и даст ей.

— Готово, пробуем, — наконец постановила Воронцова.

Оба блюда были прекрасны, по ее мнению. Ванда нерешительно зачерпнула лапшу из миски и на мгновение застыла — необычно. Но приятный вкус порадовал экономку. Недо- жульен ей понравился еще больше.

— Фрау Анна, это отличный суп! А запеканка достойна короля! — польстила экономка, впрочем, не сильно — то и отступая от правды. — Немного непривычно, но где вы взяли эти грибы?

— Да в вашем же лесу, их там хоть косою коси! Конечно, надо знать, что брать, но это дело практики. А их солить можно и сушить, и мариновать! Ванда, это вкусно, питательно и даром. Научить? А собирать как увлекательно!

Довольные общением женщины собрали поднос, добавили зажаренную дичь, хлеб и отправились кормить мужчин.

Ванда решила обязательно посетить Дичтвальд вместе с гостьей и научиться обрабатывать грибы. Это какое подспорье в будущем!

В отсутствие Анны отец и сын долго молчали, а потом разом заговорили. Первым остановился Хенрик, и Карл взял слово.

— Зря она жаловалась, что ничего не умеет. Мысли у нее новые, дают пищу для размышлений. Правда, мы живем без видимых перемен, привычкой. Смотри, я по ее словами зарисовал перо. Знаешь, сын, на этой идее можно хорошо пожить. Есть у меня один знакомец из жидов, кстати. Ювелир. Проныра, как и все их племя, но на новинки реагирует быстро. Думаю, он оценит перспективы и возьмется за изготовление.

— Отец, тогда надо его пригласить и заключить договор, иначе нам денег не видать. Или самим съездить. Куда?

Карл прошелся по комнате.

— Сюда его звать не стоит, хотя так было бы проще. Живет он в Вальдкрайбурге, за день обернусь. Заодно попытаю насчет этого самогонного аппарата, только сам сначала продумаю. Представь себе, сын, если такой финт выгорит? Шульц с руками оторвет все, что сделаем! Я так понял, что дело это не требует больших вложений, кроме самого приспособления. Можно самим попробовать, кузнец есть в Пюртене, бывший солдат, служил под моим командованием. Недурной мужик, дельный. Надо подумать. А ты поезжай-ка еще раз по нашим деревням и присмотришь, у кого из крестьян дела в полях хорошо

поставлены, выбери парочку, пригласи. Мы с ним уважительно побеседуем, глядишь, что-то тайное и узнаем. Много ли простому человеку надо? Внимание, еда, уважение. И как я раньше этого не учел? Столько лет сижу тут и жалуясь на недобор податей!

Хенрик был согласен с отцом. Их аристократическая гордость не могла прокормить, знаний не было, вот и стали беднеть. А Анна— она другая, видит людей, а не социальные группы. Мысль перевести работников на натуральную оплату показалась ему дельной. Так они между своим наделом и господским рваться не будут, а уверенность в будущем появиться. И с овцами тоже неплохо: мясо, шерсть, шкура. Он знал, что на севере, у бриттов, овцеводство в почете, они так даже крестьян ценят меньше баранов. Их шерстяные ткани по всему континенту славятся. Рыбоводство— этого вообще никто не делал! А рыба в озере Дичт есть!

Съездить он обязательно съездит, беды не будет, а вот выгода вероятна. Еще надо Анну попросить помочь с расчетами, она же предлагала. Он уже измучился сводить-разводить эти цифры!

— Сын, а что ты думаешь относительно печей и каминов? Я как-то посчитал, что за зиму мы сжигаем чуть ли не половину Дичтвальда! А тепла действительно мало. По молодости не обращал внимания, а сейчас стылость стен учувствую на своих коленях. Помню, солдаты говорили, что московиты в домах здоровенные печи ставят, тепло от них идет по всей комнате. И готовят там же. И бани у них есть не такие, как наши мыльни. Интересно, как же это соорудить? — он уставился на рисунок Анны. — Ишь, голландки! Эти водяные и там отличились! Мне их мельницы нравятся: ветер дует, а она вертится и воду качает, и муку мелет. Вот что надо перенимать, а не пришельцев по миру искать! — Генерал повысил голос. — Анну ты правильно привез, нечего добром разбрасываться. Самим пригодиться.

Хенрик тихо рассмеялся, а Карл продолжил:

— С ее появлением я как-будто помолодел, зашевелилось в душе желание двигаться, делать, мозги применить не к войне. Где-то у меня книжки были италийца одного, изобретателя и художника. Такие бредовые идеи выдавал! А вот теперь сомневаюсь, а бредовые ли? Просто не ко времени ум его пришелся. Почитаю, покручу. В молодости я тоже хотел руками что-то делать, но дед твой запретил и думать о таком. Вот и пошел по стопам предков...

Карл Вайс помолчал, а потом с жаром продолжил.

— Сын, мы должны рискнуть! Деньги нам с неба не упадут. Вариантов Анна нам набросала достаточно, и еще выдаст, я уверен. Крепко подумаем, что-то да выстрелит, вот прям печенкой чувствую!

Младший Вайс не мог не радоваться настроению отца. В самом деле, с гостьей он оживился, взбодрился, и это не касалось его мужской стороны. Просто Анна умудрилась привнести в их размеренную и скучную жизнь поток свежего воздуха. И завертелись мысли, пробудились чувства, проснулся дух авантюризма, без которого мужчины чахнут и стареют. Вот права гостья, не знаешь, где найдешь, где потеряешь! Его предали свои, а спасла во всех смыслах чужая. Хенрик ни минуты не жалел о вынужденной отставке и приветствовал новый этап своей жизни.

Появление женщин с подносами вернуло господ к насущному. Накрыв стол, Ванда удалилась, а Анна провозгласила:

— Мужики, пробуем! Грибная лапша, недо-жульен и дичь! Я первая!

Анна наполнила миски супом, сняла пробу, и Вайсы нерешительно начали есть. Судя по скорости поглощения, блюдо понравилось. Запеканку тоже уговорили, хотя повариха предупредила, что в отсутствии сыра эффект не тот. Дичь была съедена уже из уважения к экономке.

Сытые собеседники вернулись к обсуждению новинок.

— Анна, примите слова благодарности и восхищения! Ничего подобного не ел нигде! Шульц бы душу продал за рецепт! — сказал Хенрик, а Аня встрепенулась.

— Вот и еще источник дохода! Вот эти вот грибочки— она выбрала белые — можно сушить, а зимой замочить и также приготовить! Эксклюзив! Единственное— грибные года, как и неурожайные, чередуются, поэтому наладить поставки каждый год затруднительно. Но! Ванда готова составить мне компанию на грибной охоте хоть завтра. Можем набрать на семью в этом году, а там, в зависимости от объемов, и продать Шульцу в качестве экзотики местного разлива. Еще бы к ним картошечки...

Мужчины одобрили инициативу и пообещали для начала присоединиться завтра, а там и озадачить этим пару слуг в помощь женщинам. Про картошку пришлось объяснять, что это за зверь. Едоки приуныли, поняв, что нет такого овоща, пока Воронцова не оговорила, произнеся «картофель». Хенрик отреагировал быстро:

— А на что похож этот картофэль? Не такой куст с толстыми стеблями и мелкими белыми, розовыми или фиалковыми цветами? Они потом еще в зеленые несъедобные ягоды превращаются. Не знаю, почему ты говоришь о них с таким восторгом. В столице даже отравились этими плодами.

Аня застыла: да неужели?

— Хенрик, где ты видел эти цветы? Откуда они взялись?

— Их привезли моряки, из-за океана, из Индианы. В столице, вслед за франкийским Пари, высаживают на клумбах, а дамы украшают цветами прически. Уж года три мода не проходит, хотя, я говорю, были случаи отравления. У них такие странные корни..

Анна подскочила, обняла Вайса, изумив его экспрессией, и запрыгала.

— Ребята, эта ваша Индиана — это наша Америка, точно! А томатов ты не видел? Похожи на картошку, пахнут резко, а ягоды красненькие такие? Или вытянутые, конусом, жгут язык, если откусишь?

Хенрик кивнул— да, мол, видел.

— Товарищ Вайс, срочно отправляйся в столицу и найди все клубни, ну корни, картофеля, что сможешь! Думаю, тебе даром отдадут, посчитав ненормальным. А мы озолотимся! И томаты, и перцы, короче, тащи все странные цветы, плоды, что увидишь! Думаю, прослывешь чудачком, но если все получится, станем через пару лет монополистами.

Вайсы смеялись, наблюдая энтузиазм гостыи. Вот ведь авантюристка! Засиделись, как всегда, допоздна. Анна рассказала про картошку и ее статус «второго хлеба», про помидоры

и перец, упомянула баклажаны, которые любила преданно и нежно. Вспомнив про кофе, пообещала сварить нормальный. Три единомышленника сумели проговорить задачи на поездки мужчин в разные стороны, Хенрик попросил Аню помочь с бумагами. Разошлись усталые, но воодушевленные перспективами.

Мужчины отбыли через неделю, в течение которой каждый день занимались заготовкой грибов под руководством Анны Николаевны. Ванда проявила себя как талантливый сыскарь и внимательный слушатель. Осознав ценность и доступность оригинального продукта, выявив возможность разнообразить стол новыми блюдами, да еще и заготовками на зиму разжиться, экономка полностью отдалась процессу сбора, обработки и экспериментированию с грибами, чем удивила Воронцову. Такой отдачи она не предвидела.

Кухонный персонал, заинтригованный необычным поведением строгой экономки, проявил себя с лучшей стороны, и подключился к грибным страстям. Анна умаялась так, что через неделю взяла паузу в походах за грибами, оставив за собой только сортировку собранного и консультации экономки по приемам обработки. Ванда была вьедлива, дотошна и аккуратна, поэтому брака в набранном не было совсем. Анна пообещала съездить в лес поздней осенью, посмотреть на опята и грузди, которых сейчас не нашла. Один из поварят, вошедший во вкус «тихой охоты», все свободное время теперь проводил в лесу, лазая все дальше и дальше. Необычные грибы, ягоды он приносил в замок, и Анна Николаевна определяла их ценность. Так, неожиданно, парнишка нашел ежевику и орехи лещины, после чего лесной бум вошел во вторую фазу: лещину оставили дозревать, ежевику и немного малины собрали, а несколько кустов выкопали и пересадили в замковом саду.

В отсутствие мужчин Воронцова просматривала амбарные книги, разбирала вычисления, в чем активно помогал Карл, и строила таблицы, графики — для наглядности, выясняя урожайность культур, их районирование, и определяя слабые места управления хозяйством.

Ванда же творила: грибы сушились в углу кухни, мариновались в глиняных обливных (нашлись такие в городе) горшках, жарились и заливались топленным маслом, из них варились супы, начинялись пироги, даже икру грибную на пробу приготовили. Ежевика свежая отклика не получила, а вот компот порадовал необычным вкусом и был одобрен обитателями замка.

Увлечение грибами сподвигло экономку пересмотреть устройство кухни, и она начала искать печника. И нашла-таки! Как ей это удалось, он не говорила, но мужик оказался понятливым и склонным к авантюрам. Сначала он сложил печь на заднем дворе. Проба оказалась не очень, и он повторил, сам определяя недостатки и устраняя их без помощи Анны. Мастеру было интересно новое, и он поставил на кон свою репутацию. Не сразу, но уже после Рождества первая нормальная работающая печь была сооружена в мыльне. Мастер Кляйн заключил с Карлом Вайсом договор о сотрудничестве, обещал прибыть весной и заняться переоборудованием каминов в жилых помещениях и на кухне, а за зиму додумать конструкции всех возможных печей на основе получившейся. Партнеры уговорились не распространять новинку без взаимного согласия и расстались, довольные друг другом. Мастер собирался еще заняться поиском кирпича особых свойств, так что производство следовало отложить ненадолго.

Поездка генерала к ювелиру также оказалась продуктивной. Ося Фридман долго пытал

гостя об истоке идеи, но Карл сетовал на скуку и снижение поголовья гусей в поместье, что и привело к такому его изобретению.

— Уважаемый герр Фридман, я по молодости лет склонялся к ремеслам, мастерил кое-что, но отец отправил служить. А сейчас, живя один, в тишине и забвении, предаюсь самым разным фантазиям. Ты лучше скажи, возьмешься за эту мою придумку? Ты меня знаешь, я в одиночку не смогу ее воплотить, а вот в паре с тобой... — Карл с намеком посмотрел на собеседника. — Поделимся прибылью по чести: 40-мне, 60-тебе, все же твоей работы больше.

— Помилуйте, герр Вайс! Мои материалы, оборудование, продажа— это все хлопоты, а процент такой маленький! 20 на 80, последнее слово.

Генерал не спешил.

— Ося Фридман, я получу деньги, а ты славу. Мне неуместно сообщать миру, что я изобретатель. А вот распространить вечное перо я тебе помогу, знакомых у меня много. Так что, 35 на 65 и по рукам.

Ювелир проглотил наживку, увидев просто необъятные возможности расширения бизнеса. Поломавшись для порядка, пруссак и жид ударили по рукам и подписали меморандум о сотрудничестве на условиях Вайса. Но предприимчивый Фридман не обещал запустить новинку в скором времени, поскольку отработка технологии и подбор наиболее удачного образца требовал времени. Договорившись встретиться после Рождества и делиться идеями в будущем, мужчины расстались, причем каждый хвалил себя за ловкость и мудрость.

Позже Ося Фридман ругался на пруссака, потому что простая вещица не давалась в руки довольно долго, однако, добившись нужного результата, жид простил компаньона: имя изобретателя вечного пера закрепилось за жидом, а генералу остались лишь деньги, пусть и весьма неплохие.

Карл же решил более с ювелиром дел не иметь и направился к бывшему подчиненному, кузнецу Хансу Шмидту, с которым имел долгую скрытную беседу о чудо-аппарате под названием «спиритус модус», который поможет им разбогатеть.

Кузнец генерала уважал, слову его доверял и решил заняться этой конструкцией, ничего не прося взамен. Вайс решительно отказался от щедрого предложения ефрейтора:

— Слушай мою команду, ефрейтор Шмидт! Мы боевые товарищи, делили тяготы, разделим и богатство. Не дури, у тебя сыновья растут, им надо оставить что-то. Ты покумекай один, я приеду недельки через три, посидим вместе. Вот тебе на расходы. Твори, только тихо.

Анна Николаевна с трудом, но разобралась в приемах бухгалтерского учета и в конечном итоге подготовила обширную справку по ситуации с делами поместья Вайсов. Картина получилась малорадостная, но стали видны недостатки и узкие места управления. Выяснилось, что неплохо идет выращивание пшеницы, овса и ячменя, а вот рожь, садовые и овощные культуры и животноводство в полном загоне. Об удобрении навозом крестьяне не слыхали, вернее, были разочарованы. Эту тему оставили до возвращения Хенрика, отбывшего, наконец, в столицу за картошкой.

Второй проблемой низкой урожайности стали примитивные орудия труда, то бишь, соха. Плуг, известный Анне по школе, здесь не использовался, почему — не спрашивайте. Недоценивали местные и овощи с зеленью, например, тыкву и кабачки растили исключительно на корм немногочисленному скоту, горох и фасоль ели мало, считая вредным из-за провоцирования газов в организме, гречку игнорили, не умея обрабатывать перед готовкой, редьку, редис и репу недолюбливали, про растительные масла из рапса, конопли и подсолнечника (ну, с этим понятно) не имели представления. Анна ужасалась, но понимала, что это ей странно, а местные привычны.

Графики и таблицы, сделанные Воронцовой, как и большая таблица умножения, собранная в одну(не по отдельным столбикам) произвели на хозяев сильное впечатление. Когда на отдельных листах Анна собрала и сгруппировала численность населения, его размещение, возрастной и половой состав, районирование злаковых, площади засева, поголовье скота по видам и прочее, мужчины некоторое время молчали, осмысливая информацию, потом генерал промолвил:

— Вот это ты поработала, Анна. Никогда такого не видел! А ведь понятнее, чем просто читать...Прям картина встает перед глазами. И эти твои графики по доходам! Одно дело — не досчитаться податей, а тут видно, когда, сколько и почему. Хорошо тебя учили, фрау! Смотри, сын, сколько, оказывается, у нас земли пустоует! И который год уже. Вот я тупой солдафон! Ни разу в голову не пришло так поглядеть.

Анна поспешила успокоить расстроенного генерала:

— Карл, вы не виноваты, я вижу иначе, потому что и училась, и работала с подобной информацией. У нас говорят — кто владеет информацией, тот владеет миром. Поэтому все собирается, группируется и структурируется. Нам помогают и умные машины, считающие быстрее людей. Так что не расстраивайтесь и давайте лучше думать, как это использовать.

Для начала решили-таки пригласить в замок глав деревень и лучших хозяев, чтобы посоветоваться о будущем. Им, практикам, виднее, на что обратить более пристальное внимание. Крестьяне свою выгоду не упустят, надо только найти точки соприкосновения и обоюдный интерес.

Пока вырисовывался один путь — развитие животноводства, причем молочного или мясного: свиноводство, учитывая любовь местных к жирному мясу, или увеличение поголовья коров, так как кормовая база пустошей имелась. Либо птицу на поток: куры, гуси, утки. Аня поинтересовалась индюшками, но ответа не получила.

— Анна, ты столько нового спрашиваешь... Каюсь, не интересовался я хозяйством, по соседям не ездил, даже не знаю, что у них там есть. Вот старый пес, ленивый боров, сижу,

предаюсь воспоминаниям, а дело загубил почти. Жду, что манна небесная на меня свалится в виде монет. Ладно, Хенрик вернется, и зима нам в помощь— будем разрабатывать стратегию и тактику, — резюмировал Карл.

Воронцова понимала, что одними разговорами сыт не будешь, даже если удастся разработать жизнеспособный план преобразований. Нужны были живые деньги. От проектов пока отдачи не было, приходилось ждать, а генералу не терпелось. Хочется, а не может, и вояка грустил.

Осень перевалила за половину, участились дожди, хотя здесь было теплее, чем в России, и замок накрыла вторая волна сбора грибов: поваренок притащил опять и грузди с валуями. Анна объявила общий сбор, и вместе с проверенными товарищами, прихватив генерала, отправилась пополнять запасы ценного продукта.

Природа благоволила попаданке: лесной урожай поражал воображение. Анна перестала считать корзины с добычей, радуясь только качеству находок. Учитывая опыт первой волны, перебирали и чистили грибы прямо в лесу, и Аня посоветовала очистки по сортам закапывать в месте нахождения— на будущее, объясняя местным, что у грибницы есть способность прорасти из очистки. Пусть и не сразу. Благодаря тому, что в лес уходила целая команда, район поиска увеличился, в результате было обнаружено небольшое болотце с клюквой и участок рядом с ним с лесными орехами. Было решено сделать пометки, чтобы в будущем не блудить по лесу в поисках этого места. Заодно после грибного сражения в лес был послан отряд дровосеков— собирать павшие и сохнувшие деревья, расчищать найденные завалы и обеспечить замок топливом без уничтожения хороших стволов. Интересно, что занимались этими работами замковые слуги, принявшие деятельность странного гостя, оказавшегося девушкой, положительно. Источником такого отношения стали блюда из грибов, которыми, наравне с господами, угощались и слуги. Мысль, что они едят из одного котла с хозяевами, очень льстила простым людям, добавляя рвения и преданности.

Так как основную массу грибов сейчас составляли опять и грузди, Анна Николаевна решила их солить и мариновать на продажу. Эту идею она подала Вайсам, когда соленья из первого сбора дошли до кондиции. Странные, но аппетитные дары леса с лучком и чесночком получили одобрение едоков. Тогда Анна и предложила позвать в гости Отто Шульца и поговорить о реализации нескольких бочек (пришлось и их добывать) необычной закуски в его ресторане, поставив цену, способную поправить положение семьи.

— Грузди соленые и маринованные опять еще вкуснее! Как закуска перед горячим или в сочетании с птицей— это будет дико необычно и принесет деньги Отто и нам. Можно ему и рецепт нормального кофе продать. Разницу вы же поняли.

Да, кофе пришелица тоже удивила. Тот мешочек, который Хенрик выпросил у ресторатора, был забыт на несколько недель. Когда молодой Вайс вспомнил о подарке, Анна долго ругалась, но пошла к Ванде химичить над заморским продуктом. Кто и как обрабатывал зерна, осталось загадкой, но кофе был недожарен, поэтому и оставлял желать лучшего. Воронцовой пришлось постараться, чтобы придать зернам привычный ей вкус. Попаданка снова мыла, сушила, обжаривала зерна на сухой чугунной сковородке, выгнав предварительно из помещения всю челядь (гарь и запах не лучшая реклама), снова сушила, молола со специями и варила по своему рецепту. Результат не соответствовал стандарту, но определенно был лучше ресторанного. Сама Аня кофе предпочитала черный, но здесь пришлось пить со сливками, чтобы смягчить горьковатый вкус двойной обжарки. Мужчины попробовали и нашли напиток достойным, несмотря на заверения гостя, что он должен

быть в разы лучше.

— Испоганить такой продукт— сокрушалась Воронцова. — Кофемолка тоже нужна для правильного помола, а я в ступке толкла. Тьфу ты, и что я не инженер? Даже ручная мельничка бы сгодилась.

Карл мотал на ус, и в следующую поездку к однополчанину заронил тому в голову идею ручной мельницы для помола трав, орехов, сахара и прочих мелочей. Мюллер все еще колдовал над перегонным кубом, но сдвиги определенно были.

— Суть я понял, герр генерал, осталось найти способ конопатить крышку и свить тонкую трубку. Пока ломается, зараза. Но я все равно добьюсь! — уверенно заявил кузнец.

Карл потирал руки в предвкушении, поэтому был настроен по отношению к контракту с Шульцем положительно. Грибочки зашли, и помещик мечтал, как сможет удивить старого приятеля, любящего новинки.

Эпопея с грибами, орехами и дровами закончилась, когда в замок потянулись подводы с натурпродуктом в качестве податей. Зерно, овощи, фураж заносились и складировались в кладовых замка, а редкая скотина отправлялась в сарай. И тут обнаружилась интересная вещь: скотину забивали по первым морозам и хранили в холодных подвалах до тех пор, пока она оставалась пригодной для еды. Никаких копчений, тушений или засолки здесь не применяли.

Ванда, наблюдавшая за реакцией Анны на мельтешение слуг, принимающих привезенное, заметила внимательное изучение пришелицей овощей и смотрящей на визжащую скотину. Разговоры о забое ее нервировали, но не настолько, а вот то, что касалось простого хранения мяса, расстроило.

— Ванда, а все ли мясо сохраняется до весны? — спросила Воронцова экономку.

— Нет, конечно же, часть пропадает, тогда свиньям отдаем. Пару-то мы держим и зимой, чтобы отбросы съедали. Сало перетапливаем на жир, потроха тоже свиньям отдаем. А что, вы иначе поступаете? — поинтересовалась экономка, успевшая понять, что гостья явно знает больше неё самой. Ванда чувствовала, что тайн у госпожи Анны много, но хранила свое любопытство под замком.

— Да вы тут с жиру беситесь — пробормотала Анна Николаевна, а Ванда наострила уши. Точно новенькое узнает!

Так и вышло. На следующий день после окончания приема оброка, пересчитав присланное и распределив по местам, Ванда пришла отчитаться в кабинет генерала и застала там раскрасневшуюся гостью, что-то доказывающую хозяину. Герр Вайс довольно улыбался и предложил экономке присесть.

— Фрау Хольм, меня вот тут фрау Анна ругает почем зря за расточительство. Защитите, прошу вас!

Ванда знала хозяина, поэтому обратилась к гостье замка с вопросом:

— Что мы делаем не так, уважаемая Анна? Я управляю замковой кухней и слугами не первый десяток лет, нареканий не было, да и у соседей так же заведено. Увы, не все собранное удастся сохранить, как ни старайся. К весне и лету некоторые голодать начинают, только зерном да курами спасаемся. Ну, капуста еще дотягивает, но вкус не тот.

Анна Николаевна всплеснула руками:

— А еще хваленые немцы— аккуратисты и педанты! Сало-то топленое и то, поди, горкнет? — Ванда, еле сдерживая улыбку, кивнула. — Вооот! Хохлов на вас нет!

— Не совсем поняла, что вы сказали, но готова выслушать ваши предложения. Грибы

мне понравились, и если у вас есть еще рецепты, буду рада изучить и применять в будущем. Вы согласны, герр генерал?

Карл Вайс спрятал довольную усмешку, давая экономке право голоса. Две женщины быстрее разберутся, а польза будет, он чувствовал.

— Милые фрау, вы-хозяйки кухни и двора, договаривайтесь. Мое дело-кушать ваши блюда и давать им оценку. А за сохранение продуктов буду только благодарен. Карман толще будет.

Так Анна Николаевна ввязалась в авантюру с тушенкой, засолкой сала и холодцом. Но прежде предложила Ванде заквасить капусту русским обычным способом, кочанную, со свеклой, провансаль (с клюквой), замариновала горшок с кабачками и нажарила из них же оладьев, которые особо любила ее подружка.

Ванда на засолку капусты смотрела удивленно, но в процесс не вмешивалась. Готовили они, по традиции, одни и вечером. Рубить капусту ножом, хоть и острым, было непривычно, но терка тут имелась только для морковки. Для Аниной капусты Ванда выделила пару бочонков литров на двадцать, а для красной и провансаль отдала глиняные горшки объемом гораздо меньше. Ванда сокрушалась, что в этом году потратила большую часть тары на грибы, а прикупить еще пока не успела. Экономка решила, что капуста точно полежит до Рождества, к тому времени что-то освободиться. Не тут-то было. Вон чего гостя удумала — капусту с морковью да свеклой и ягодой солить.

Ане сомнения экономки были не ведомы, поэтому, приноровившись к ножу, она погрузилась в знакомый процесс, представляя скорый результат. Понравились ей и тугие кочаны белой капусты, рыжая сладкая морковь, пузатенькие чистые деревянные бочонки, стянутые железными обручами, крупная сероватая соль. Все это было так привычно, что Аня потеряла счет времени, делая все быстро и удивляя тем экономку. Это занятие вернуло ее в прошлое, когда она также стояла на своей кухне и рубила капусту. В ее семье все любили квашеную, причем кислую аж до оскомины. Аня взгрустнула, но отогнала тоску.

— Для таких объемов лучше сечку иметь или терку. Изделия простые, а успеть с ними можно больше и сил надо меньше, особенно с теркой. Ну, вот, теперь тряпочку чистенькую, сверху дощечку или тарелку и гнет. Камень большой или горшок с водой найдете?

Ванда сомневалась, что простая капуста с морковью, без тмина и сахара, будет вкусна, но не спорила. Вон, она и кабачки не жарила, а получилось приятное легкое кушанье. Да и огурцы соленые обладали непривычным, но своеобразным вкусом, с хрустиком. Рот наполнился слюной, и экономка тайком пообещала себе съесть на ночь огурчик из прятанной от поварят бочки. Поздно она спохватилась, урожай огурцов уже сняли и заготовили привычным способом, Анна последние захватила. Не беда, Ванда все видела и записала, на будущий год обязательно повторит. А кабачки посадит в огороде, сестра говорила, они неприхотливые, у стены приткнуть и пусть себе растут. Что-то Анна еще по кашу с тыквой упоминала, надо попробовать.

Хенрик Вайс расстроено бродил по знакомым паркам столицы: картофеля не было. Садовники сказали, что как только отцвели заморские цветы, они их выкопали вместе с корнями, оставили немного на следующий год, а непонятные корни выбросили свиньям. Те сожрали с удовольствием. На предложение продать несколько корней, королевский садовник замахал руками и отказался наотрез.

— Помилуйте, голубчик, мне не сносить головы за такое. Нет, нет, и не просите!

Не нашел он и томаты, и другие диковинки. Вот как назло: не знал, что такое, они попадались, а понадобились — и не нашел! Потратив неделю на дорогу, неделю на поиски, вернуться назад пустым было обидно. Хенрик шел в гостиницу на окраине, когда его окликнули.

— Лейтенант, это вы? Слава Матери, а то слухи ходили, что вы погибли от ран. Командир сказал, что оставил вас у лекаря, но надежд на выздоровление после нападения нет. Мы все очень переживали, командир сожалел о потере. Вы хотите вернуться на службу?

Хенрик слушал трескотню малознакомого сослуживца с раздражением и внутренней усмешкой, стараясь не показывать этого болтливому юнцу. Чего-то подобного он и ожидал, но все равно по сердцу царапнуло.

— А знаете, хорошо, что вы вовремя уволились. Службу королевских ищеек переводят на внутренние расследования. Королю подали жалобу о росте преступности в городах, и решение рейхстага вынудило его подписать приказ об изменении нашей работы. Теперь мы — часть стражи. Герр Бенкендорф и командир, говорят, недовольны, но против королевского приказа не пойдешь. Вы какими судьбами в столице? — сменил тему бывший коллега.

Хенрик смутно помнил, что парня зовут Ганц, он из Штутгарта, из помещиков. Не желая задерживаться, Вайс сказал:

— Да вот по просьбе одной фройляйн искал семена картофеля и других диковинок, хотел впечатление произвести, но, увы, найти не смог. Возвращаюсь в гостиницу, утром — домой. Придется до следующего года ждать.

— Вы про эти модные цветочки и ягоды? Пойдемте со мной, тут недалеко проживает мой чудаковатый родственник, садовник-любитель, помешанный на разных кустах, цветах и прочих травках. Он старый и одинокий, до службы я у него жил, теперь навещаю время от времени. Он будет рад, если вы найдете у него то, что ищете.

Родственник Ганса и, правда, был рад гостям со схожими интересами и долго водил Вайса по своему саду, хвастаясь кустовыми розами, редкими травами и заморскими цветами.

— Я, молодой человек, знаком со всеми садовниками столицы, да-с. У нас кружок такой, узкий. Делимся по знакомству разностями. По приятельски, да-с. Молодежь сейчас не очень увлекается серьезным делом. Да-а. Так вы для дамы сердца стараетесь? Похвально, похвально. Есть у меня немного корней картофеля, и томаты на семена отложены. За малую денежку поделюсь. Готовы? — старичок в домашнем колпаке хитро блеснул глазами из-под седых кустистых бровей. — В это время вы не найдете таких редких растений, не сезон.

Хенрик со вздохом протянул несколько серебряных, и проворная рука садовника быстро схватила монетки.

— Не сомневайтесь, молодой человек, дама будет довольна.

Из столицы Хенрик уезжал с сильно похудевшим кошельком, но с малюсенькими пакетиками семян томатов, перцев и картофеля, а еще с тремя десятками клубней, отданными стариком просто так.

«Лишь бы Анна оказалась права, и эти траты не были пустыми» — молился про себя младший Вайс, возвращаясь в отчий дом. Немного досаду за потраченные деньги сглаживала весть о перепрофилировании службы королевских ищеек, что соответствовало его прежним желаниям, а сейчас снижало риск обнаружения попаданки. Так что особо мужчина не унывал, надеясь найти способ поправить дела и без мифического урожая диковинок.

Поздняя осень в поместье Вайс ознаменовалась подсчетом дохода, засолкой грибов и капусты и возвращением Хенрика с семенами. Отмечали итоги совместной работы застольем с представителями «общества» — главами крестьянских общин и справными хозяевами наделов, которые были приглашены генералом для доверительной беседы. На стол в главном зале, отскобленным и отмытым вместе с лавками, были выставлены простые блюда с нотками новизны.

За неделю до торжественного события Аня с Вандой провели на кухне несколько вечеров, экспериментируя с меню. Обоим хотелось поразить гостей необычными блюдами по принципу «дешево и сердито». Когда Воронцова озвучила девиз стола, Ванда долго смеялась, но полностью поддержала хозяйскую гостью.

— Вы правы, фрау Анна, тратиться на чернь не хочется, баловать их еще, но и совсем уж скудость показывать не стоит. Этот визит они должны запомнить надолго. Что вы предлагаете? Крестьяне и каше с мясом на дармовщину рады будут.

Анна Николаевна не стала делать экономке замечания по столь презрительному отношению к работникам, понимая — такие нравы здесь норма. Но почему-то хотелось выпендриться, иначе она свой порыв назвать не смогла.

— Ванда, я редко готовила что-то эдакое, но есть несколько рецептов, неизвестных в этой стране. Попробуем?

И они начали творить и вытворять. Ванда сразу предложила грибной суп с лапшой, два вида квашеной капусты, кашу со свининой. Анна, выяснив, что одного хряка будут резать обязательно, поскольку места в свинарнике для него не было, оживилась.

— А что вы тут с потрохами делаете? Печень, почки, легкое, ножки? Головы, уши?

Ванда задумалась ненадолго и ответила:

— Из головы варим густую похлебку с капустой, ножки — тоже, печень обжариваем, остальное или с кашей, или отдаем свиньям. Кишки иной раз отмываем и на колбаски пускаем. Только возни много, не очень любят наши повара возиться с ними. А мне порой ругаться некогда.

— Вот говорю, шикарно живете! Тогда, фрау Ванда, слушайте мою команду. Из ушей, хвостов и ножек сварим холодец, из головы-тушенку. Желудок набьем потрохами и сделаем зельц, а кашу приготовим с тыквой. Ну и лапшу с грибами. А к холодцу и зельцу добавим горчицу и хрен. Он у вас растет?

Экономка недоумевала, про какой такой хрен говорит Анна. После путаного разъяснения вспомнила о вредном растении, с которым периодически боролась на замковом огороде. Горчицу здесь использовали, поэтому вопросов не возникло. Найти остатки хрена поручили лесному следопыту Мирко, и тот приволок целую корзину хрена, собранного по всей деревне. Парень очень заинтересовался, что будут делать женщины с этими твердыми и остро-пахнущими палками, и вызвался помогать. Жалел потом долго, потому как намучился и глаза чуть не потерял, но зато стал спецом по приготовлению острого невиданного соуса. За ним закрепилось кличка «хреновый», что всякий раз заставляло Аню улыбаться. Раскрывать смысл чуждого этим местам понятия она не стала-парня обижать не хотелось.

Ячменная каша, а проще-перловая, с тыквой, луком и морковью Ванде и Мирко

понравилась, и они с энтузиазмом взялись за хрен. Вымочив его в воде, чистили и терли, плача и ругаясь, но когда кашка была залита кипятком, а потом смешана с солью, сахаром и капелькой уксуса и нанесенная на хлеб, отправилась в рот под жареные колбаски, по кухне пронесся стон и слезы восторга. Отдышавшись, Ванда перевела покрасневшие глаза на Анну и сказала:

— Какой этот хрен! Пробирает, аж дух захватило! Но с колбаской и пивом потом, думаю, будет признан! Мирко, ты как?

Парнишка сидел, выпучив глаза, но кивал согласно. Воронцова рассмеялась, вспомнив поговорку про смерть немца.

— Так, ребята, хрен хорош к холодцу и зельцу. Жаль, маловато у нас потрошков, но по кусочку, авось, всем достанется.

И работа закипела. Троица палила, мыла, рубила и варила уши, ножки, хвост на холодец (Мирко был ответственным лицом и следил за огнем в очаге, пока на крюке в кастрюле кипел бульон), женщины отдельно сварили печень, легкое, сердце и почки (предварительно вымочив их) с луком и морковью, вычистили желудок и начинили его порубленными потрохами, точеным чесноком с солью и перцем, оставив небольшие отверстия для бульона, а потом варили около часа. Готовый желудок положили в узкую тарелку типа селедочницы и прикрыли дощечкой с грузом, чтобы зельц схватился в холодном подвале.

Уши, ножки и хвост, отваренные с перцем, лаврушкой и овощами до развара, Аня разобрала, тонко порезала и, процедив вторично прокипяченный бульон, залила разложенное по глубоким и широким тарелкам мясо.

— Пусть стоит и застывает в холоднике, завтра к вечеру будем пробовать. Тушенку из головы отложим пока. И еще, Ванда, пусть днем соберут луковую шелуху, вспомнила сейчас еще рецептик.

Умаявшиеся помощники были согласны. Ванда строго предупредила поварят ничего в холоднике не трогать и ушла спать уже на рассвете. Мирко уснул прямо в кухне, не желая покидать пост и, подгоняя время, мечтал продолжить готовить с интересной фрау Анной.

Утром следующего дня вся кухонная челядь пробовала хрен и сочла соус весьма пикантным. Наличие тарелок с незнакомыми блюдами в холоднике разжигало любопытство, и местные решили тоже блеснуть мастерством — сделать кровяную колбасу. Ради такого поварята отмыли дурно пахнущие кишки, а старший повар приготовил редкое блюдо.

Ванда, распределив задания, отправилась проверить ночное варево. Несмотря на теплую относительно осень, в подвалах замка, где хранились продукты, было по-настоящему холодно, и тарелки с холодцом застыли уже к обеду. Мучимая желанием снять пробу, экономка рискнула позвать Анну Николаевну.

— Думаете, застыло? — спросила гостя. — Не выливается? Тогда пойдете пробовать. Одну тарелку съели в кухне сразу, и общее мнение было приятным для Анны: с хреном или горчицей как закуска весьма интересно. Поэтому простым гостям не подавать. Воронцова рассмеялась.

— И что тогда подадим? На холодец и голова пойдет. Нет? А, тушенка... Ладно, сделаем тушенку вечером, а сейчас тогда сварим сало в луковой шелухе. Собрали?

По приказу Анны повар принес из подвала подчеревок, и поварята обступили стол. Гостя нарезала мясо небольшими кусками, шелуху тщательно промыла и бросила в кипящую воду, потом добавила соль, перец и лавровый лист. В покипевшую воду

отправились куски подчеревка, и когда мясо стало мягким, Анна вынула его из маринада. По кухне поплыл запах копченостей, удивив присутствующих. Остывшие кусочки натерли чесноком, и автор предложил снять пробу.

— Очень необычно! — отметила Ванда. — У нас не коптят мясо, нет таких деревьев, а тут и без копчения очень вкусно. Так любое сало можно сделать?

— Да, я смотрю, вы сало не солите, а ведь это и вкусно, и храниться долго, и для здоровья полезно. Хотите, сделаю?

Повар рванул за салом, и остальные вновь следили за действием: помыть, натереть солью, перцем, чесноком, положить в неглубокую посуду и оставить на пару дней в прохладном, но не холодном месте.

Мужчина-повар вдруг произнес:

— Оно, наверное, с хреном будет хорошо? И долго лежит?

Воронцова подтвердила:

— В холоднике, думаю, до весны спокойно сохраниться, дольше, чем топленый жир. А готовить на нем можно также, и соли меньше. Шкварки с кашей-прелесть! Да и просто кусочек сала на ржаном хлебе, да с лучком. Уммм! И сытость оно дает хорошую.

Теперь Ванда поняла, о чем сокрушалась Анна, когда смотрела на привезенную скотину. По таким рецептам, действительно, мясо можно сохранить вернее, чем привыкли. Работники задумчиво молчали, и вдруг один паренек спросил:

— Фрау Анна, а вы с бобами можете что-то приготовить? У нас дома их много, но мама не умеет сделать их вкусными, — мальчишка грустно поджал губы, — а выбрасывать жалко.

Воронцова не любила бобовые, но, живя в Поти, научилась делать лобио.

— Какие приправы, кроме перца и тмина, у вас есть? И где фасоль?

Поварята бросились врассыпную, и через минуту перед Анной стоял мешок с фасолью, баночки с молотой петрушкой, базиликом(?), кориандром и вроде кинзой. Без помидоров и перца вкус, конечно, будет не такой, но попробовать можно.

— Для бобовых важно разбухнуть, поэтому после промывки их следует оставить в воде часов на 10, так что готовить будем завтра. Хорошо? Так что же в итоге подадим деревенским гостям, а, Ванда?

Пока Анна чудила на кухне, генерал с сыном рассматривали варианты беседы с подданными. Предложение попаданки несло в себе одно рациональное зерно, а именно: нужны перемены и знания. Оплачивать труд зависимых крестьян было, как бы сказали в России, стремно, но попробовать на одной деревне аристократы все-таки подумывали. Животноводство привлекало больше, но на покупку поголовья не было денег, да и зима впереди. Покумекав так и эдак, Вайсы решили вначале прощупать почву и настроения окрестных жителей, а потом принимать решения.

— Отец, ты боишься провала затей? — поинтересовался Хенрик.

— Не то, чтобы провала — ответил Карл. — Скорее — лишних разговоров и внимания к себе. Такое не утаишь. Надо бы к соседям с визитом после праздников наведаться, поболтать за пивом. Не помню, чтобы бывал у них после службы. Ладно, давай пока не торопиться.

До сбора ходоков Анна занималась в основном кухней, а хозяева еще и еще раз продумывали разговор о своих полях и угодьях. Спрашивать у нижестоящих совета немного претило, но выхода не было. Вот и искали отец и сын формулировки, должны сохранить их репутацию, но и разговорить недоверчивых крестьян.

В хлопотах с меню застолья, Анна Николаевна не забыла про привезенные Хенриком богатства. Мешочки с семенами были рассыпаны, перебраны и запакованы в бумагу, а картошка подверглась внимательному осмотру.

— Да, для посадки подойдут не все, да и маленькие для хорошего урожая, — сказала Аня. — Но, Хенрик, вы большой молодец! Пусть не на следующий год, но мы постараемся получить хороший материал для посадки, а вот эти — попаданка взяла несколько чуть подвявших клубней, — я пожарю, чтобы вы понимали, какое богатство у нас в руках

Остальные картофелины Аня отнесла в подвал и там схоронила от любопытных глаз в сухом прохладном углу. «Я на вас надеюсь, ребята — обратилась она к клубням. — Презимуйте здесь в целостности и сохранности, хорошо?».

Поджаренная на сале с луком картошка была подана хозяевам с русской капустой, молодой и сладкой, с маринованными кабачками и грибами. Досталось по небольшой порции, но вкус разобрать хватило.

Румяная, душистая, пусть и не очень крахмалистая, картошка местных удивила.

— Анна, а почему у нас ею травились? — задал закономерный вопрос Хенрик.

Воронцова пожала плечами:

— В нашей истории тоже такое, по-первости, было. Ели ягоды, в которые превращались после цветения те милые цветочки, а до клубней додумались случайно. Вроде, в костер они у кого-то попали. Не знаю, честно. Но нам это на руку. При хорошем уходе, удобрениях и отсутствии болезней и жука, с одного куста можно получить до ведра клубней. А куст вырастает из одной картофелины. Если же за зиму она даст отростки со всех глазков, то ее вообще можно на куски порезать и посадить. Кстати, как и мои земляки, ваши тоже поклонники картошки. Второй хлеб!

Вайсы поняли одно: пока никому о свойствах заморского растения не говорить, дождаться урожая и только тогда «рассекретиться». А может и нет. Если эти клубни

действительно такие плодовые, следует сначала самим стать знатоками, а потом и продвигать культуру — под своим именем.

Оценили в замке и лобио, сделанное Анной из того, что было, а когда заводная Ванда с главным поваром приготовили фасоль со свининой, утомив ее до полной разваристости, бобовые заняли почетное место в кухне. Особенно Ванде нравилась отварная фасоль с луковым салом и чесноком. Старший Вайс одобрил блюдо, несмотря на очевидные последствия. Тихо посмеиваясь, он говорил:

— Только на ужин и не перед поездкой. Не хочется прослыть неприличным стариком.

Гости замка Вайсов прибыли на собрание за две недели до Рождества. Отмечали его и здесь, а перед праздником постились: не так долго, как у нас, но все же. Здесь вообще посты были частыми, но не более двух недель, кроме аналога Великого: тот, как выяснила попаданка, также продолжался 7 недель и был довольно строг.

Главный зал максимально протопили, гостей встречали оба Вайса, а Анна с Вандой руководили столом. По этому случаю пришлось гостье одевать шерстяное платье, подогнанное экономкой и местной швеей из тех, что остались от прежней хозяйки замка. Просить новое Воронцова постеснялась. «Ладно, на один раз сойдет, перетерплю» — решила она. С приходом относительных холодов Аня начала отчаянно мерзнуть: все-таки отсутствие отопления сказывалось. Мужчины проводили большую часть времени у камина в кабинете генерала, а Анна — в кухне, где было ощутимо теплее, или с ними же, но закутанная в шубку покойной матери Хенрика. Челядь посмеивалась над гостьей, но мало что могла ей предложить. Наверное, при достаточном доходе хозяева и справили бы ей соответствующий гардероб, но Воронцова отказывалась. Ей было неудобно.

— Вот появятся свободные деньги, тогда и шиканем, а пока буду закаляться, — отвечала она на неловкие замечания мужчин.

Пришлось перешагнуть через некоторую брезгливость и пересмотреть наряды, хранимые Вандой в больших сундуках в кладовой. Возможно, прежняя их хозяйка была более полнокровной дамой, ибо обилия теплых платьев, а уж тем более, брюк, Анна Николаевна не нашла, как и вязаных вещей. Вернее, они были у слуг, но не у господ. Вопрос о несурзности этого обстоятельства задать не решилась, дабы не показать свою полную неосведомленность, но сама стала напрягать небогатую в плане рукоделия память про то, как вязать и что. Здесь узорами и фасонами не заморачивались: прямое полотно с дыркой для головы и завязками по бокам служило жилетом, а длинное узкое, сшитое и стянутое с одной стороны-носком или гольфом. Про круговое вязание Ванда не слышала.

«И где вы, носочки, подаренные Лариской?» — сокрушалась Аня, натягивая неудобное изделие и влезая в чужие, на пару размеров больше, сапоги. Возможно, местные и усовершенствовались бы в этом виде рукоделия, но отсутствие пряжи тормозило. Купить на ярмарке или в городе специально привозную шерсть крестьяне в большинстве своем не считали нужным, поэтому обходились шерстяными штанами, юбками, суконными балахонами-плащами или меховыми шубами/тулупами.

Вот такими она их увидела в главном зале: одетые в суконные-меховые куртки, в высоких грубых сапогах, мешковатых штанах и рубахах, но умытые и смущенные подданные генерала столпились у входа и не решались пойти дальше, хотя стол с едой видели хорошо.

Генерал, одетый в добротный то ли кафтан, то ли камзол (Аня не разбиралась), в наброшенном на плечи длинном меховом плаще, с прицепленным на поясе оружием вроде сабли в ножнах, с золотой цепью на груди радушно приветствовал толпу и сразу пригласил к столу.

— Уважаемые сельчане, прошу отобедать по случаю хорошего урожая. Не чинитесь, садитесь. После еды и поговорим, ради чего я вас пригласил.

Десяток мужиков разного возраста, комплекции и качества одежды нестройной толпой

подошли к столу и расселись по одному им ведомому ранжиру. Особо выделялся один: дородный, лучше всех одетый и румяный, с выражением собственной значимости на круглом лице мужчины средних лет. Он решительно уселся по правую руку от генерала, возглавлявшего стол, и за ним расселись и остальные. Хенрик занял противоположный от отца конец стола.

Гости внимательно рассматривали блюда, расставленные на столе. Несмотря на некоторое недоверие к предстоящему застолью и явное недовольство Ванды по отношению к едокам, экономка выложила по полной: стол выглядел богато и необычно. Скатерть стелить не стали, но перед каждым гостем поставили большие плоские тарелки и положили по ложке. Вилки не предлагали, поскольку пользоваться ими крестьяне вряд ли умели. На равных расстояниях друг от друга расположили корзинки с ломтями свежего ржаного и пшеничного хлеба, миски с обычной и русской квашеной капустой, тарелки с салом («копченым» и соленым), мисочки с хреном и горчицей, маринованными кабачками и солеными грибами с луком и чесноком. Пока гости изучали предложенные закуски, одни повара начали разносить миски с грибной лапшой, начав с хозяев, другие — высокие кружки с самым крепким пивом, которое нашла Ванда.

Удивление от индивидуальных порций явно читалось на лицах сельчан, и только сидевший около старшего Вайса гость его не выказывал. Анна Николаевна наблюдала за необычным крестьянином, пытаясь понять, что же он за фрукт. Интуитивно она чувствовала, что этот мужчина имеет вес среди пришедших и от него зависит, как пойдет разговор и насколько он будет результативен.

Генерал поднял свою кружку, произнес тост за здоровье гостей, смутив их окончательно, и начал есть первым, подавая пример остальным. Сидящие за столом крестьяне перекрестились, вызвав у хозяев улыбки, выпили и приступили к еде. Ванда с любопытством наблюдала за реакцией едоков: понравится или нет землякам новое блюдо?

Гости вначале переглядывались между собой, видимо, отслеживая эмоции соседей, но потом, войдя во вкус, застучали ложками интенсивно, причмокивая и вздыхая. Надо отдать должное Ванде: в грибной лапше она за это время поднаторела, и суп неизменно получался душистым и вкусным. Хозяева тоже наблюдали за аппетитом гостей и радовались ему. Сытый и довольный крестьянин будет более откровенен.

За лапшой последовала каша с тыквой и томленая со свиной фасоль. Когда первые тарелки были заменены новыми кушаньями, генерал подцепил ножом вареное в шелухе сало и, намазав его горчицей, отправил в рот. Гости повторили за ним, ничего не спрашивая. Следующим было соленое сало с хреном, капуста и грибы. Аня тихо посмеивалась, отмечая удивление, слезы и хмыканье едоков после пробы острых соусов. Некоторые кричали одобрительно, некоторые отрывали рты и пытались отдышаться после первого укуса, а другие, распробовав, тянулись за следующим куском. Капуста произвела впечатление, а в сочетании с фасолью вообще ушла быстро. К грибам отнеслись более настороженно, кабачки узнали, поджимали губы и брали еще. Постепенно обстановка в зале потеплела, сытые и подвыпившие гости стали переговариваться между собой, делясь впечатлениями от новинок, и генерал решил перейти к разговору.

— Уважаемые сельчане, надеюсь, угощение пришлось вам по вкусу? Мои слуги старались угодить гостям. Теперь вы сможете ответить на мои вопросы?

Слово взял тот представительный мужчина, которого Анна Николаевна уже выделила из массы прибывших. Вытерев рот рукой, он приосанился, осмотрел остальных и обратился к

хозяину, не смущаясь и не проявляя слишком очевидного подобострастия.

— Герр Вайс, я благодарен вам за угощение. Думаю, и остальные согласятся— такого пира мы не посещали ни разу. Да и еды такой раньше не пробовали. Интересно готовят на вашей кухне!

Немного расслабившиеся от сытости и выпивки гости поддержали заявление одобрительными возгласами и киванием голов. Хозяин замка поблагодарил гостей и снова обратился к крестьянам:

— Мне интересно, какие есть трудности у вас? Говорите, не стесняйтесь. Тяжел ваш труд, многое мне не понятно, затем и собрал. Вместе нам жить и вместе решать проблемы. Я посчитал тут собранные подати и заметил, что год от года урожай падает. И мне хочется знать, почему такое происходит? Не всегда ведь погода виновата? Объясните, если можете.

Гости начали переглядываться и мяться. Сидевший рядом с Хенриком довольно молодой мужик, плечистый, но худощавый, с ясным глазами, открыл было рот, но быстрый взгляд дородного заставил его промолчать. Воронцова отметила это про себя. Остальные тоже опустили головы.

— Герр Вайс— заговорил предводитель, как определила Анна Николаевна — что тут сказать? Земля, она сама знает, как и когда отдать то, что в нее кинешь. Скудеет и народ, от податей нам не сладко приходится. Но мы— он окинул сидящих строгим взглядом— стараемся выполнять свой долг по отношению к вам, хозяевам земли. Пусть и голодаем порой, но то, что положено, завсегда отдаем сполна. Нам бы послабление от вас, от оброка да барщины, да только вряд ли вы на такое пойдете.

«Дерзкий какой», — подумал генерал, но ничего не сказал, надеясь на продолжение.

— О податях я подумаю, да только и вы мне помогите. Что растет лучше и где, почему скотину мало кто держит, может, решим вместе.

Тот мужик около Хенрика снова хотел открыть рот, но его снова осек дородный. А гости вдруг заговорили и стали жаловаться на высокие поборы, на неурожай, на невозможность прокормить семьи, уж где скотину держать. И так они ныли, что хозяева поняли — ничего путного из затеи не вышло. Держались крестьяне заедино, а толком сказать ничего так и не сказали. Дородный сидел молча, но по его виду Воронцова могла точно определить: доволен мужик таким поворотом. Никто против него не выступил, а жалобы — что ж, это понятно. Глядишь, расстроится владетель да и пожалеет сельчан. И все их секреты, если они есть, останутся при них. Вот только почему?

Анна следила за выражением лиц гостей. Разными были эти лица, не тупыми, но и не особо заинтересованными в откровениях с хозяином. И главное — ни один, кроме того крайнего мужика, не сопротивлялся явному лидерству дородного. «Вот тебе и пролетарии всех деревень, объединяйтесь. Против кого дружим, ребята? И чем же этот толстяк вас держит, интересно?» — думала Анна.

Хозяин замка свое недовольство скрыл, поблагодарил гостей за визит, пожелал счастливого Рождества и отпустил осоловевших подданных. Те откланялись и покинули замок, а хозяева поднялись в кабинет, где генерал дал волю эмоциям.

— Ты посмотри, сын, какое единство проявили наши сельчане! Прямо военную тайну скрывают, не иначе! Ни слова дельного, одно нытье!

Хенрик молчал, а Анна Николаевна решила выразить свое впечатление от встречи.

— Герр Вайс, не все так плохо! — мужчины смотрели на неё с сомнением. — Во — первых, вы увидели подданных в необычной обстановке и скопом, а для простых людей,

даже искренних и добрых, мнение общества играет большую роль. Они соотносили себя, вас и остальных, и естественно, к вам отношение настороженное и боязливое, а соседи — они ближе и привычнее. Тем более, у них явно имеется лидер — тот толстый мужик рядом с вами. Надо бы узнать, кто он такой, а главное, чем всех так держит, что они в рот ему смотрят. Мне показалось, его совсем не радует появившийся у вас интерес к делам в поместье, и он всячески уводил в сторону любую возможность для крестьян поделиться сведениями, помимо жалоб на жизнь. Во — вторых, мне очевидно, что пока рано проводить какие-либо реформы в масштабах всего владения. Лучше найти экспериментальную базу, что ли. Одну деревеньку. Можно самую бедную и малолюдную, где крестьяне уже ни на что хорошее не надеяться, а потому и терять им особо нечего из-за господских причуд. Вы обратили внимание на того мужика, кто единственный пытался сказать, но его взглядом затыкал толстяк? — Хенрик кивнул. — Он явно желал пообщаться, но ему не дали. Значит, надо говорить с ним без свидетелей. Он молод, остальные старше, да сидел он, можно сказать, на отшибе, скорее всего, чем-то отличился, раз его на обочину сдвинули. Вот к нему и стоит приглядеться. Как думаете, генерал?

Старший Вайс задумчиво вертел стакан с виски в руках молчал, а потом вызвал Ванду. Экономка пришла быстро.

— Что можешь рассказать о гостях, Ванда? Мы вот гадаем, что за толстяк у них главный и кто такой тот молодой крестьянин, что сидел рядом с Хенриком. Поможешь? Мне, честно, стыдно не знать своих подданных, но раньше я как-то и не задумывался об этом. Поэтому, надежда только на тебя.

Экономка понятливо кивнула и поведала, что дородный лидер — единственный мельник в округе, зажиточный и справный хозяин. А еще — ростовщик: к нему идут за деньгами со всего поместья, и большинство крестьян из бедноты — его давние и крепкие должники. При чем, они считают его благодетелем и слушаются почти беспрекословно. Он грамотный, сыновей тоже выучил, так и учет по деревням он со старостами ведет, и только после консультаций с мельником мужики передают собранное в замок. На мельнице у него порядок, но процент за помол дерет, не стесняясь, поскольку, нет у него на пять деревень конкурента, а иногда и с соседних земель к нему на поклон едут.

Вайсы сидели молча, но по лицам Аня видела, как поднимается в их сердцах гнев и досада. Первое — на творящееся у них под носом самоуправство мельника, явно не брезговавшего воспользоваться неведением хозяев замка о действительном положении дел на их землях. Второе — на себя за невнимательность и упущения в управлении поместьем, приведшим к такому факту.

— Почему ты никогда не говорила об этом? — задал генерал вопрос экономке, но сам же и ответил — Да, я же не спрашивал... Прости, Ванда. А почему мельница только одна?

Из дальнейшего монолога стало понятно, что мельнику Фредди Крюгеру (попаданка чуть не рассмеялась) либо ворожили боги, либо он сам помогал им в этом, потому что за последние тридцать лет ни одна мельница, которую строили в других деревнях, не простояла и года: горела, ломалась, трескались жернова, портилась мука и прочее. И только у Крюгеров все работало, как часы. Это еще больше повышало статус мельника в глазах местных, перед ним заискивали, старались не ссориться и всячески ублажать. Даже «шалости» сыновей прощались, а их было немало: чуть ли не все пригожие девки были «обласканы» их вниманием, особенно бедные.

— И все молчат? — возмутился Хенрик. — Почему никто не жалуется на эту семейку?

Они вторыми господами себя ведут в нашем поместье, а мы ни о чем и не ведаем? Отец, так оставлять это дело нельзя! Да над нами смеяться должен этот Крюгер! Я завтра же поеду и разберусь! Каков наглец!

Генерал глянул на сына, и Хенрик вынужден был замолчать. Воронцова пока тоже не решалась говорить. Ванда продолжила:

— Герр Хенрик, они все боятся. Мельник — зло привычное, сжились как-то с ними. А к вам пойти жаловаться — это еще как обернется... Вы-то в замке, а они — рядом. То ли поверите, то ли нет. Пропавшие мельницы — пример в пользу Крюгеров. А девки... Берут их замуж и так, зато с приданым: откупается Фредди от порченных, а иные и сами лезут под его сынков в надежде на виру... — Ванда вздохнула. — Пару раз молодые парни били мельничат, да только потом жалели: Фредди отыгрывался на семьях, да так, что и сказать нечего было, все вроде как и по делу. Хитрый он, Фредди, подлый, его просто так не возьмешь. На всех, почитай, у него управа есть, кто не без греха-то? Вот и сидят тишком... А Эрих Вульф... Он — единственный, с кем Крюгеры не связываются, да и живет в лесной деревне, там плохо растет зерно, больше охотой да огородом на жизнь зарабатывают, поэтому с мельником он не встречается, а сынки Эриха и вовсе стороной обходят. Да только Эрих-то тоже не лезет, знает натуру мельника получше других. Его жену младший Крюгер себе в хозяйки приглядел, а та отказалась и за Эриха быстро вышла. Попытался младшенький помешать, но что-то произошло, с тех пор и не трогают они друг друга, но и дружбы нет. Эрих в Лесном, пожалуй, самый молодой да рукастый, остальные — так, ни о чем, и стариков больше. Помогает он всем в деревне, мало что сам овдовел недавно и детей трое. Темное там дело с его покойной женой. Но Эрих — мужик хороший, правильный. И видать, есть ему, что сказать, но мельник не дал, видела за столом. Детьми, скорее, держит, я думаю.

— И как ты считаешь, стоит с ним поговорить наедине? Будет ли толк? — спросил генерал.

— Без свидетелей — можно и нужно, Эрих толковый, работающий, ему детей поднимать одному тяжело, поэтому за любую возможность хватается. Он вообще от других с малолетства отличался, ко мне прибегал раньше, просил грамоте научить, про огород спрашивал. Да много ли я могла, за делами-то его обучить? Он любопытный был, и в конюшню, и в кузню, и в прачечную совался, но не с проказами, а смотрел внимательно, вроде как изучал. Его никто не гонял, серьезный он всегда был. Думаю, он вам поможет ради детей и деревни.

Вайсы переглянулись, Анна Николаевна покачала головой одобрительно.

— С него стоит начать, мне кажется. На праздник съездить. Отвезти в деревню подарки и гостинцы детям, старикам. Такое принято на Рождество, Ванда? — та кивнула. — Ну, вот и повод будет пообщаться без особого внимания. И тогда уже делать выводы на будущее. Ванда, какие подарки принято на праздник дарить?

Женщины ушли, а мужчины остались вечерять со своими мыслями, думами и планами.

Рождество в этом мире считалось второй Пасхой, но праздновалось с меньшим размахом. В Сочельник пень или большое полено поджигалось в очаге и постепенно сжигалось в остальные двенадцать дней праздника. Следовало от него оставить небольшой огарок. Считалось, что он в течение всего года защищал дом от несчастий. Елку не наряжали, но Анна Николаевна упростила Вайсов, отправившихся на традиционную охоту, привезти ей несколько хвойных лап и украсила ими зал и свою комнату.

Ванда к праздничному ужину приготовила сладкие пироги, запекла гуся с яблоками, а окорока от добытого хозяевами кабанчика пожарили на открытом огне. Посидели мирно и тихо, слуги получили от генерала по несколько монет в подарок. Воронцова отдалась песнями, на которых настоял Хенрик.

— Анна, я помню, как ты пела надо мной. Прошу, спой и для отца!

Аня не стала ломаться и, выпив немного для куража, перепела все, что смогла вспомнить на тот момент. Женщина вспоминала свою жизнь, оттого, наверное, песни выходили очень душевными. Слушатели не понимали слов, за исключением Хенрика, но исполнение тронуло всех. И то правда: Аня пела искренне, радуясь, что здесь, под сводами замка, голос ее звучал сильно и чисто, как когда-то давно.

Особо генералу понравилась песня из фильма «Офицеры», он как-то сам ее выделил, а после объяснений Анны и вовсе проникся. Потом просил еще военные, и Воронцова спела «Темную ночь», «Пыль-дороги», «Враги сожгли родную хату», а закончила «Журавлями», расплакавшись под конец сама.

Карл Вайс сидел задумчивый, пока сын, как мог, перевел слова песни. Потом подошел к Анне и поцеловал.

— Спасибо, Анна! Таких песен я не слышал никогда. Твой народ должен быть велик! Спой потом еще что-нибудь, очень красиво.

Следующий день Воронцова провела в постели, отчасти просто лентясь, отчасти испытывая странное томление и легкий озноб. «Заболела, что ли?» — думала попаданка ровно до вечера, когда причина состояния не обнаружилась.

— Привет из прошлого, мать вашу! — пробормотала Анна Николаевна, пытаясь осознать сюрприз, преподнесенный ей помолодевшим телом. — Дождалась второго пришествия! То-то слезливость и сонливость меня одолели. Ну, что уж горевать. Будем жить дальше!

Мужчины, видя состояние Анны, особо вопросов не задавали, оставив гостью наедине с ее организмом. Слуги в замке временно уменьшились числом: в сельской местности богатые землевладельцы предоставляли фермерам-арендаторам и прислуге на Рождество 12 нерабочих дней, поэтому часть замковых работников разошлись по домам, в том числе, отсутствовала Ванда. Последняя обещала вернуться через пару-тройку дней, так что Анне пришлось собирать себя в кучу и идти руководить. Это оказалось даже кстати: не давало раскиснуть и впасть в грусть-тоску, как бывало раньше в такие дни.

Поэтому она с лёгкостью отпустила Вайсов в круиз по соседям, традиционно

проводимый в новогодние праздники.

— Езжайте, не думайте обо мне! Я не одна, справлюсь, а поддерживать хорошие отношения необходимо. — убеждала она мужчин. — Вы только скажите, а сюда гостей ждать стоит? Ванда вернется, мы подготовимся.

Генерал подтвердил, что к 31 декабря визит нанесет ресторатор Шульц, местный священник отец Бруно и кузнец из Пюртена Шмидт, бывший подчиненный генерала.

— Мы постараемся 30-го быть в замке, чтобы вы тут с Вандой не суетились слишком. Ты точно справишься, Анна? — немного встревоженно спросил Карл. — Или все же с нами поедешь?

Воронцова утвердительно кивнула, и хозяева, наконец, отбыли. Оставшись одна, Анна Николаевна высунулась во двор, укрытый неглубоким снегом, поднялась на крепостную стену, откуда хорошо просматривалась ближайшая деревня и даже были слышны веселые детские голоса и песнопения: местные гуляли. Здесь было принято 12 дней петь, пить и веселиться, устраивать игры ряженых, ходить колядовать и просто навещать родных и соседей. Легкий морозец и отголоски праздника подняли настроение и попаданке: она решила «оторваться» на пельменях! Это блюдо дома она готовила редко по причине нехватки времени и желания. А здесь и сейчас почему бы и нет? Время есть, погода соответствует, руки тоже наличествуют. Решено, ударим пельменями по средневековым желудкам!

Оставшееся от кабанчика мясо было извлечено из кладовой, рассортировано, и утром следующего дня поварята Мирко и Мартин, вернувшиеся в замок, под чутким руководством фрау Анны принялись за готовку необычного блюда. Тесто замесила примчавшаяся засветло Ванда, до которой дошли слухи об отъезде господ. А Воронцова взялась за приготовление фарша примитивным способом: рубила в крошку огромным ножом кабанятину, соленое сало и лук, отварные листья капусты (для сочности). Мальчишки помогали, и к обеду подготовительная работа была завершена.

— А вот теперь смотрите внимательно, — сказала Аня, — фарш кладется в серединку кружочка теста и хорошо залепляется. Потом выставим на мороз, и можно хранить хоть месяц. А есть после варки со сметаной, уксусом, хреном, с бульоном и так. Еще можно запечь или пожарить, как захочется. Ну, с богом!

С фаршем Аня размахнулась, поэтому лепили пельмешки до вечера! Аня показала все варианты, какие знала: и полукругом, и бантиком, и на манер хинкали. Опытным путем участники пельменного марафона выбрали для себя наиболее подходящий. Так Анна Николаевна лепила круглые «а-ля хинкали», Ванда — классические, с красиво прищепнутыми краями, а мальчишки освоили бантик. Дело шло под разговоры, рассказы и анекдоты, вдруг пришедшие на ум попаданке. Было мирно и хорошо.

Ванда, узнав о гостях, предложила сварить «копченое» сало и холодец, благо, костей хватало, да и голову кабанью так и не тронули. За холодец отвечал Мирко, гордый и сосредоточенный. Специфический запах дикой свиньи приглушили приправками, поэтому вкус немного отличался от стандартного, но всем бульон понравился, как и сваренные на пробу первые пельмени. Ванда было покорена простотой и выгодностью кушанья.

— Фрау Анна, я так рада, что вы приехали к нам! Сколько всего вы показали! У нас, если честно, так рецептами делиться не принято, — смущенно заметила экономка. — Вы бы озолотились, решишь продать. И фарш этот! С ним еще чего можно наверняка наготовить, так ведь? Только уж больно рубить долго!

Воронцова вдруг сделала мысленную стойку — мясорубка! Ей, не читавшей фэнтези, было невдомек, что почти все приличные попаданки начинали покорять новые миры именно с этого приспособления. «А ведь при должном умении спеца воплотить в жизнь изделие не так и сложно! Генерал говорил о своем знакомом кузнеце, что с головой и руками! Надо набросать схему, пока время есть, вдруг да возьмется? И дело, и деньги! А еще бы венчик! С утра займусь художеством».

— Ванда, спасибо за идею. Я вспомнила одно кухонное устройство, даже два! Обязательно надо сделать! Вот приедет кузнец... Ванда, а сметану вы делаете? Ну, когда сливки прокисают, верх снять и — вот она, вкуснятина!

Судя по вытянувшемуся лицу экономки, о такой кисломолочке тут не слыхали. А Аня загорелась еще и майонезом. Ее сноха, такая кулинарка, всегда делала свой. Сказано-сделано! Ванда опять смотрела во все глаза, мальчишки от неё не отставали. Уже поздним вечером вторая партияпельменей (из неудачненьких) пошла на ура со свежим майонезом.

Взбивала Аня яйца с добавками долго и упорно, меняясь с Мирко, но при наличии времени и энтузиазма, а также всех ингредиентов соус вышел весьма недурственным. Ванда облизывала ложку и закатывала глаза в предвкушении, для чего еще это можно использовать, а Воронцова рассказывала варианты сочетаний продуктов (с уксусом и горчицей и без, с чесноком и лимоном — знали тут этот цитрус), рецепты салатов и других блюд. Поварята сидели, проникаясь торжественностью момента (еще бы, им было оказано «височайшее доверие»!) и радуясь, что именно сегодня они оказались на кухне! Дляпельменей Ванда, по совету гостыи, обещалась пошить холщевые мешочки. Сметану решили попробовать сделать на днях и расползлись отдыхать. День определенно был прожит не зря!

К возвращению хозяев в замке прошли испытания несколько новых блюд, было убрано несколько гостевых, и во дворе появился снеговик. Последнего лепили Анна Николаевна, впавшая, по ее собственному мнению, в детство, поварята и конюх Вальтер, угрюмый по причине шрамов на лице великан, но добрейшей души человек!

Решение слепить символ зимы родился спонтанно, когда попаданка вышла на улицу и увидела, как Вальтер чистит дорожки в замковом дворе от напавшего за несколько дней снега. К чудачествам гости слуги привыкли, а радость мальцов, катавших шары из ненужного снега, примирила с безобразием остальных. Снеговик получился большим и красивым: с носом-морковкой, глазами-угольками, свекольной улыбкой, метлой и старой конюховой соломенной шляпой. Он гордо стоял посреди двора и поднимал настроение всем на него смотрящим.

Скисшие за два дня сливки, немного жидковатые для настоящей сметаны, все же давали представление о конечном продукте. Постояв в холодильнике, они подзастыли и с тех пор стали готовиться на постоянной основе.

В отсутствие господ Воронцова умудрилась, напрягаясь и матерясь, «начертать внутренности и внешности» ручной мясорубки, венчика двух видов, псевдоблендера (на ручном приводе), скрепки (у генерала на столе пришлось немного прибраться, ну и пришла в голову мысль о канцелярке) обычной и «лягушке», а также блокноте на пружинках. Получится или нет — вот в чем вопрос, но коли уж завелась мыслишка, грех ее не описать! Еще (совсем бредово, но!) стоя на крепостной стене, Анна Николаевна подумала о ветряках на башнях: если такие, маленькие, установить, то вопрос о конкуренции с ужасным Фредди Крюгером вполне себе решаем!

И про продажу рецептов — почему бы нет? Вот Отто Шульц прибудет, и поговорим. Воронцову раздражало собственное «нахлебничество»: хотелось приносить пользу, выражаемую в деньгах. Поэтому она и писала обо всех бытовых мелочах, что приходили на ум. Даже швабру вспомнила и валики для отжима белья, что бабушка ставила на стиралку «Волга»! И кресло-качалку, как у деда, и плетеную мебель, что использовала в Африке, и рукомойник с дачи...И двухъярусную кровать, на которой одно время спали дети в однушке у мамы. И свою любимую ручную кофемолку, терку для капусты с одним косым лезвием, лопату, косу-литовку, ложечку для обуви, веер, зонт, сани, лыжи, карты игральные, шашки и прочее. Где-то явно повторялась, но все равно писала: высокие грядки, парники, насос, шлифовальная машинка для полов(всю дачу на коленках исползала!), керосиновая лампа, папки для бумаг на завязках..

— УУУУ. Надоело! — в конце концов, попаданка выдохлась и ушла на кухню, где Ванда доводила до ума винегрет без картошки, но с фасолью и квашеной капустой. Хотелось есть и спать. Завтра предстояло принимать гостей. И тайно праздновать день рождения.

Больше всего Воронцова опасалась визита отца Бруно. Священники никогда не вызвали у неё должного пиетета и доверия, а уж в нынешних обстоятельствах — и подавно. Разговор о местных религиозных правилах Вайсы не вели, поэтому Анна Николаевна и сама их не поднимала, а сейчас было поздноато сожалеть. К счастью, пробыл местный патер в

замке недолго: приехал с господами, наскоро провел службу в замковой часовне, благословил челядь, откушал тушеной в сливках курочкой, грибочками и салом, запил горячим отваром с шарлоткой, споро соображенной Вандой под присмотром попаданки, был удовлетворен и откланялся, спеша на прием к бургомистру, который должен был посетить и епископ Вальдкрайбургский. Хозяева не стали настаивать и, пожертвовав денежку на храм, простились с взволнованным отцом Бруно. Анна, не выходявшая на люди, вздохнула с облегчением.

Вайсы, уставшие, но довольные, поинтересовались настроением Анны, делами в замке и отправились в баньку — смыть усталость, напомнив, что, возможно, уже сегодня к вечеру придут остальные гости.

Так и случилось. Кузнец Шмидт с сыновьями и ресторатор Отто Шульц с племянником, которого наставлял в делах, въехали в замок, когда смеркалось. Генерал лично приветствовал гостей, Хенрик водил в мыльню, а Анна Николаевна и Ванда готовились поразить мужчин новинками.

Жарко натопленный камин, свечи в канделябрах и подсвечниках на накрытом скатертью столе, запах свежесрезанных (Вальтер постарался) еловых веток в больших глиняных кувшинах, свисающие с люстры на нитях бумажные снежинки, вырезанные Воронцовой к Рождеству, создавали уютную праздничную атмосферу. Отто Шульц с одобрением осматривал замковый зал и с ожиданием — стол, на котором одно за другим расставлялись блюда с привычными и не очень кушаньями. Ресторатор чувствовал волнение: его явно чем-то удивят!

Генерал пригласил гостей за стол, предложил отбросить смущение, назвав присутствующих друзьями, и позвал присоединиться к застолью Анну. По случаю приема попаданке пришлось облачиться в платье, соорудить на голове что-то типа тюрбана из шелкового палантина, найденного в вещах прежней хозяйки, прикрыв короткие волосы, и стать «украшением стола».

— Друзья, позвольте представить вам прекрасную фрау Анну, гостью моего дома и спасительницу моего сына! Эта дама — настоящее сокровище, и я поклялся защищать ее! Она иностранка, но довольно бегло говорит и понимает на нашем наречии. Так что, прошу любить и жаловать!

Анна Николаевна была смущена и зла: Вайс — старший явно специально сказал все это! При желании его слова можно было расценить как намекающие на определенную близость между ними. Попаданка прошла через зал, сделала быстрый книксен, покраснела, метнув на хитро улыбающегося генерала взгляд из-под ресниц, и присела рядом. Воронцовой было неловко под взглядами сидящих за столом мужчин, но Вайсы, оба, широко лыбились, поэтому пришлось взять себя в руки и перестать комплексовать.

Первым опомнился ресторатор. Он пригляделся внимательнее, и, всплеснув пухлыми ладошками, прижал их к груди.

— Так это вы — тот очаровательный юноша, с которым герр Хенрик обедал в моем ресторане? Я отметил вашу редкую для мужчины утонченность и красоту, а оказывается, вы — дама! Герр генерал, скрывать столь прекрасный цветок — преступление! Фрау Анна, я покорен! — ресторатор бодренько подскочил к Воронцовой и легко коснулся ее руки губами. — Надеюсь увидеть вас в моем заведении в самое ближайшее время!

Анна Николаевна, прежде не страдавшая лишней застенчивостью, чувствовала себя как на первом свидании. Она посмотрела на генерала, ожидая поддержки, и тот, спрятав

довольную улыбку, сказал:

— Отто, не торопись! Давайте воздадим должное блюдам, что готовили для нас фрау Анна и моя верная Ванда! Уверен, вы будете приятно удивлены!

Семейство Шмидтов молча взирало на представление. Женщина в доме генерала — явление редкое, но, судя по всему, она — не любовница, а именно гостья. Так что, не стоит и дальше смущать даму. Надо покушать, ведь ужин такой необычный.

Действительно, к визиту женщины наготовили разносолов: на столе радовали глаз опробованные соленья, холодец, сало, соусы, свежий хлеб, пиво и вино. Для каждого едока была положена салфетка и отдельный прибор. Из новинок гостям представили винегрет, майонез и сметану в судочках, пельмени с бульоном, куриные отбивные в панировке и салат «витаминный» с салатной заправкой. Анна хотела еще котлет наделать, но Ванда горячо воспротивилась.

— Фрау Анна, их сделаем напоследок, иначе Отто не отстанет! Я его знаю!

После тоста генерала мужчины стали пробовать блюда, а Воронцова — наблюдать за реакцией. Хотя Ванда и поварята убеждали ее в прекрасном вкусе еды, попаданка непривычно для себя волновалась. Не хотелось уронить честь мундира, то бишь, отчизны! Была бы селедка, она бы сделала и «шубу»! Увы, зимней рыбалкой здесь не промышляли.

Отто Шульц действительно был удивлен: и преображением юноши в даму, и столом, за которым сидел. Он по праву гордился своим заведением, но сейчас, пребывая в замке генерала, которого уважал, правда, не считал таким уж знатоком сервиса, должен был признать, что и сервировка, и подача блюд, и их вкус могли бы составить конкуренцию его кухне. Ресторатора раздирало любопытство, а его вкусовые рецепторы — необычные ощущения. Он изредка бросал взгляд на племянника — тот явно заинтересовался едой. Сидящие напротив кузнецы старательно скрывали удивление, но тоже наслаждались. Шульца их присутствие за столом не смущало: он знал, раз они здесь — генерал их ценит, поэтому этот факт следует принять как данность. Гурман внутри Отто требовал начать задавать вопросы, но делец его сдерживал. Для бизнеса сейчас не время. Вот тот кусочек, так призывно пахнущий копчением, еще не опробован! И это чудные грибочки — тоже! С капусткой, хрусткой и остренькой, надо бы повторить! И что это за хрен, который уже в который раз оказывается во рту Шмидта, заставляя мужика довольно крякать и вытирать слезы? Ладно, все разговоры потом, сейчас еще этого аппетитного салатика...

Мужчины Шмидт, вначале чувствовавшие неудобство в компании более знатных едоков и весьма колоритной дамы, по мере возлияния вином и пивом, вкушания горячих непривычных клецок с мясом, острых приправ с мягким салом, освежающих солений и тающих во рту кусочков холодного студня (как сказала фрау Анна) расслабились и перестали чиниться. Генерал и его сын, дав гостям возможность утолить первый голод, умело вели застолье, разбавляя еду шуточками и новостями округи. Постепенно за столом воцарилось дружелюбие и некое умиротворение. Мужчины были сыты и немного пьяны.

— Надеюсь, вы довольны угошением, друзья? Предлагаю пройтись немного перед сном, на крепостной стене сейчас открывается чудесный вид. День был долгим, все разговоры потом. Фрау Анна, мистрис Ванда, благодарю вас за прекрасный стол!

Карл Вайс церемонно поцеловал руку Воронцовой, ему вторили остальные, и Анне

показалось — мужчины были искренни. Ванда довольно улыбалась, принимая словесные благодарности, а гости уже выходили на задний двор, откуда послышались возгласы восторга зимней ночью и снеговиком, вокруг которого Вальтер воткнул в снег несколько факелов. Захмелевшие гости рассматривали снежного человечка, смеялись и желали повторить.

— Герр генерал, такого вечера стоило ждать! — Шульц потирал руки на морозе. — У меня масса вопросов и предложений, надеюсь, завтра мы сможем обсудить сотрудничество. Взаимовыгодное, разумеется!

Хенрик рассмеялся, Карл хмыкнул, а Шмидт-старший посмотрел на стоявшую в проеме Воронцову внимательно и спокойно. Он уже понял, откуда бывший начальник почерпнул идею аппарата, дожидавшегося своего часа в выделенной им комнате. Эта Анна была непроста, вояка печенкой чувствовал, что с ней стоит поладить. Выражение глаз женщины, стать и манеры не соответствовали возрасту, но оттого делали ее еще интереснее. Этот визит принесет Шмидтам выгоду, определенно.

Спалось и гостям, и хозяевам на диво прекрасно. Утро началось поздно, собрались за завтраком той же компанией, только Анна Николаевна осталась в кухне готовить кофе, привезенный ресторатором. Пришлось в ночи доводить зерна до ума, чтобы напиток походил на близкий к идеалу. Зато теперь он пах почти как надо!

К завтраку Ванда подала омлет, оладьи с медом, овсяную кашу, а Анна — кофе со сливками. Отношение пробовавших напитков, конечно, разнилось: от полного неприятия до восторга. Последнее относилось к Отто Шульцу. Ресторатор просто обалдел.

— Любезная фрау Анна, что вы сделали с этими бобами? Как вам удалось получить такой вкус? Нет, я решительно настаиваю на заключении с вами договора о продаже рецептов! Такие блюда должны увидеть мир! Я приму любые ваши условия!

Хенрик рассмеялся, генерал предложил успокоиться и пройти для частного разговора в кабинет. Шмидты тактично отступил, высказав желание прогуляться по окрестностям до ближайшей кузни, пообщаться с коллегой.

Шульц с племянником вприпрыжку побежал за генералом, Хенрик, подхватив Анну за локоток, повел ее туда же, прошептав на ухо:

— Аня, требуй столько, сколько хочешь! Не стесняйся! Отто — неплохой мужик и довольно честный делец! Отец не даст тебя в обиду!

Воронцова в себе не сомневалась и без этого замечания: продать рецепт можно, вопрос — за сколько? Впрочем, генерал не должен прогадать. Оставим переговоры мужчинам. Непривычно, но иначе нельзя, не то время и место. Ванда из-за двери помахала сжатыми кулаками, мол, давай, хватай! И попаданка пошла заключать первую сделку.

Результатом переговоров стало совместное владение несколькими рецептами (кофе — прежде всего). Генерал настоял на патентировании соусов, пельменей и холодца с «копченым» салом на имя Шульца, но при условии эксклюзивного права Воронцовой и Вайсов на готовку их в качестве франшизы — это предложила Анна, помня про Ванду и генерала. Оказывается, в гильдии трактирщиков (была тут такая) имелась Книга рецептов, куда вносились новинки за именем создателя, и которая раз в год печаталась небольшими тиражами и рассылалась по городам для ознакомления знатокам. Так немного тормозилась конкуренция, но можно было выкупать права на пользование рецептурой у автора на указанный срок. Сложно, но что поделаешь?

Процент от использования рецепта шел Вайсам как представителям Анны, а от ресторана Шульца попаданка получала единовременную выплату за сам рецепт, и немного от прибыли — 10 % от каждого десятка проданных блюд в первые 5 лет, потом -3%. Воронцова не стала даже напрягаться, пересчитывая возможный доход. Раз Карл Вайс принял, а Отто не возражал, значит, нормуль. Хенрик немного поворчал, что теперь ему еще и отчетность Шульца проверять, но ресторатор даже чуток оскорбился.

— Герр Хенрик, я — честный бизнесмен! Вам не нужно волноваться! Наше сотрудничество принесет несомненную пользу как моему ресторану, так и вашей фамилии! А если фрау Анна не возражает, я буду покупать ВСЕ ее рецепты в будущем! Мы можем даже организовать совместное предприятие! — горячо заявил толстячок, и племянник его

поддержал.

— Хорошо, хорошо, герр Шульц, время покажет. За предложение — спасибо! Как только будут готовы документы, сообщите, я приеду в город и мы завершим все формальности.

Довольные перспективами Шульцы отбыли восвояси, забрав с собой по бочонку грибов, капусты провансаль, шмат срочно сваренного копченого сала с горшочком хрена и мешочек пельменей. Ресторатор обещал уладить предварительные дела в гильдии (получить согласие, формат записей рецептов и основу договора). Детали будут внесены в присутствии поверенного при личной встрече.

Котлеты Ванда нажарила к ужину, решив не баловать слишком Шульца новинкам.

— Не все сразу, фрау Анна! А то он на шею сядет, не скинешь! Как еще платить будет? Вооот! Будет честен — отдадите! И так прославится за ваш счет, обжора!

После отъезда рестораторов пришла очередь Шмидтов. Уже не такие напряженные, кузнецы внесли большой сверток в кабинет, где собрались Вайсы и Анна Николаевна. Все с трепетом наблюдали, как гордый Ханс водрузил привезенное на расчищенный стол и развернул упаковку. Перед глазами зрителей предстал сияющий медью «спиритус модус».

Мастер ожидал реакции, вперившись взглядом в единственную даму. Именно от неё он ожидал оценки, чем удивил своих сыновей, также следивших за господами.

Воронцова не подвела: смотрела с восторгом, поглаживала бока первого самогонного аппарата, вертела его на столе и, наконец, подняла вверх оба больших пальца рук в знак одобрения. Примерно так она и представляла себе вариант средневекового перегонного куба! Сама не зная, почему.

— Герр Шмидт, вы — мастер! То, что нужно! Какой у него объем? Литров 5–6 войдет?

Довольный кузнец подтвердил гипотезу попаданки и обратился к также заинтересованному объектом генералу.

— Ваше благородие, угодил? — получив подтверждение, продолжил. — Когда опробуете? Очень уж любопытно, для чего такую посудину мы клепали. А вот со вторым заказом, мельничкой, еще дольше возились. Но! Младший мой, Андрис, довел затею до ума! Смотрите!

Рыжеволосый конопатый парень лет 16, с немалым разворотом плеч, свидетельствующем о тяжелой каждодневной работе, достал из мешка такую знакомую Анне конструкцию — ручную мельничку с деревянным корпусом и металлическим верхом. Изящная как игрушка, мельничка была подхвачена женщиной, осмотрена со всех сторон, после чего парню достался быстрый поцелуй в щеку, смутивший до слез его и немного — остальных мужчин.

— Ой, простите, не сдержалась! Это я от восторга! — воскликнула Воронцова. — Спасибо вам, Андрис! Именно такой она и должна быть! У вас золотые руки! Спасибо и вам мастер Ханс! Вы — удивительные таланты! Не каждый может, не видя и не представляя, для чего делает вещь, так точно воплотить задумку в жизнь!

Мужчины зарделись от похвалы красивой женщины, генерал довольно потирал подбородок, а Хенрик вдруг приревновал гостью, но быстро опомнился и постарался ничем себя не выдать.

— Спасибо, ефрейтор, уважил и угодил, безусловно! — генерал пожал сослуживцу руку. — Обязательно приглашу на пробу того, что получится, не сомневайся! А мельнички делать на продажу не думал?

Отец и сын Шмидты переглянулись.

— Была думка такая, признаю. Только вот не знаем, как и для чего ее использовать, уж простите, фрау Анна. Может, подскажите? Андрису понравилось с ней возиться, он вообще всякое такое баловство любит. Коли можно такую пустяковину продать, мы готовы делать, и с вами разделить доход. Как думаете, генерал?

Обращался Шмидт-старший к хозяину, но смотрел то на него, то на Воронцову. Кард Вайс махнул рукой на Анну и сказал:

— Поможешь, милая? Да и если что еще хочешь иметь, поделись. Ханс — верный человек, трепаться не будет, ведь так, ефрейтор? — генерал серьезно поглядел на кузнеца. — И сыновья его, в случае чего, языком мести тоже не должны? Да, ребята? Отцу вашему я верю, мы с ним много испытали, после чего, уж если не друг другу, то кому еще доверять?

Парни слаженно кивнули, а кузнец приосанился. Карл Вайс снова посмотрел на Анну Николаевну, и она решила: а почему бы и нет?

— Хорошо, я сейчас принесу кое-что. Подождите! — и вышла из кабинета, чтобы взять в своей комнате те кривые эскизы и описания всего, что пришло на ум недавно.

Пока гостя отсутствовала, хозяин замка еще раз обратился к семейству кузнецов.

— Вы, ребята, сейчас дайте мне слово, что об этом разговоре никто больше не узнает. Анна под моей опекой. Кто она и откуда, вам знать не стоит, меньше знаешь-крепче спишь, так она говорит. Но ум её — не чета местным бабским, вы уже и так это поняли, — мастера кивнули одновременно и серьезно. — Поэтому, для общего блага, держите рты закрытыми, а глаза и уши — наоборот. Идеи Анна отдаст вам даром, уверен, она вообще добрая и щедрая девочка. Если на чем сойдетесь в придумках, авторами везде будете вы, а нам — генерал ухмыльнулся — и процентов хватит.

Мужчины понятливо закивали, в нетерпении ожидая возвращения загадочной незнакомки. То, что их жизнь изменится после этого визита, все понимали. И надеялись на новое и лучшее. И интересное, безусловно. Андрис вообще чуть не подпрыгивал на стуле в нетерпении!

Так много Воронцовой здесь еще говорить не приходилось! Вернувшись в кабинет, она разложила на столе свои рисунки и записи и начала рассказ.

— Итак, господа, заранее прошу прощения за качество изображения. Не художник я ни разу! Но суть постараюсь объяснить как можно проще и доступнее. Начну с мельнички. Вы пробовали кофе, вот для него она и предназначена в первую очередь, поэтому, поверьте, спрос на нее будет обязательно, как только напиток разойдется по богатым домам. Правильно пожаренный, смолотый и сваренный кофе — райское наслаждение для ценителей. Они непременно будут, я даже не сомневаюсь. А значит, и приспособления для его приготовления будут востребованы. Кстати, лучший кофе варится в специальном сосуде, я его называю «турка», и обязательно медном! Смотрите, он должен выглядеть примерно так!

Аня нарисовала турку с ручкой, Андрис впился в рисунок.

— Я могу такой сделать! — Горячо воскликнул парень. — Только медный — это обязательно?

— Да, Андрис, именно медный. Почему-то в таком вкус напитка наиболее хорош! Причем, турку делать лучше на одну порцию, маленькую чашечку! Можно, конечно, и тазиками пить, но классический черный кофе пьют именно малыми дозами. Он крепкий, если сварить со специями, вполне можно опьянеть с непривычки.

Мужчины переглянулись, а Анна продолжила повествование.

— Ладно, с этим ясно, да? Второе, что бы мне хотелось. — Она достала рисунок мясорубки. — Мясорубка! Вы пельмени ели, фарш внутри я рубила ножом. Конечно, долго и трудно, но можно, особенно мужчинам-поварам. А это приспособление облегчает труд женщины на кухне. Мясо получается однородным, мягким. Фарш идет на котлеты, колбасы, можно и тесто пропустить. Основная проблема — винт и резьба. Вы такое делали когда-

нибудь?

Дальше рассказ перешел в обсуждение, восторги, сомнения, споры, озадаченное молчание и прочие эмоции и чувства. Информация о невиданном лилась из попаданки на головы слушателей потоком. Через пару часов было решено сделать перерыв, подкрепиться и продолжить. Мужчины гурьбой спустились в зал, где их ждал обед с горячим супом и котлетами, удачно нажаренными Вандой. Кузнецы ели с завидным аппетитом, уже не стесняясь, а Анна Николаевна параллельно перебирала в голове, что еще поведать местным мастерам. Вайсы довольно смотрели на едоков и мысленно потирали руки — бытовое приключение набирало обороты!

Гости покинули замок Вайсов уже в новом году. Из-за обсуждения работ пришлось задержаться, пока в головах мастеров новые идеи не отложились должным образом. Заодно отметили и Анин день рождения в новом мире, о котором она случайно проговорилась. Мужчины сначала расстроились от того, что не смогли подготовить достойный подарок, но Воронцова махнула рукой — все нормально! Жива, здорова — куда больше! Ванда, узнав о событии, тоже охала, но сообразила быстрее: испекла пирог, запекла гуся и подарила платок, давно лежавший у нее в закромах — для себя берегла! Вайсы отдарились серьгами из наследства Хенрика, а мельничка стала даром Шмидтов. В общем, все прошло хорошо.

Правда, пришлось Анне Николаевне снова петь — генерал настоял. Репертуар был прежним, но попаданка спела и более оптимистичные «Ты ж мене пидманула», «Смуглянка», ну и еще всякое. Вечер был очень теплым от душевной атмосферы и выпитого алкоголя. Ванда утирала слезы в углу — давно в замке не было так душевно! Хенрику приходилось кратко излагать суть песен, но слушателям, если честно, это не требовалось. Пение, интонации были понятны и так.

Уезжали Шмидты одновременно озадаченными и вдохновленными. Информация о новых заказах распирала мозги, а желание скорее приняться за интересную работу — грудь. Эмоций добавляло и отношение хозяев: такими значимыми кузнецы себя не чувствовали давно, если не никогда! Шутка ли — их, простолюдинов, мало того, что принимали в помещечьем замке, так и за стол сажали как равных, и за работу благодарили искренне, и мнение их выслушивали, и советовались!

— Ну, сынки, работы нам до весны хватит! Придется постараться! Генерал мне заплатил остаток уговоренного и дал еще — на материал! Андрис, ты уж мельничками этими займись, фрау Анна просила парочку сделать по-раньше, этому Шульцу надоть! — Ханс ехал и вел разговор с детьми. — Петер, что она там про винт-то толковала? Ты памятью не обижен, держи в уме все, что слышал! Вот ведь баба-то какая! И говорит ясно и понятно, даром что чудно! У меня прям голова пухнет от думок! Это сколько всего можно наделать? Ну, с мясорубкой делов-то много: отливку сделать, потом шлифовать, резьбу ладить. Вот даже и додуматься не смог бы сам до такого! И как делать будем?

Молчавший до этого Петер повернулся к отцу и сказал:

— Отец, неужели же мы втроем не сообразим, как? Пусть не сразу, но сделаем! Работы сейчас мало, денег нам дали, интерес аж жжет! Думаю, начать надо со скрепок — проще всего! И пружинок этих. Ты ведь дядьку Ансельма помнишь, у него лавка в городе, бумагу и книги он продает? Вот с ним и потолкуй для начала. Пружинок мы с Андрисом навьем, а он пусть эти, блокноты, собирает! Или скрепки? А может, лучше с дырокола начать? Андрис, что думаешь?

Младший помолчал несколько минут, а потом выдал:

— Нет, я думаю, надо с мельничек и турок начинать. Фрау Анна что говорила? На них спрос скоро пойдет, этот их Шульц точно будет кофэ рек-ла-ми-ро-вать! И богатые захотят у себя иметь такую штуку, да за хорошие деньги — мол, у меня должно быть! Зерна-то и в столице продают, только варить не умеют! Шульц непременно похвастается перед знатью, тут-то ему наши приспособы и понадобятся! Фрау Анна обещала ему мысль подкинуть!

Может, нам меньше достанется, но уж имя наше узнают! А насчет скрепок и пружинки — я считаю, рановато. Она говорила, должно быть гибко, немарко, чтоб на бумаге следов не оставалось. Вооот! А бронза с латунию нами еще так не опробована. Чтоб не зеленело — чем покрыть, вы думали? Надо с каким чудяком из алхимиков потолковать аккуратно, лак какой сообразить. Нет, отец, давай не будем торопиться, займемся кофе и мясорубкой — тоже труда вложим ого-го! И еще — пилой двуручной и теркой для капусты. Или валки для отжима белья. Они быстрее выйдут у нас, я надеюсь, и сразу попробуем соседям предложить. Мне кажется, возьмут. Да и спиритус этот... Генерал еще закажет, уверен.

Ханс Шмидт погрузился в осмысление сказанного сыновьями, и обратная дорога не казалась ему скучной и долгой. Братья тоже размышляли, вертя и так, и эдак идеи Анны: скрепки, пилы, венчик, плуг и лопаты, новые возможности металлов. Требовалось время, чтобы все уложилось в голове, и только тогда принимать решение. Утешало одно: все задумки известны только им. Надо знаниями распорядиться с умом и осторожностью. Зависть — гадкое чувство, негоже его в людях пробуждать.

И только о личности фрау Анны Шмидты молчали, даже не договариваясь, нутром чувствуя, что об этой женщине упоминать даже между собой не стоит. От греха! Убивать курицу, несущую золотые яйца, дураков нет! А еще — доверие генерала подводить не хотелось. Так и осталась женщина только в мыслях троих Шмидтов.

Последним аккордом Святков стала поездка в Лесную деревню в 12й день в рамках **Вассайлинга**, что означает «быть в добром здравии». Здесь вассайл имел форму взаимного обмена между феодалом и его крестьянами. Он предполагал предоставление феодалом еды и питья крестьянам в обмен на их благословление и доброжелательность. Двенадцатая ночь, которая отмечалась 5 января, была особым праздником, кульминацией 12-дневного веселья и сумасбродства. Главным блюдом Двенадцатой ночи был пирог с фасолью — десерт, внутри которого была спрятана крошечная сушеная фасолина. Тот, кому попадался кусок пирога с фасолью, становился королем на одну ночь и мог отдавать людям самые нелепые указания, которые они должны были выполнять.

До ночи Вайсы и Анна в деревне, естественно, не остались, но угощение и пирог, собранные Вандой и поварятами, привезли. Эрих Вульф с односельчанами был приятно удивлен визитом господ: такого не помнили даже старики. Господа обошли деревню, осмотрели дома и участки, много расспрашивали жителей о житье-бытье, дама даже поиграла с детьми в снежки и слепила снеговика, чем крайне поразила местных. Каждому из 10 дворов досталось по буханке хлеба, куску сала, по котлете на брата и пирогу с яблоками (больше кухня потянуть не смогла). Крестьяне (их Аня насчитала больше трех десятков) истово благодарили хозяев, клялись в верности и готовности работать не покладая рук. Верилось в это мало: деревня была явно беднее других, а мужики местные, кроме Эриха и его двух сыновей, не производили впечатление рвущих пупок. Единственное, что смягчало картину, так это то, что их вообще было мало — человек пять взрослых, остальные либо старики, либо мальцы. С таким контингентом особо достатка не наживешь, решила Аня.

Разговор с Эрихом немного исправил впечатление от осмотра. Спокойный, толковый рассказ главы деревни о проблемах местных давал надежду, что задуманный эксперимент с трудоднями и изменением направленности хозяйства провести удастся.

Эрих Вульф охарактеризовал каждого деревенского жителя вплоть до младенцев, описал качество земель и инвентаря, высказал свои предложения по организации хозяйства, чем явно впечатлил Вайсов. Например, мужчина сказал, что на прилесной территории, граничащей с озером, зерновые растут плохо, а вот овощи и кормовые травы — лучше, что среди местных есть опытные лесорубы и охотники, что рыбы в озере достаточно для интенсивного лова, а еще женщины у них умеют обрабатывать меха и шкуры. Аня наострила уши: женщины-скорняки? Интересно!

— Скажите, герр Вульф, а вы кроликов диких не ловили для выращивания? — задала она вопрос и поняла, что такой способ животноводства Эриху в голову не приходил. Пришлось рассказать, что, зачем и почему. Мужик почесал затылок и серьезно уставился на одетую как мужчина странную гостью.

— И что, так где-то делают? Ни разу не слышал.

— А что в этом особенного? Поймать пару, посадить в клеть, кормить-поить, дать возможность трах...размножаться. Кролик — это ведь заяц, по сути. А размножаются они, прости господи, как кролики. — Воронцова не постеснялась бы и резче высказаться, но Карл Вайс предостерегающе тронул ее за руку. — Знаю только, что самки часто жрут приплод, следить надо внимательнее. А мясо у них полезное, шкурки можно на шапки и шубки

пускать. Очень красиво бывает! И говн...помет их на удобрение подходит, — уже тише закончила попаданка.

Мужчины переглянулись и грохнули смехом, а Воронцова немного обиделась. Им тут дело говоришь, а они ржут! Отсмеявшись, генерал обратился к Эриху:

— Как думаешь, Вульф, выйдет из такой затеи толк? И есть кто, чтобы отловить на пробу пару — тройку зайцев-кроликов? Живых?

— Да запросто! — уверил Эрих. — Мальчишки по весне, перед приплодом, поймают, и пусть сами за них отвечают. Клетку дед Волдо сплетет, он у нас корзины ловко мастерит, да у него и оставить можно — один он живет. Мне теперь самому интересно, что получится.

Генерал пригласил Эриха подъехать в замок, чтобы уточнить детали будущего нового порядка, и господа отбыли к себе. Местные обступили своего старосту с вопросами. Пришлось Вульфу коротко объяснить предложение господ. Деревенские успокоились только после заверения, что ни оброк, ни барщина подняты не будут, наоборот, если они выполнят задумку, им еще и доплатят за работу.

— Эрих, что-то сомневаюсь я, чтоб хозяин нам, подневольным, платил! Обман будет, да только куда нам деваться? — запричитал старый Иво Пихлер. — Ты уж будь там остер, не дай нас в обиду!

— Не ворчи заранее, Иво, вроде господа-то не важничали особо, может, обойдется? Работать все равно придется, как скажут, так и будет, — с разных сторон посыпались реплики. — До весны доживем, поглядим сами.

На том и порешили.

Подведение итогов визитов гостей и по гостям (мужской части замкового населения) заняло несколько вечеров. Общее мнение гласило: все прошло удачно. Вайсы привезли обещание одного из соседних баронов, занимающегося по большей части свиноводством, продать по весне пару мясных поросят и коз молочно-шерстяной породы. Про коз генерал, смеясь, сказал, что вспомнил случайно и не стал отказываться, когда подвыпивший хозяин ими хвастался. Ещё у одного разжились неизвестным странным зерном, которым кормили скот.

— Знаешь, просто неудобно было отказываться, — прокомментировал Хенрик. — Это нечто зеленое, грубое, вроде камешков граненых. Неприхотливое, сказал барон Миллер, свиньям нравится.

У Воронцовой в мозгу стрельнуло: а не гречка ли? А что зеленая — так не жареная, убогие вы мои! Оказалось, правда — гречка. Анна поздравила компаньонов с ценным приобретением и пообещала удивить их новым блюдом. Главное, немного зерно пообтесать, «порушить», она об этом где-то когда-то читала. Потом слегка обжарить, и вуаля — полезная каша!

Про задания кузнецам много не говорили, но на них надеялись крепко. Ресторатора решили посетить как только — так сразу. Остальное время «совет в Филях» провел в обсуждениях «самогонной компании». Анна старательно делилась с генералом, проявившим особое внимание к предмету, всем, что могла вспомнить о процессе. Начать решили с перегонки старого пива, прикупленного Вандой у деревенского пивовара по сходной цене. Брагу же поставили из последних яблок, пшеницы на солоде и тыкве на хмельной закваске. Анна объясняла Вайсу-старшему основы самогонварения.

— Карл, придется идти опытным путем. Жаль, нет здесь дрожжей — они ускоряют процесс брожения. Сахар тоже хорошо помогает. Ну, что есть. Ждем, пока наши кувшины не созреют, и не выйдет лишний газ, вот для этого и соломки я понатыкала в тесто сверху. А пока опробуем пиво.

Генерал увлекся не на шутку, и впоследствии занимался всеми процедурами сам: ставил брагу, следил за созреванием жидкости, за перегонкой спирта, ловил все нюансы и вел записи. Аппарат работал, генерал набирался опыта, кухня напрягалась, а Анна боялась: вдруг отравятся? Но, как говорится, не боги горшки обжигают. К Масленнице Карл Вайс получил первые 2 литра вполне себе нормального самогона градусов по 50 точно. Как Воронцова его убеждала не жалеть продукт (головы и хвосты), как просила перегонять по два раза, как настаивала на очищении березовым углем, а потом отстаивать несколько дней — не передать! Генерал сначала злился, а потом вник в предупреждения и был осторожен. Хвостам нашлось применение в хозяйстве: старики из obsługi натирали ими кости и отмечали улучшения состояния, а Ванда обнаружила, что стекло, вымытое с добавками спирта, выглядит чище.

Разбавляли самогон по правилам: спирт лили в воду, жидкость отстаивали сутки, потом пробовали. Первую нормальную партию пили чистым, без добавок и настоя. Удивительно, но все получилось очень даже хорошо! Пивной вариант не понравился — слишком смущал запах. Яблочно-тыквенный порадовал мягкостью вкуса и слабым градусом. А вот зерновой

(ну кто бы сомневался!) ударял в голову только так. Генерал был чрезвычайно горд!

— Знаешь, Аннет, моя жизнь сейчас меня очень устраивает! — Вайс-старший смотрел на стакан, в котором плескалась полученная жидкость. — Я снова в седле, образно говоря! Мне хочется попробовать разные варианты браги, еще, как ты советовала, настойки освоить или эти, как там, наливки? Говоришь, дубовая щепка придает виски вкус? Здесь тоже пойдет, думаю. Короче, фрау Анна Воронцова, за будущий успех нашего предприятия! Прозит, дорогая!

Хенрик и Анна поддержали генерала, и под мировой закусон (капусточка, господи, огурчики и, прости господи, сало!) три раза по сто ушли «в легкую»! Троица смеялась, строила планы на винокурню, придумывала рецепты настоек и твердо решила посетить Шмидтов для заказа аппарата большей производительности.

— На Пасху и поедем, глядишь, они там чего наделали. Шульц, пройдоха, уже насвистел кому-то про мельнички и турки! Надеюсь, ребята готовы!

Да, с Отто Шульцем завязалась нежная и нужная дружба. Анна с Вайсами после новогодья посетила (под видом юноши, к сожалению толстяка Отто) ресторацию в городе, где прошел процесс подписания договора и мастер-класс по готовке от «фрау Анны». Шеф Шульца был не очень рад учиться у какого-то пацана, но увидев результат, проникся и вошел во вкус. Анна все подробно объяснила, показала, прорекламировала мельничку, пообещала венчики и турки, махнула рукой и поделилась идеей вареников (обычных, с капустой, с ягодой и «ленивых»), за что была одарена небольшим (кило) мешком кофэ и бутылью оливкового масла, а потом и неизвестно как оказавшимся у повара рисом (этого было гораздо больше). Воронцова еле сдержалась, чтобы не заорать от радости (плов, божечки!).

— Не знаю, как его едят узкоглазые, я слышал, у них хлеб не в почете, но мне эта крупа не по нутру — брезгливо заявил повар Пауль Минц. — Герр Анн, если вам он нужен, забирайте даром! Признаю здесь свое невежество. Не хочу вас обидеть, не поймите неправильно! Я заплатил за него много, но вам отдаю так! Ваши блюда того стоят!

В городе сельчане посетили ратушу, где выправили Анне документы на имя Анны Николь Крахе, опекуном отметился генерал; лавку с тканями, швейными мелочами; кузню, в которой Воронцова заказала спицы и крючок (пригодиться), рынок (шерстяная пряжа довольно тонкой выделки отправилась в корзинку) и мастерскую местного стекольщика, где генерал долго торговался на предмет небольших бутылок для будущих наливок, а Анна интересовалась качеством листового стекла. Оказалось, листовое стекло здесь получали, разрезая выдуваемую мастером вытянутую сферу и разравнивая ее на металлической поверхности. Зеркала делались также (олово заливали внутрь сферы), поэтому они скорее походили на выставляемые в комнате смеха, чем на привычные. Воронцова решила подумать об этом позже, поскольку не могла поймать крутящуюся в голове мысль о прокате и литье.

Последним в программе посещения стала ювелирная мастерская — просто из любопытства. Анна Николаевна любила украшения, как почти любая женщина, но предпочитала крупные, даже грубоватые, браслеты, подвески, кольца из серебра, меди, бронзы. Чаще всего такие изделия она находила на ярмарках или выставках. Магазиновая штамповка была ей неинтересна. В местном царстве золота-серебра было скучно: круглые тусклые камни в неровной оправе, «дорохо-бохато», примитивно и однообразно. Хенрик заметил, что Анну ничего не впечатлило, и вывел попаданку на улицу.

— Тебе не понравилось?

Анна махнула рукой:

— Хенрик, я не сорока, во-первых, во-вторых, слишком это все вычурно, по мне. Да и зачем? Те серьги, которые ты подарил, меня устраивают, мои еще лежат... Не траться напрасно, пойдем лучше поедим чего-нибудь.

Генерал не удивился ответу иноземки, но про себя подумал об Осе Фридмане: что-то молчит жид пархатый! Надо съездить!

Ося Фридман в этот момент чихнул. «Вайс вспоминает, точно!».

Идея с перьями захватила ювелира, он даже сделал несколько образцов, но потом срочные заказы отвлекли от новинки, и Ося отложил ее до лучших времен. Прошло немало дней, прежде чем Фридману удалось вернуться к изделию. Все стало получаться, но кропотливость процесса и медлительность изготовления угнетала. У ювелира было чувство, что он что-то упускает. Десяток сделанных и опробованных металлических перьев, насаженных на деревянные ручки, нашли своих покупателей, но дороговизна отпугивала остальных: себестоимость превышала цену продажи. Ося злился, но изменить ничего не мог — делал перья только на заказ, превращая простой предмет для письма в произведение искусства. Заработать было можно, конечно, но не так много, как хотелось.

Неизвестно, сколько бы он промучился (про себя, ведь заказы все-таки были), если бы однажды к нему вновь не заехал Карл Вайс с сыном и подопечным. Женоподобный юноша был тих и скромн, но Осе показалось, что видит и понимает он больше, чем показывает.

— Герр Вайс, я так рад вас видеть! Простите, что пренебрегаю вашим терпением, но, увы, дела идут хуже, чем я надеялся! — жид подобострастно поклонился и начал заискивать. — Наша затея требует слишком много труда и времени. На сегодняшний день мне удалось изготовить и продать всего с десяток предметов, расчет в силе, и вашу долю я могу выплатить прямо сейчас.

Аня выразительно глянула на генерала, мол, в чем дело, мне вмешаться? Карл кивнул: Анна прекрасно выглядела в мужском костюме и берете, прикрывающем волосы; не зная о ее поле, было почти невозможно принять ее за женщину. В дороге до Вальдкрайбурга никто не проявил любопытства по отношению к ней, поэтому генерал решил дать ей шанс поговорить с ювелиром. Вряд ли жид, даже о чем-то догадавшийся, станет болтать.

Воронцова подошла к ювелиру и попросила:

— Уважаемый, могу я посмотреть, как вы делаете эти самые перья? Опекун о вас отзывался как о великом мастере! Я же всегда тяготел к искусству и хотел бы увидеть истинного мастера за работой! Вы позволите?

Мягкий тон юноши, его прекрасные глаза и смиренный поклон польстили старому жиду, и он не смог отказать подопечному гостю. Да и что тут такого?

— Конечно, конечно, проходите, прошу вас! Генерал, герр Хенрик, вы с нами или я велю подать угощение в доме? Моя жена будет польщена вашим визитом!

Вайсы решили не мешать разговору, чтобы не давить на ювелира — пока. Аня должна справиться, они уверены. Да и поесть было бы неплохо: готовила Сара Фридман действительно хорошо.

Святая святых Фридмана была небольшой комнаткой с несколькими столами, печью для разогрева металла, аккуратными ящиками с подручными инструментами, весами, тусклым освещением и двумя парнями, согнувшимися над работой.

— У вас непростой заработок, герр Фридман! — сказала Аня. — Света маловато, глаза устают, наверно? И спина тоже? Я вам так сочувствую! Так что там с перьями?

Ювелир не мог избавиться от неправильности в этом юноше, но провел посетителя к столу, где ранее занимался пером. Маленькая деталь была зажата в небольших тисках, и Ося

полировал ее, убирая шероховатости, вручную.

Аня сразу поняла, в чем проблема. Откуда к ней приходили такие озарения, она не понимала, но принимала. Каждое перо ювелир вырезал и доводил до ума по-одиночке. Тонкий лист то ли серебра, то ли стали лежал на столе вместе с ножницами по металлу (толще обычных), и на нем были видны очертания вырезанных ранее заготовок.

— Мастер Фридман, а вы не пытались штамповать заготовки? Ну, как печенья, например? Тесто раскатывают, потом кружкой выдавливают по всей поверхности кружочки, которые и будут будущими печеньками. Понимаете? Кружка— это штамп, у вас — выкройка пера. Их можно раскладывать по листу так, чтобы использовать всю поверхность, ну как бы так... — и Аня приложила к вырезанной пустоте выкройку пера, перевернув его для большего прилегания.

Ося почувствовал дрожь возбуждения. И почему ему не пришло в голову такое? Действительно, все гениальное — просто! А если сделать форму с углублением? Мысль побежала вперед...

— Юноша, вы подарили мне будущее! Спасибо, я обязательно так и сделаю! Это же отличная мысль! Как вам пришло на ум столь изящное решение?

— Да что вы, мастер, это мелочь! Бывает иногда. Надеюсь, ваш труд станет легче. Это лучшая благодарность для меня. А можно мне посмотреть ваши украшения?

Ося Фридман действительно был профи и с фантазией: его изделия Ане понравились, и она, переговорив с генералом, подкинула мастеру идею английского замка на серьгах и фероньерки. Ося тут же написал обязательства о патентовании и той же доле, как раньше, с Карлом Вайсом, выплатив и единовременное вознаграждение за идею, и сумму прибыли с уже проданного. Мимоходом Воронцова посетовала, что не видела ни одного граненого камня, хотя в своих путешествиях (туманно упомянув восток), встречала такииине красивые изделия!

— Граненые сапфиры просто сияют на солнце! Мастер Фридман, думаю, с вашим талантом вы первым найдете способ создавать такую же красоту! Слышал, что тамошние ювелиры используют алмазы для срезания лишнего камня — бросила она напоследок.

У Оси от перспектив кружилась голова: непрост юноша, но идеи!!! Ювелир интересовался восточными тайнами в своем деле, подобное ему не показалось сказкой, значит, надо заняться. Есть у него дальний родственник, нелюдим, но с мозгами... Если его направить и помочь... Генерал, я вас озолочу! После того, как сам разбогатею, разумеется.

Поездка к ювелиру как-то плавно перешла в визит к Шмидтам: Шульц бил копытом и требовал турки и мельнички. Его ресторан еще больше прославился после того, как Пауль освоил кофеварение и прочие рецепты. Посетители чуть ли не в очередь записывались, стало модным «испить кофэ у Шульца». Толстячок потирал руки и мечтал открыть филиал в Мюнхене. К нему уже обращались за рецептами, но пока Отто отказывал — сам не наелся!

Отсыпанное серебро Фридмана позволило оплатить сделанные несколько мельничек и турок, на которых стал специализироваться Андрис, выдать аванс на еще один самогонный аппарат и закуп меди на будущее. Ханс похвалился проданными соседям пилами и терками (немного, но спрос есть), экспериментами по отливке мясорубок и осваиваемой резьбой, а генерал — самогоном. Кузнец оценил.

— Ха, ваше благородие, недурственный напиток вы сделали! Получше пива, как по мне! И греет нутро, и веселит! Моя жена, фрау Анна, оценила вашу терку для капусты, говорит, быстро и просто, теперь по осени легче справится с урожаем! Она и хрен посадить решила, когда я рассказал про него! Вы ей только уж, пожалуйста, подскажите, как его готовить, чтоб как у вас вышел!

Андрис получил еще один поцелуй в щеку, когда показал Воронцовой турки. Парень «выпендрился» и нанес на них узор — сделал чеканку. Ханс ругался сначала, но похвала и поощрение от Анны заставило его посмотреть на сына другими глазами. Петер не отстал от брата: его венчик с площадкой для отделения желтков удостоился еще одного поцелуя гостыи, а прообраз валков для отжима белья — благодарности. Глядя на валки и представляя, как облегчится труд прачек, Воронцова вдруг вспомнила про стиральную доску, которую использовала бабушка, пока еще не купили стиральную машинку. Приспособление то еще, руки все равно страдали от потертостей, но скорость работы явно увеличивалась. Да и несложное, ей казалось, изготовление ребристой железки должно быть. После обеда, поданного женой Ханса, она отозвала в сторону Петера и объяснила тому «устройство» доски, указав на необходимость в нержавеющей металле. Петер идею подхватил и заявил, что понимает, как этого добиться. Ударили по рукам, и парень помчался к отцу и брату с новой задумкой.

Дом Шмидтов был уютным, чистым и светлым, а его хозяйка — добродушной толстушкой. Она приветливо принимала высоких гостей, вкусно накормила и приглашала остаться на ночь, но Вайсы предпочли остановиться в гостинице, чтобы не привлекать излишнего внимания и не стеснять хозяев. Договорились, что остальные изделия Шмидты привезут к Пасхе: весенние работы, планируемые Хенриком, вряд ли позволять господам отлучиться из замка. Получили помещики и пару лопат по эскизу попаданки, тяпки, пилу и обитый железом плуг, который везли, чертыхаясь и матерясь, на отдельно нанятой повозке.

Вся эта поездка состоялась в Масленицу, а Великий пост господа провели безвылазно дома. Эрих Вульф стал постоянным посетителем замка: они с Хенриком готовили проект «колхоз». Молодые люди рисовали план деревни и окрестностей, обсуждали места посадок различных растений, определяли порядок проведения посевной и учета трудодней, распределяли людей на участки работ в соответствии со способностями и прочее. Анна почти не встревала, только обратила внимание на необходимость выделения земли под

кормовые и пастбища, а также настояла на организации высадки фруктовых деревьев и кустарников.

— Да хоть дикий шиповник из леса принесите! Витамины! И попробуйте гречку где-нибудь посеять. Там почти пол-мешка осталось. И, Эрих, попросите сплести мне несколько корзин высоких, ладно?

В корзинах попаданка собиралась посадить картошку и разместить её на замковой стене. Аня вообще намеривалась превратить это место в «опытное поле»: картошка, помидоры, вроде бы перец (что привез из столицы Хенрик). Можно и кабачки так выращивать, она видела энтузиастов балконного огородничества, справиться не хуже. Остальное у Ванды уже распределено внизу, не стоит мешаться.

Пока рассада в битых глиняных плошках, кружках и прочей посуде прорастала в кухне, Мирко ревностно следил за ней, а Воронцова мыкалась с вязанием. Спасибо урокам труда в школе и бабушкиной настойчивости: набирать петли и вывязывать лицевую/изнаночную она умела. Тренировки, мат и упорство помогали, но все равно рукоделие давалось тяжело. Анна вздыхала, распускала и принималась заново. Генерал колдовал над брагой. Все были при деле.

Масленица в поездках «прошла мимо», только раз успели поесть русских блинов: кружевных, тонких, промазанных маслом. Воронцова, вообще-то, блины не любила и готовила редко, а тут прям извернулась и сама от этого была горда. На чугунной сковороде вышли они замечательными! Пекли с Вандой на пару, считать Аня бросила на четвертом десятке, но досталось угощение всем в замке. Экономка удивилась возможности есть блины с начинкой и взяла рецепт «на вооружение», решив освоить после поста. Аня ей сказала, что заводить тесто можно и на сыворотке, и на простокваше, которую упорно вводила в меню господ, поскольку заметила у Карла проблемы «со стулом»: генерал мучился порой с запорами, а кисломолочные продукты в этом случае — не последнее верное средство. С боем, но Вайсы пили «кислятину» на ночь, пока Карл не признал ее эффект. Поклонниками простокваши местные не стали, но «принимали на грудь» регулярно, тем более в пост. Надо сказать, что здесь 7недельное испытание Анной Николаевной было пройдено относительно легко: привычной православной строгостью местный Великий пост не отличался. Исключалось, по правилам, мясо, масло сливочное, яйца, выпечка, спиртное, а вот рыба допускалась, как и молочка. Так что соблюдали диету спокойно, делая упор на бобовые и каши с соленьями и грибами.

Получив презент в виде гречки, Анна Николаевна приложила немало усилий, чтобы превратить странное зерно в привычную крупу. Ей всегда нравилось слово «крупорушка», случайно попавшееся на глаза в какой-то статье про земледелие. Попаданка суть понимала, а вот как применить — не знала. Было что-то там про сито и тряску, но не точно. Пришлось доходить своим умишком. Для начала Аня промыла зерно, хотела сушить на сковороде, но уж больно мелкими и твердыми были крупинки. И Аню осенило: их надо размочить! Вернее — пропарить! Крутилась с этой пароваркой (кстати, идея!) несколько дней, пока Ванда не принесла ей старое кривое и порванное сито для муки, завалившееся в кладовой. Дело пошло! Пропаренная греча увеличилась в размере, от зернышек стала отслаиваться шелуха, а высушенная, потом слегка прокатанная скалкой и проветренная, греча стала походить на нужную Ане крупу.

Замковые следили за усилиями иноземки с сомнением, но коричневую странную кашу с

луком и грибами, а потом и просто с молоком вполне себе так поели!

Угостился новинкой и Эрих, и ему, в отличие от остальных, гречка понравилась. В планах «колхоза» он решил уделить внимание этому зерну, благо, как выяснил посланный к соседям «за добавкой» Хенрик, гречка неприхотлива в плане качества земли, растет близ водоемов и лесов, сеять ее лучше в конце мая, а удобрять — всем, что и другим полезно. Аня вспомнила, что гречишный мед — один из лучших, что подтолкнула Эриха к мысли о пасеке, коей в хозяйстве Вайсов не было. В ходе обсуждения, Хенрик заметил, что видел улья в деревнях в предгорьях Альпен, где его нашла Аня.

— Отец, а не махнуть ли мне туда? Куплю улья, может, и пасечника сманю, а? — загорелся идеей младший Вайс.

— Пчелы — это не только мед, это и воск для свечей, и прополис для здоровья, и опыление деревьев — влезла со своими «5-тью копейками» Воронцова.

Мужчины посмотрели на неё с уважением — дело девка говорит! Деньги от жида шевелились, почему бы и не рискнуть? Заодно животинку какую там прихватит, хватит сидеть в замке! Генерал одобрил, и оба молодых предпринимателя отправились на юг, обещав вернуться к посевной и запустить проект «колхоз». Графики работ, планы полей, бригады по интересам парни уже подготовили, с крестьянами Лесной провели разъяснительную работу, так что прокатиться и отвлечься было можно.

Весна в этом мире Ане досталась дружная: только вчера лежал снег, а сегодня грело яркое солнце, поля просыхали, деревья начали покрываться почкам и первой зеленью. Воздух наполнялся запахами, характерными для прекрасного времени года, в деревнях начали суетиться перед весенней страдой все заинтересованные лица.

Хенрик и Эрих вернулись аккурат к первым полевым работам с небольшим стадом овец, парой молочных коров приятного кофейного окраса и вдовым пасечником с пятью ульями и тремя детьми.

Лукас Хубер принял предложение Вайса без колебаний: после смерти жены ему было тяжело в родной деревне, да и конкурентов рядом предостаточно. Погрузив немудреный скарб и все ульи, посадив в повозку детей, мужчина, не прощаясь, покинул отчий дом и отправился на север за новым хозяином, благо тот помог откупиться от землевладельца и получить свободу передвижения.

Дом ему выделил Эрих в Лесной, хватало там брошенных построек, всем миром помогли устроиться, и Лукас, помолясь, занялся неизвестным в этой части Пруссии делом, клятвенно заверив хозяина, что долг свой отработает за пару лет: умел Хубер и мед гнать, и свечи делать, и про прополис знал, и про гречку, чем приятно поразил Хенрика. Дети его, не в пример местным, молчаливые и работающие, взялись за скотину, и пригнанное стадо осталось под их контролем как-то само по себе.

Затея с зайцами-кроликам нашла своих исполнителей: несколько мальчишек, главным среди которых стал внук ворчливого Иво Пихлера, наловили в лесу пару беременных зайчих и самцов, построили им загончик и принялись следить! Дочь Лукаса Хубера, Эльза, вклинилась в компанию, внесла лепту в уход, поскольку был такой промысел в горах, и ребята создали, как шутила Аня, кооператив «Косой заяц». Нянчились с мелкими пушистиком с удовольствием и ответственностью, что принесло плоды: к осени поголовье зайце-кролей увеличилось в три раза, несмотря на потери. По итогу было решено эксперимент продолжать, а еще найти и купить голландских кроликов для расширения стада. Ребята были довольны, Эрих горд, а Вайсы потирали руки: поперло!

Колхоз заработал: все поля и участки Эрих с Хенриком перемерили и перераспределили так, чтобы большая часть отошла под господский клин, деревенским компактно отвели наделы рядом с домами, предложив в этом году больше барщины, уменьшив оброк в половину. Крестьяне сначала горевали, а потом поутихли: оброк господу предложили на выбор, по умению каждого. Барщину же учитывали строго, крестьяне отмечались чуть ли не по часам, Эрих тщательно записывал каждый выход и объем выполненного урока, что постепенно примирило местных с новшествами. Выбор работ тоже учитывал индивидуальные способности сельчан, поэтому особых споров и обид не возникало. Внушало уважение и постоянное присутствие на всех участках работ молодого хозяина, сующего всюду свой нос, но при этом внимавшего учению крестьян. Занятые в непривычном ритме сельчане периодически делились впечатлениями о происходящем, и, в конце концов, пришли к единому мнению: чем бы вся эта колхозная затея ни кончилась, этот сезон они работают с интересом!

В замке у попаданки Воронцовой была своя собственная страда: Аня городила огород на крепостной стене! Еще зимой она решила занять всю площадь наверху посадками картошки и редкостей в корзинах, по типу балконных огородиков в интернете. Рассадку готовила в пост, картошку из семян тоже посадила, а вот растущую даже в кладовой готовила к высадке в грунт уже в корзины. Их ей наплел дед Волдо в течение поста. Корзины были ровные, высотой сантиметров 70 и диаметром до полуметра. В них внутрь она планировала положить дерюгу/мешковину, а потом насыпать землю. Еще Аня заказала местному умельцу навесы-рогоатины — укрывать той же рогожей посадки вместо парника.

Вайсы гостье не мешали, остальные тоже, но и те, и другие ждали результата. Ванда была «в команде» Анны, хотя и ее традиционный огород женщины обрабатывали. Были посажены хрен, горчица, кабачки, огурцы, овощи, много зелени. Аня поделилась знаниями (скудными, правда) о пользе полива растений куриным пометом (разведенным 1*10 и рядом, а не под корень!) и правилом удобрять навозом землю только после его перепревания.

Устройство огорода на стене Ане очень нравилось: ровненькие корзинки, навес. Туда же она поставила и скамью, на которой отдыхала пол ласковым солнцем. Несколько неглубоких горшков, непригодных для готовки, стали на стене сборщиками дождевой воды, а сделанная Шмидтами лейка помогала устраивать растениям душ в засуху. Навес, над сооружением которого посмеивались поначалу замковые, доказал свою пригодность в весенние кратковременные заморозки и летнюю жару, спасая нежные эксперименты от излишков природной активности.

«Да, не парник, но защита!» — хвалила себя Воронцова, наблюдая крепкие листочки тянущихся к свету саженцев картошки, помидор, перцев. Кабачки и тыквы она тоже расположила вдоль стен, а вот для огурцов пришлось заказать длинный ящик, хоть затащить его на стену было непросто. Аня проводила на стене все время, разговаривала с посадками, подставляла лицо солнечным лучам и мечтала о сарафане и кресле-качалке. Наверху было прекрасно! Заодно попаданка вела дневник наблюдений: отмечала направление ветра, примерную температуру по дням, чем веселила генерала.

— Зачем ты это затеяла, Аннет? — спросил ее Карл.

— Хочу определить целесообразность установки в замковых башнях ветряных мельниц — поделилась она задумкой. — Они ж пустые! Если вынести лопасти наружу, а сами жернова устроить внутри, почему бы нет? Крюгеру тогда не удастся их испортить, вы не думаете?

Генерал потер подбородок и присоединился к ее бдениям. Кстати, его очень интересовала картошка. Ане удалось посадить и мелкую целиком, и порезать с ростками покрупнее, даже из семян она ткнула пару проросших, и теперь записывала результаты их роста согласно пронумерованным корзинам. Вся крепостная стена была уставлена корзинками, горшками, ящиками и скамьями. Слуги периодически поднимали головы вверх, чтобы понаблюдать за фрау Анной, возившейся со своим необычным огородом и делали ставки — получится или нет у неё что-то путное. Еще народ удивлялся ее пристрастию к «солнечным ваннам», отчего лицо и прочие открытые части тела иноземки покрылись непривычным плебейским загаром, ничуть ее не расстраивающим.

Ванда пыталась отговорить Аню от столь смелого и неуместного времяпрепровождения, на что попаданка рассмеялась и сказала:

— Ванда, ну кто меня тут, кроме вас, видит? А я очень люблю солнце, я бы и искупаться

сходила на озеро! Прямо мечтаю окунуться и поплавать! Вы мне компанию не составите?

Экономка открыла рот, потрясла головой, махнула рукой, но пришлось идти — не отпускать же гостью одну? Так что женщины и примкнувшие к ним поварята Мирко и Ганс в самую жару мотались на озеро, где в тишине и под присмотром мальчишек, Аня в удовольствие плавала в небольшой заводи. Ванда не рисковала, но за компанию ножки мочила и наслаждалась отдыхом. Мальчишки, видя, как здорово рассекает воду фрау, решились и попросили научить их плавать. Аня не отказала, и к концу лета поварята хвастались, что могут держаться на воде как утки.

Благодаря немудрящим занятиям Аня поправилась, посвежела и начала радоваться этой жизни, перестав печалиться о прошлом. Изредка, правда, у неё возникало чувство нереальности и кратковременности пребывания в замке Вайсов, но женщина гнала от себя пессимистические мысли и продолжала наслаждаться иномирной пасторалью.

Колхоз работал: посевную провели дружно, далее следили за полями, занимались скотиной и огородами, на которых настоял Эрих. Когда лес разродился ягодой, Аня с детьми сельчан начала лесную охоту: земляника, черника собиралась и сушилась, немного сварили варенья (сахар был дороговат, но Карл купил в городе пару мешков), когда пошли колосовики (белые), грибы сушились и мариновались на каждый день.

Аня упростила старика Волдо сплести ей кресло-качалку, чем заняла деда и его товарищей на все лето. Мастер загорелся идеей, но возился долго, замучив и себя, и соседей. Зато получившийся продукт был одобрен всеми, и генерал заказал себе такой же, а за ним — Отто Шульц, приехавший с деньгами за проданные мельнички и процентом с продаж Аниных блюд. Ванда смилостивилась и угостила ресторатора котлетами и голубцами из молодой капусты. Шульц сразу вцепился в рецепты, и у генерала прибавилась статья дохода. Рис в голубцах и плов, приготовленный из курицы, тоже понравился толстяку, но решили, что редкая крупа дороговата для местных, поэтому пока повременим. Однако на заметку ресторатор рис взял и долго выговаривал своему шефу за недальновидность, вызвав у того досаду и раздражение, которое Ане пришлось подсластить земляничным вареньем.

Весна и начало лета ознаменовалось ремонтом замковой кухни: печник, дико извиняясь за задержку, переложил каминные в комнатах и кухне. Теперь в вотчине Ванды была нормальная, с точки зрения Ани, плита и — ура! — духовка: можно томить мясо, печь торты, меньше тратить топлива и жить в тепле в комнатах. Печник поделился с Воронцовой муками творчества и результатами труда: его бизнес приносил все больший доход, поскольку голландки оценили и его домашние и, редкие пока, заказчики.

— Вы знаете, фрау Анна, я ж такого никогда не делал. Несколько раз ломал у себя в мыльне, искал кирпич, обдумывал внутренности печи. Чтоб и тепло, и без дыма. Зато теперь я — мастер! Спасибо вам за идею! Про наш уговор я помню, не сомневайтесь! Летс поработаю и к осени привезу вашу долю. И про изразцы я думку имею, уже и с приятелем договорился, чтобы обливку рассчитал. Нет у нас таких талантов, увы! Вот и мыкаемся. Так мне хочется и это получить! И с вами я непременно поделюсь, как только добьюсь нужного результата! — мастер Кляйн похлопал себя по груди, глаза его горели азартом.

Прием работы собрал весь коллектив кухни у обновленной конструкции: заглядывали внутрь, двигали заслонки, гладили поверхность плиты, удивлялись простоте и эффективности работы. В кухне стало чище и светлее, поскольку и печь, и стены с потолками Ванда приказала побелить — по совету Ани. В большом помещении теперь было тепло и весело, а не мрачно от копоти и душно от горелого жира.

— Еще бы водопровод и канализацию провести, вообще жить можно, — бормотала Аня. Генерал прислушался и решил позже расспросить, что еще придумала гостья из другого

мира. Он тоже оценил «голландку в натуре» в своей спальне, и только привычка к камину в кабинете и зале оставила тот «в живых».

Карл Вайс смотрел на хмурую гостью и благодарил бога за неё: какой насыщенной и интересной стала его жизнь в этом году! Теперь он понимал предка короля и его самого, так страстно желавшего поймать попаданцев! «Беречь надо девочку, не ровен час, донесут о наших проектах в столицу» — подумал генерал и решил не отпускать Анну далеко без сопровождения. Впрочем, она и не стремилась, к счастью. Так что Карл Вайс надеялся, что ищайки, пусть и в отставке, до его земель не доберутся, и Анна будет в безопасности.

Воронцова про такое даже не думала, с нетерпением ждала созревания картошки и плодоносящих помидоров и перцев, чьи красно-желтые шары уже явственно демонстрировали миру свою красоту, пока первая пряталась в земле. Отцвели растения обильно, ничем не болели, только несколько кустиков перцев не смогли нормально взойти и были слабее остальных, но и они тянулись к солнцу, не сдавались, чем очень радовали иномирную огородницу. Тыквы и кабачки на крепостной стене выглядели как украшения, и первые оладьи уже побывали на столе господ. Ванда следила за огурцами, мечтая в этом году насолить по-больше, а редис ей теперь казался самым нужным овощем ранним летом. И она тоже ждала картошку!

Хозяева, сидящие среди зелени на крепостной стене, стали привычным объектом для замковых слуг. Анна и Карл проводили там почти все послеобеденные часы в разговорах, планах и просто в уютном молчании: генерал дремал, а Воронцова билась со спицами и крючком. «Терпение и труд — все перетрут!» — с этой мудростью Анна Николаевна была теперь абсолютно согласна. Она научилась-таки вязать носки, варежки и прочие простые для опытной мастерицы вещи! Первые «блины» были комом, но Аня проявила непривычное для себя упорство и к осени могла смело называть себя вязальщицей: шерстяные носки, высокие гольфы, шапки резинкой достались обоим Вайсам и Ванде как главным людям в этой жизни Анны.

На осеннюю ярмарку в Вальдкрайбурге у попаданки были большие надежды: закупить разной шерсти и других ниток для новых изделий, оцененных местными. Карл спал в шапке и перестал страдать от головных болей, а Ванда в носках ходила по каменным полам в своей комнате и отдыхала от деревянных сабо.

— Фрау Анна, надо бы научить деревенских вязать носки, — сказала она как-то Воронцовой. — У них в домах зимой стыло, детишки болеют, а в носках-то как хорошо! А потом, опять же, на продажу, и пусть так оброк платят! Такого у нас нет, а зимы длинные, руки свободные, вот только с пряжей как быть? — размышляла экономка.

Да, пока шерсть на пряжу придется покупать: свое стадо, хоть и росло, но до промышленных масштабов было далеко. Кооператив «Косой заяц» выявил кролиководов, остальные под предводительством Эльзы занимались козами и овцами. Приезжая девочка, несмотря на молодость — 15 годков — была чрезвычайно ответственной и внимательной работницей. Ребята тянулись за ней, и животина в их руках прибавляла в весе и численности. Козье молоко раздавалось детям в Лесной, что подкупало сельчан и сподвигало на трудовые подвиги. Были исключения, не без этого, но Эрих с Хенриком решали такие вопросы быстро и бескомпромисно: либо штрафовали, срезая трудодни, либо предлагали покинуть деревню. Так в дальний хутор отселили пьяницу Якоба Вирта с братом, наказав следить за озером и ловить летом рыбу, раз руки у них растут из... Мужики под давлением «общества» отправились в избушку на озере и постепенно избавлялись от пагубного пристрастия к пиву. А то, жрать-то привозили исключительно в обмен на улов!

Соль была дорогая, но Хенрику несказанно повезло в одну из поездок «по городам и весям», к которым он пристрастился, пока остальные занимались сельскими работами. Карл отправлял сына посмотреть ведение дел в других хозяйствах, сравнить цены в сезон, узнать новости и прочее. Молодой Вайс с энтузиазмом колесил по окрестностям, набираясь впечатлений и опыта. В одной из поездок он пересекся с купцами из Московии, чудом забредшим в соседнюю Острию, куда они привезли соль. Однако местным каменная, грязноватого цвета и странного вида, приправа не понравилась, москвиты расстроились, и тут-то Вайс помог им избавиться от груза и порассказал про местное житие и обычаи, чтобы в следующий раз иностранцы были более внимательны и подготовлены. Благодарные за науку купцы от щедрот своих отдали Вайсу несколько мешков соли, обещали заехать в замок при случае, и Хенрик приволок в поместье редкую приправу почти даром. Сомнений в том, что Анна придумает, как исправить недостаток продукта, у младшего господина не было

сомнений.

Воронцова просто онемела, когда счастливый и уставший путешественник обрадовал ее новостью.

— Хенрик, я, конечно, ценю твою во мне уверенность, но... — Аня растерянно смотрела на мешки крупнозернистой сероватой соли и мучительно соображала, что сказать светящемуся от гордости Хенрику.

Генерал покачал головой и спросил у сына:

— А у самих москвитов ты не поинтересовался, что с ней можно сделать?

Хенрик пожал плечами и ответил:

— Нет. Да и когда? Они торопились уехать, неловко было ...И так отдали задаром, еще и вопросы задавать.

Генерал и Анна переглянулись — что возьмешь с ребенка? 25-летний Хенрик для 50-летнего Карла и 62-летней Воронцовой был, конечно, ребенком.

— Знаю одно, — сказала Аня, — соль выпаривают на солнце или огне из раствора. Пока стоит жара, давайте попробуем сделать крепкий раствор, процедим грязь, и пусть на крыше в широких тарелках стоит. Должно получиться.

В итоге со всего замка были собраны глубокие тарелки, плоски, корыта, в которые заливали процеженную соленую воду и выставляли на крепостной стене выпариваться. Следить за посудой назначили скотника Курта, ну и Анну с генералом по очереди. Хенрик расстроился, но особо ругать его не стали, а слуги приобрели новый ценный опыт. Соль все-таки получилась, хотя набегались с ней все. Зато хutorяне «осчастливились» дополнительным заданием — солить и вялить мелкую рыбешку, а Шмидты — заказом на переносную коптильню в Лесной. Эрих наладил копчение рыбы типа судака, водившуюся в озере. Аня жалела, что не растет тут ольха, но ошиблась: в одном из походов за грибами нашлась нужная древесина! Молодые деревца выкопали и посадили на краю леса — на будущее. Пусть пока получалось немного рыбки, но это ж только начало! Особый ольховый запах можно заменить добавками трав, нужно поискать варианты, решили компаньоны— Вайсы, Эрих и Анна. Главное, есть достаточно соли, желание, место и топливо (лес, принадлежащий господам).

Годовщина спасения Хенрика и появлением Воронцовой в этой реальности была отмечена обитателями замка с размахом: были приглашены Отто Шульц, Шмидты и даже Ося Фридман. Последний летел в замок на крыльях успеха и славы: ювелир жаждал похвастаться перед генералом прибылью от перьев, доходом от серег и показать первые ограненные камни.

Ося переживал небывалый душевный подъем: его дело стало приносить приличные деньги, а главное — его имя в узких ювелирных кругах приобрело статус! Приложив ум и старание, жид с работниками наладили производство стальных приспособлений для письма в достаточном (пока) количестве, замочки на серьгах получили «одобрям-с» у дам, фероньерки пользовались спросом, а простая (пока опять же) огранка камней расширила возможности в изготовлении украшений. Ося был счастлив! В подарок благодетелю, коим он считал генерала, он вез несколько перьевых ручек, пару золотых перстней с ограненными топазами и набор серебряных столовых приборов на шесть персон. Это помимо доли и надежды на новые тайны!

Шмидты везли мясорубку, кофейные наборы (мельнички и турки), венчики, терки, стиральную доску, валики для отжима, проволоку для скрепок (сами не смогли изогнуть как надо) и рукомошник! А еще несколько комплектов спиц и крючков разной толщины и мешок пряжи, купленный у проезжих купцов — в подарок от жены Ханса за рецепты и идею пододеяльника мешком, о котором Аня упомянула при визите в дом кузнеца, когда хозяйка посетовала на быстро грязнящиеся одеяла и наволочки. Аня тогда еще подумала, что глупость сказала, извинялась. Оказалось, действительно, постель накрывали полотном и простынями, но до комплектов не дошли.

Отто Шульц прибыл с племянником и деньгами, кофэ и рисом, виски и дорогущим шоколадом.

Столь разношерстная компания, однако, сошлась быстро и спокойно. Было ли это благодаря дипломатии генерала, демократичности Хенрика и Анны, общему настроению «ожидания чудес», богатому столу и дегустации шнапса (Аня предложила генералу так назвать самогон), но время визита для всех пролетело незаметно и приятно.

Ося был удивлен, когда Анна в новом легком платье вышла к столу. Ювелир замер на мгновенье, а потом, как и Отто в свое время, расцеловал женщине руки и излился в комплиментах, вычурных, но искренних. Присутствие представителя гонимого (и здесь богоизбранные страдали от ревнителев истинной веры) народа остальными было принято спокойно, и Фридман немного расслабился, мечтая поскорее поговорить с красивой и умной (а как иначе?) женщиной о своем, ювелирном и национальном, поскольку увидел в ней то, что всегда приводило к Воронцовой его соплеменников — мнимое родство.

За столом вымывшиеся и отдохнувшие гости много ели, пили, говорили, делились новостями и своими успехами. Ювелир поражался простоте общения и разносторонности тем, хвалил себя за предусмотрительность в плане молчания об источниках идей и надеялся на продолжение выгодного знакомства со всеми присутствующими: где бы еще он сидел за одним столом с аристократами, ресторатором и толковыми кузнецами! Жидов особо не приветствовали в богатых домах, если только как слуг. А уж знакомство водить с

иноверцами вообще мало кто из местных стремился. Так что Ося был горд и счастлив.

Примерно также чувствовал себя и Эрих Вульф, за которым Хенрик специально послал в деревню, когда остальные гости мылись с дороги. «Председатель колхоза», хоть и стал близок с хозяевами замка, все же рамки не переступал и панибратствовать не смел. Теперь же мужчина сидел наравне с остальными, за ним ухаживали, его мнения спрашивали публично. Это льстило и было приятно. Эрих очень хотел порадовать господ хорошим урожаем, чтобы и следующий год односельчане жили по новым правилам. Сам Эрих видел в проекте будущее деревни, впервые за многие годы сплоченную и работающую не из-под палки.

Ванда подала гостям борщ с листьями свеклы и пампушками с чесноком, копченую рыбу, малосольные огурчики и остатки гречки с грибами. Салат из зелени с редисом, блины со сметаной шли в дополнение, как и голубцы — их, кроме Отто, никто не пробовал. На десерт женщины испекли большой песочный пирог с ягодами и творогом.

По совету Анны, генерал наливал шнапс в маленькие рюмочки, повышая градус и давая гостям оценить его по-нарастающей. С непривычки мужчины за столом быстро опьянели, и приходилось напоминать о необходимости закусывать, что, впрочем, исполнялось с удовольствием. Застолье традиционно закончилось просьбой генерала спеть, и Аня, наплевав на приличия, пустилась в пляс под «Хава Нагилу», доведя тем Осю Фридмана до слез.

— Фрау Анна, откуда вы знаете песню моей матери? Она — мое детство! У меня в семье, кроме матери, никто ее не поет. Вообще ее никто давно не поет... — Ося всхлипнул. — Простите, господа. Я родился в Пруссии, но все равно чужой. А песня — родная... Спасибо, фрау, никогда бы не подумал, что кто-то еще может знать песни моего народа...

Анна Николаевна тоже расчувствовалась и затянула «Издавна долго течет река Волга..». Потом был «Мороз, мороз», «Отговорила роща золотая..» и другие, пока не устала. Мужчины сидели и благоговейно молчали, потом встали и выпили за ее здоровье, после чего медленно разошлись по комнатам, а Аня пошла на стену и долго плакала, вспоминая прошлую жизнь, детей, дом, подругу. Ее никто не трогал. И выплавав тоску и хмель, попаданка тоже ушла спать.

Вайсы видели грустную Аню, но что тут можно было поделать? Они стали почти семьей, но время для полного единения еще не наступило. И наступит ли? Мужчины обозначили попаданку как часть семьи, воспринимая один — как дочь или племянницу, а второй — скорее как старшую сестру, хотя поначалу у Хенрика были иные мысли. Но характер и манеры иномирянки сводили на нет все матримональные чувства молодого человека, при чем, происходило это так естественно, что и обижаться не получалось. Анна просто стала им родной и близкой, но не женщиной в физиологическом контексте. Несмотря на прежнее место службы и некоторые особые знания, младший Вайс, а с ним и его отец где-то глубоко в душе не были уверены, что однажды Анна не исчезнет также таинственно, как и появилась. Наверно, именно это опасение и удерживало мужчин от окончательного принятия Воронцовой в своей жизни. Они ею пользовались, в этом у обоих не было сомнений, пусть даже и отдавая в этом себе отчет. Собственный цинизм коробил, но реальность и поведение гостьи из будущего, ничего не требующей и щедрой, снижало градус напряжения в этом вопросе. У них, по сути, было взаимовыгодное сотрудничество.

Надолго или нет, можно было только догадываться, дара предвидения у Вайсов не имелось.

Анна Николаевна рассуждала примерно также. Прошедший год она провела, сумев убедить себя в том, что пребывает в длительном отпуске, пробует новые или забытые занятия, отдыхает от бесконечной работы и всего, что составляло ее будни в привычном мире. Про детей она почти сразу запретила себе думать и переживать, и довольно успешно держалась до сегодняшнего дня. Впрочем, тихая истерика помогла: со слезами пришло успокоение, и утром следующего дня Аня опять была собой — уравновешенной, дружелюбной и сдержанной гостьей замка Вайс в псевдо-Пруссии.

Ося Фридман с трудом дождался утра. Когда в замке стали усиливаться звуки наступающего дня — кудахтанье кур, возня слуг во дворе и коридорах, распространяющиеся запахи еды из кухни — ювелир поднялся с постели, привел себя в порядок и отправился на поиски хозяев с целью поговорить о делах. Жид стремился успеть раньше других получить аудиенцию, потому как задерживаться он не хотел не только по причине своей занятости, но и потому, что все-таки чувствовал себя не совсем комфортно в обществе гостей генерала, несмотря на оказанное внимание к своей особе.

Предприимчивому ювелиру повезло: почти сразу он наткнулся на вышедшую из комнаты фрау Анну, уверенно идущую вниз в сторону кухни. Ося догнал интересующую его женщину, поприветствовал, поблагодарил за вчерашнее пение и напросился на разговор.

— Уважаемый господин Фридман, вы шо, таки и не позавтракаете? — спародировала одесситов Аня. — А вот мне как раз-таки надо хоть кофейку глотнуть, уж прошу пардону!

Ося так смутился, что покраснел, чего с ним не бывало много лет. Воронцова пожалела мужчинку, легко рассмеялась, взяла мужчину под руку и предложила:

— Давайте все же поедим немного, а потом поговорим? Гости уже внизу, смотрите, Ванда стол накрывает. На голодный желудок обсуждать дела не стоит. Пойдемте.

Ювелир подчинился, и пара присоединилась к собравшимся за столом гостям. Гость с досадой констатировал, что был не первым в подъеме. Завтракали быстро, но с удовольствием: омлет, оладьи с ягодами и творогом, овсянка на любителя и кофе. Генерал заметил нетерпение ювелира и кивнул Анне, что, мол, дуй в кабинет, не отстанет. Хенрик по предложению Отто Шульца взялся показать гостям новые печи, потом-колхоз и коптильню, а Ося скоренько поднялся за Вайсом-старшим, отговорившись от экскурсии срочным отъездом и необходимостью разговора с генералом. Все остальные прониклись, тепло распрощались с ювелиром и отправились обозревать новинки.

Генерал, посмеиваясь про себя, уселся в кресло, а Ося и Аня расположились по краям стола на стульях. Вчерашние подарки были аккуратно сложены на скамье около окна-вечером их не рассматривали. Ювелир выбрал свои подношения и развернул на столе перед хозяевами.

— Гер генерал, фрау Анна, примите мои скромные дары. Если бы я знал, что ваш подопечный — дама, столь прекрасная, я бы приготовил более изящное кольцо — ввернул даритель.

— Да ладно тебе, Ося, не скромничай! А за маскарад прости, так было нужно. За подарок спасибо, редкой красоты вещица.

По правде сказать, Ання Николаевна так не считала, но у неё был иной взгляд на ювелирку этого времени, поэтому она просто улыбнулась и взяла в руки тяжеловатый, но довольно аккуратно исполненный золотой перстень с топазом, ограненным в виде прямоугольника: ровная поверхность и четыре боковых грани. Камень не пропускал свет, потому что изнутри лежал на металле.

Фридман жадно вглядывался в лицо женщины, ожидая ее вердикта. И она его вынесла, вместе с мозгами ювелира.

— Замечательная работа, мастер! Вы смогли огранить камень, поздравляю! Топаз прекрасен, но — Аня сделала паузу и виновато глянула на жида. — Могу я сказать? Он не играет! То есть, он не пропускает через себя свет, потому что лежит на золоте. Если ограненный камень вставить в оправу так, чтобы и изнутри он просматривался, и огранить его снизу конусом, он будет еще краше! Примерно вот так!

Воронцова взяла перо и бумагу и нарисовала проекцию граней наподобие четырехскатной крыши. Ювелир затаил дыхание, а потом резко вскинул на неё взгляд, в котором горел фанатичный огонь первооткрывателя. Схватив рисунок, Ося задрожал:

— Я понял! Я понял, что вы имеете в виду, фрау Анна! Это гениально! Я сразу попробую сделать это! Спасибо! Вы мой добрый ангел!

Фридман принялся целовать руки Воронцовой, смутив ее до крайности. Потом снова взялся за листок, забегал по кабинету, что-то бормоча себе под нос и совершенно выпав из собрания. Карл Вайс остановил ювелира.

— Ося, прекрати мельтешить! Сядь, у нас ведь есть еще тема, так ведь?

Фридман очнулся, сел, бережно сложив листок, выдохнул и достал еще одну коробочку. Там были перья, вставленные в деревянные ручки — как и объясняла когда-то попаданка. Хозяева взяли по одной, повертели, генерал обмакнул новинку в чернила, опробовал на бумаге и на долю возбужденного автора досталась искренняя похвала и восхищение. Ося выдохнул еще раз.

— Вижу, вам понравилось мое изделие. Ох, простите, наше! Докладываю: в моей мастерской на данный момент изготавливается до трех десятков перьев в день, заключен договор с магазином в городе, где начали продавать перья. Спрос хороший. Ваша доля — Ося достал мешочек и положил перед генералом. — Огранкой мы тоже займемся, спасибо фрау Анне за идею и помощь.

— Три десятка? Простите, мастер. Не могу судить — много это или мало. Расскажите подробнее, — попросила Воронцова, и Ося начал рассказ о процессе производства перьев.

Выслушав вдохновенное повествование мастера, Аня не сдержалась и ляпнула:

— А почему вы не разделите процесс на составляющие? Ну, то есть, один штампует заготовки, другой выгибает их, 3-й полирует, 4й- вставляет в паз ручки и так далее. И еще — почему полируете руками? А круга типа гончарного, на который устанавливается полирующая часть? Что там у вас, кожа или..

Аня не договорила, а Ося опять забегал по кабинету, тряся руками и вскрикивая: «Да, да, как же я сам не догадался! Это же быстрее! И навык образуется у мальчишек!» Хозяева понимающе переглянулись и дождались, когда гость сам остановиться и попросит воды. Аня пошла на кухню за требуемым, а Ося поклонился генералу.

— Герр Вайс, вы вошли в мой дом в добрый час! Я не вашей веры. Но моим богам я буду молиться за вас и фрау Анну всю жизнь! Клятва — всего лишь слова, но — Ося торжественно поднял вверх ладонь, — я обещаю молчать обо всем, что узнал и от кого.

Генерал серьезно посмотрел в глаза хитрого жида, но не увидел там лишнего.

— Хорошо, Ося, что ты все правильно понял. Я тебе поверю! Нам лучше дружить, правда? Еще раз скажу: тебе — слава и деньги, мне — просто деньги. Договорились! Смотрю, ты в нетерпении? Езжай! Мы собираемся на ярмарку осенью, зайдем к тебе тогда, похвалишься. Если нужна моя протекция, говори, сделаю что смогу.

Когда Аня вернулась с чаем и пирогами, мужчины обсуждали перспективы совместного предприятия. Генерал обещал распространить перья среди местных и найти оптовых

заказчиков, а Ося планировал расширить мастерскую на основе совета Анны. Переговоры завершились, и хозяева проводили ювелира в дорогу. Он был так озадачен, что даже на новую печь глянул мельком и умчался претворять идеи в жизнь.

Кстати, генералу даже коммивояжировать не пришлось: Отто Шульц схватил перья в загребущие ручонки и заверил, что обеспечит продажу в городе среди постоянных клиентов ресторана по «спец-цене». Все понимающе переглянулись, но молча. Главное — получить заказ, а там все равно, кто будет представителем. Не самому же генералу этим заниматься. Пусть Отто и Ося меж собой толкуют об объемах и цене.

К слову, перья действительно получились хорошими и удобными, почти вечными, под этим именем они и продавались. Ося уже к зиме взял несколько учеников, смастерил с племянником круг для полировки, а потом и огранки, и наладил выпуск писчих перьев почти в промышленных масштабах. Не сразу, конечно. Но спрос увеличивался, и постепенно гусиные перья остались в прошлом, а ювелирный дом «Фридман и сын» (Анино влияние) вошел в 10-ку лучших в Пруссии. Сотрудничество Шульца и Фридмана получило развитие не только в ювелирке, но и в ресторанном деле: стихийные партнеры вкладывались друг в друга, обязательно выделяя процент семье Вайс, своим негласным благодетелям. Так, по копеечке, но росло благосостояние генерала, отражающееся в ремонте и реконструкции замка, покупке скота, развитии хозяйства и освоении новых сфер аграрного и не только сектора. Но это в будущем, пока ювелир мчался домой, оставшиеся гости осматривали хозяйство Вайсов, удивляясь и беря кое-что на заметку.

Экскурсия по замку произвела на гостей впечатление, ресторатор так и вовсе разве что не подпрыгивал, глядя на плиту и печь, а Шмидты с уважением огладили голландку и сразу запросили контакты печника, сложившего такое нужное оборудование. Хенрик обещал направить заказ мастеру, и гости отправились в Лесную, где опять же Отто заинтересовался коптильней. Шмидты приняли от него заказ, а Эрих объяснил, что и как с ней делать. Ресторатор сначала загорелся идеей коптить мясо, но, выслушав председателя, предложил заключить договор на поставки рыбы и в будущем — мяса в его ресторан, решив, что самостоятельно такой работой заниматься не станет: не то город место для такого производства. Очень ему понравилась вобла с пивом, и он сразу оплатил Хенрику готовую партию мелкой рыбешки, все лето ловимую наказанными братьями Вирт на озере.

Пасечник Лукас угостил приехавших свежим медом — необычным для этих мест, гречишным. Терпкий, сладкий и густой, продукт пчеловодства также нашел понимание у ресторатора, и аванс на пару бочонков был внесен в кассу колхоза. Про воск решили шустрому Шульцу не говорить.

К ужину мужская компания приволоклась: ходили пешком, вот и устали. Довольные гости посетили усовершенствованную баньку, где Хенрик, как заправский банщик, отхлестал гостей березовыми вениками. Эту «забаву» однажды показала ему Аня после того, как мастер Кляйн сложил в мыльне каменку в специально пристроенной парной. Получилось как-бы два отделения: прежняя мыльня с печью для подогрева воды и площадкой для мытья, и второе-собственно парилка, где в углу из булыжников горкой соорудили нагревательный элемент, соединив его с печью в первой комнате. Идею Аня высказала еще первый приезд печника, но только этим летом он сумел сделать как надо. Полок был один, но непривычные пруссаки много и не выдерживали. Топилась банька почти ежедневно, парились и мылись в ней все замковые. Вот Аня и показала однажды Вайсам мастер-класс! Мужики сначала сильно смущались присутствия женщины рядом с полуголыми ими, но против спокойной и уверенной Воронцовой устоять не смогли.

— Мальчики — безэмоционально сказала попаданка, — прекратите! Я давно не девочка, воспитана в других условиях и правилах, на ваши тушки покушаться не собираюсь, поверьте. Вы, главное, расслабьтесь, отключите мозги и получите удовольствие.

Вайсы с трудом вытерпели экзекуцию, но в какой-то момент вдруг осознали, что в таком способе мытья есть своя прелесть, особенно, когда действительно прекращаешь думать, расслабляешься в жаркой атмосфере, потеешь и нюхаешь травяной аромат дубовых и березовых листьев и хвои, а потом разгоряченное и распаренное тело охаживают мокрым веником. Мышцы просто в желе превращаются, голова светлеет, в теле легкость появляется, кожа, облитая холодной водой, становится упругой и скрипящей от чистоты, а на душе наступает благодать. Спится после бани замечательно, кости не болят, настроение хорошее. Холодное пиво с воблой вообще примиряет со всем! Завсегдатаями бани Вайсы не стали, понятное дело, но раз-два в месяц парились, теперь без Ани. Она предавалась варварскому отдыху в одиночестве — Ванда не «шмоглааа», хотя более горячую мыльню зауважала.

Отто Шульц, поддавшись на провокацию генерала, вылетел из бани в чем мать родила уже после пяти минут пребывания под громкий хохот Шмидтов, оказавшихся более

крепкими ребятами. Им баня пришлась по душе, как и Эриху. Работяги, поняв принцип и последовательность действий, засели в бане до ночи, даже ужинать отказались, залившись пивом, рыбкой и пирогами. Аня, наблюдавшая за этой компанией со стены вместе с Карлом, все ждала, когда петь начнут, но, увы, до такого гости не дошли.

— Укатали Сивку крутые горки — заметила она, когда разморенные и чуть пьяные гости выползли из бани и побрели в замок. — Слаб нынче мужик прусский! Отто вообще — лох чилийский! Генерал, а не хлопнуть ли нам по рюмашке?

Вайс-старший уже слышал от женщины эту странную фразу, поэтому в тон ей ответил:

— Заметьте, фрау, не я это предложил! — и, взяв Анну под локоток, со смехом двинулся в кабинет.

Шульц не обиделся на хозяев, ему все равно понравилось в замке. Наевшись и напившись, он заручился согласием хозяина на поставку воблы, копченой рыбы, будущего шнапса (эксклюзивно!), грибов, капусты и прочих лакомств, внедренных Воронцовой. Ресторатор захотел печь и прочие приспособления, так что сотрудничество продолжилось к взаимной выгоде. Шульц вообще решил закупаться овощами у Вайсов в основном. Племянника он решил перебросить на канцелярку и что там еще кузнецы предложат, в этом он не сомневался. Но труба (ресторан, то есть), звала, и толстяк, забрав кофейные наборы, отбыл к вечеру.

В замке остались Щмидты и хозяйева. Их разговор состоялся следующим утром.

К семье кузнецов Воронцова испытала симпатию и не стеснялась ее выказывать, чем очень им льстила. Андрис вообще смотрел на попаданку влюбленными глазами, но Анна воспринимала это спокойно: ребенок, чего там? Да и влюбленность эта была больше восхищением и уважением, чем тем самым чувством. Так что общение оставшихся в замке было свободным и деловым одновременно.

Ханс, выспавшийся после прогулки и бани, перестал сдерживаться и вел себя раскованно, не переходя нормальных для любой компании границ. Он был, по мнению Ани, абсолютно настоящим мужиком, вот просто таким, каким и должен быть: крепким, немногословным, работающим, честным. Правильным, короче. Сыновья были его меньшей копией. Так что разговор велся без лишней вежливости, мужской такой, и Анна Николаевна чувствовала себя среди мужчин комфортно.

Из привезенной проволоки она согнула скрепку, ее тут же испробовали и сошлись на возможности делать и продавать. Стиральные доски прошли в замке полевые испытания, Ванда одобрила, как и валки для отжима, поэтому в планах появился еще один пункт для расширения производства. Петер похвалился, что нашел состав лака для дешевой проволоки и может приступать к кручению пружин для блокнотов. Значит, в будущем у канцтоваров будет новинка. Относительно дырокола пока нет подвижек.

Новый самогонный аппарат литров на 20 решили освоить по осени, когда пройдет сбор яблок и прочих фруктов, что сумеют закупить у себя и в окрестностях. Шмидты, кстати, обещали привезти саженцы плодовых из своей местности, присмотрели у кого-то. Мясорубка всех поразила: тяжеленная, но работающая! Для нее в кухне Ванда выделила особое место и назначила Ганса «главным по тарелочкам», чем подняла мальчика в глазах кухонной братии. Опробовали мясорубку сразу, и результат-мягкий фарш- был превращен в котлеты, поданные с салатом из огурцов и зеленого лука под остатки шнапса. Ванда была довольна как слон и в мыслях уже лепила пельмени, голубцы, колбаски. Да, отныне кишки решили не выбрасывать совсем.

К слову о кишках и прочих потрохах. Рыболовы-изгнанники собирали внутренности рыбок и передавали их в деревню, где предприимчивый Эрих отправлял рыбные останки на корм курам. Братья Вирт за лето посвежели, к пиву не тянулись, за вялением следили зорко, даже шалаш для этого соорудили. Эрих смеялся, что у них вроде соревнования с «наземными»-кто больше получит. Пока счет равный. Деревенские этим летом показали себя довольно хорошо: отлынивающих не было, слушались главу, ребятня тянулась за старшими, посева вроде неплохо поднялись. И побочный промысел тоже старики развивали: кресла-качалки в количестве трех штук нашли пристанище в комнатах Анны, генерала и Ванды. Заготовку ивы сельчане вели непрерывно, так что зимой будет, из чего мастерить. За дарами леса бригада грибников под руководством то Анны, то Мирко ходила регулярно. И стадо как-то тяжелело: набирали вес козочки, овцы, пригнанные Хенриком, внезапно окотились, и теперь в деревне овец стало больше десятка. Эрих узнал и собирается нескольких остричь в конце лета. Телочки округлились и готовы спариться, а мясные поросята стали так и вовсе большими, тоже размножаться вполне способны.

Эти новости приятно ложились на уши хозяев замка и гостей, считавших себя не

чужими. Так что под котлеты и шнапс артель «Металлург» взяла обязательство отлить еще две-три мясорубки и «толкнуть» через Шульца заинтересованным лицам.

— Ханс, зарегистрируй изобретение! И ставь клеймо на готовые изделия, и Андрис с Петером пусть тоже так делает. Имя прославляйте и тогда цену смело можно ставить любую, — напомнил генерал кузнецу.

— Есть, мой генерал! — гаркнул Шмидт под хохот собравшихся.

Анна Николаевна сидела, слушала мужской смех, разговор, выпивала откуда-то появившийся виски и вдруг вспомнила похожие посиделки на таможенном посту, где работала в постперестроечные годы. Это время, тяжелое и суматошное, она всегда считала лучшим периодом своей жизни. Работа была адова, но коллектив хороший. Таможенники-мужики грубые, матерились только так, пили ведрами, но выполняли авральную работу четко, к ней относились как к королеве, и Анна считала их своими в доску, а они ее — своей. Тогда она слушала анекдоты «с перчинкой», даже запоминала некоторые, пела и пила с брокерами и декларантами, и была счастлива от простоты и легкости общения с ними. И вот сейчас, в этом холодном замке в не пойми какой реальности она почувствовала себя также! Попаданка глубоко вздохнула, расправила плечи и неожиданно для себя сказала:

— Еще миксер бы надо, и насос для воды. И мангал для шашлыка! Да и стиралку было бы неплохо сообразить. И туалет нормальный! А не это недоразумение уличное, жопа мерзнет. Эх, мужики, и ничего-то вы без баб не можете! Дикий народ!

Мужики возрились на единственную даму круглыми глазами, а Аня продолжила, хихикая:

— Щас спою!

На краю ее опьяненного сознания мелькнула мысль «Когда это я набраться успела?» Мелькнула и пропала, как метеор в ночном небе, а вот желание похулиганить, наоборот, в нарастающем кураже наполнило тело небывалой силой, и фрау Анна запела нечто невообразимое даже для себя.

По рюмочке, по маленькой налей, налей, налей, По рюмочке, по маленькой, чем поят лошадей! — А я не пью! — Врешь — пьешь! — Ей-богу, нет! — А бога нет! Так наливай студент студентке! Непьющие студентки редки — Они все вымерли давно. Вино, вино, вино, вино-

Оно для счастья нам дано

Коперник целый век трудился, Чтоб доказать Земли вращенье. Дурак, он лучше бы напился, Тогда бы не было сомненья!

Аня пела, стучала ладонями по столу в такт песне, притоптывала ногами, улыбалась, махала руками и гладила мужиков по очереди по головам и плечам, и ей было хорошо! В памяти всплывали строки давно забытой студенческой песни сами по себе, и женщина допела все куплеты до конца. Потом как-то сникла, села на стул, зевнула и, прежде чем упасть головой на руки, прошептала:

— Все, Мурзику больше не наливать! — после чего закрыла глаза и засопела.

Аня спала, а собравшиеся в кабинете мужчины некоторое время сидели молча, приходя в себя от столь неожиданного, эмоционального и непонятного выступления уважаемой фрау Анны. Хенрик понял многое из текста песни, но как такое перевести? Он обвел взглядом компанию и решил:

— Это песенка из ее детства. Почти. Про выпивку и ее влияние на организм... Думаю.

она немного перебрала, поэтому... Будет переживать завтра..

Генерал не выдержал первым: зажав рот, он встал из-за стола и быстро-быстро перебирая ногами направился прочь из кабинета. Вскоре из коридора раздался его залиvistый смех. За ним поспешил Ханс, мальчишки Шмидт и Хенрик, прикрывший плотно дверь. И снова стены замка огласил мужской дружный хохот. А Воронцова сладко спала, и ей снилась комнатка в таможне, мужской смех, бутылки на столе поверх бумаг, коробка с пиццей и ласковый голос начальника Сергея Давидовича, желающего ей счастливого нового года...

Мужчины вышли на крепостную стену, уселись на скамье рядом с огородом и потихоньку хихикая, наслаждались ночным небом и звездами. Хенрик порывался что-то объяснить, но его остановил отец.

— Не говори ничего, сын, все нормально. Ну, напилась девочка, ну что тут такого. С кем не бывает!

Карл посмотрел на ефрейтора и снова широко улыбнулся. Кузнец понимающе кивнул, а мальчишки прыснули в кулаки — ну ведь здорово получилось! Такого они не ожидали увидеть, но почему-то выступление пьяной женщины всем показалось необыкновенно милым и забавным! Вроде и ночь сразу стала какой-то иной: нежной, сентиментальной, волнительной. Конечно, говорить об этом они героине не станут, но в памяти сохранят... Очень мило, просто прелесть!

Позже Хенрик близко к тексту передал содержание песенки отцу. Карл покачал головой на нравы иного мира и поблагодарил бога, что пела Аня на русском. Высказанные пожелания они обсудят когда-нибудь потом, о чем и предупредил Шмидтов, мол, вам и так работы хватит. Вот на Рождество приедете, тогда и повторим. Может, еще чего новенькое услышим...

Этот случай стал тайной мужчин, еще долго радующей их души при воспоминании об этом прекрасном вечере. Так здорово получилось!

Анна Николаевна проснулась в своей постели ближе к полудню с головной болью и странным ощущением некоей неправильности в отношении прошлого вечера. Женщина испытывала явное похмелье, но детали того, как она до этого дошла, от нее ускользали. Память молчала с момента, как компания переместилась в кабинет. Вообще, Воронцова грешила забывчивостью после обильных возлияний: было с ней такое, что на следующий день после серьезной пьянки она не могла ничего вспомнить. Иногда даже помогало: не помню — значит, ничего страшного не было, и мучиться не стоит. Было и было, уж совсем в хлам она вряд ли упилась, остальное — переживем. Ну, может, поболтала чуток или спела или станцевала — такое бывало. Ладно, проехали, надо в люди выходить, и на всякий случай сделать «покер-фэйс».

Внизу было тихо, мужчины отсутствовали, а Ванда приготовила завтрак и предложила прогуляться до Лесной, где сегодня Лукас собирался качать мед. О том, что вчера было, экономка молчала, но осуждения от неё Аня не почувствовала. Ну и хорошо, ну и ладно.

Аня никогда не была на пасеке, о производстве меда имела смутное представление, да и сам продукт не очень употребляла в прошлой жизни, только в качестве лекарства да в кулинарии немного. Знала, что мёд качают, воск используют для свечей, прочие производные типа перги и маточного молочка — в нетрадиционной медицине. Поэтому процесс, наблюдаемый в деревне, ее заинтересовал.

Сами ульи отличались от виденных Аней ранее: они больше напоминали деревянные бочки, установленные на некотором расстоянии от земли и прикрытые вроде соломой. В памяти возникло слово «колода».

Пасечник Лукас открывал крышки ульев, окуривал внутренности чем-то слабопахнущим травами, доставал какие-то плоские рамки, потом снова окуривал их, и на расстеленное на стоящем рядом столе полотно вяло падали одурманенные пчелы, которые позже, оклемавшись, взлетали и устремлялись снова в собранный заново домик.

Рамки Лукас очищал от сот (как поняла Воронцова), которые наполняли еще одну бочку. Сверху на неё опускался деревянный круг, и Лукас надавливал на него. У бочки снизу имелось отверстие, из которого медленно вытекал темный мед. Запах одурманивал, а спокойные четкие действия мужчины завораживали. Аня следила за процессом, но вопросов не задавала — медитировала.

Эльза, дочь Лукаса, сама подошла к гостье и спросила:

— Фрау Анна, вы никогда не видели такое? — попаданка кивнула. — Мне нравится смотреть, как папа это делает. А еще я жду, когда мед стечет, его процедят и можно пробовать. Свежий, он очень вкусный.

Девушка мечтательно закатила глаза.

— А что с воском? Вы его для чего используете? — задала вопрос попаданка.

— Так свечи делаю зимой! У меня хорошо получается, папа научил. Я и травы добавляю для запаха, а отец предпочитает хвойные. Хотите, научу?

Воронцова кивнула: а что? Зима долгая, вот и занятие нашлось. Да и девочка ей нравилась — умная, деловая, спокойная. Договорились на будущее, и Анна вернулась в

замок, где ее уже ждали готовые к отъезду Шмидты и странно улыбающиеся хозяева.

«Ну, точно вчера я что-то учудила» — смущенно подумала Воронцова, но постаралась держаться невозмутимо. Мужчины распрощались, обещались к Рождеству приехать, и обитатели замка остались одни. Вайсы ничего не сказали, и имевший место инцидент с её участием (Аня сильно это подозревала) так и остался без комментариев.

Август уверенно двигался к концу, когда для огородный экспериментов пришло время результата. Первые помидоры и перцы Анна Николаевна с гордостью сняла еще раньше, а вот картошка дожидалась своего часа. Плети подсыхали, и, насколько иномирянка могла судить по обрывочным воспоминаниям, скоро придет время проверить ее успехи в аграрном деле.

Анна честно носилась со своими посадками на крепостной стене как с малыми детьми все лето: поливала, рыхлила, обрывала пасынки у помидор, накрывала-открывала растения от лишнего жара и влаги, разговаривала с зелеными насаждениями как с разумными, чем веселила обитателей замка. Однако сама она искренне считала, что эти разговоры с огородом приносили плоды: диковинки для местных росли здоровенькими и щедрыми. Темно-бордовые, чуть вытянутые, помидоры, отличные от известных Ане, обильно покрывали ветви, а перцы двух видов — красные и зеленые — радовали размером и блестящими боками. Пробу сняли, когда на кустах начали краснеть многие плоды, и овощи произвели впечатление. Помидоры, кисло-сладкие, мясистые, без жесткой сердцевины, так раздражавшей Аню в прошлом, порезанные и поданные с солью и маслом в прикуску с ржаным хлебом, понравились всем пробовавшим, а салат с перцами, огурцами. Помидорами и зеленью с майонезом было решено сделать семейным рецептом.

Воронцова оставила самые крупные экземпляры на семена (вот об этом ей напомнила Ванда), остальные ели по мере созревания и снимали для хранения уже почти в конце лета. Набралось, на удивление, не мало: килограмм 15 помидор и чуть больше — перцев. Аня обещала приготовить острые соусы и рагу к празднику урожая.

С картошкой же у попаданки был еще один опыт. Когда отцвели картофельные цветы и сформировались зеленые ягоды, Воронцова решила проверить авантюру: собрала плотные ягоды, подержала в воде и извлекла из одной семена, которые после промывки и сушки посеяла в отдельный ящик. Остальные собрала в мешочек, решив посеять на следующий год. С картофельной рассадой, оказавшейся нежной и хрупкой, нянчилась еще усерднее, чем с помидорами. Приложенные усилия не пропали даром: ростки картофеля тянулись к солнцу, несмотря на неподходящий сезон, и Аня надеялась, что благодаря местному теплему климату растения сумеют дать, пусть и мелкие, но плоды до заморозков. Её мечты имели под собой основания: мелочь цвела уже в августе, а к сентябрю еще зеленела и помирать не собиралась.

Осень, такая же щедрая и сухая, как и в первый ее раз в этом мире, уверенно наступала, и наконец, плети картошки подсохли. Аня решила — пора копать! Ну, копать — это громко сказано: кустики сидели в корзинках, так что предстояло просто вытряхнуть содержимое и получить — дай бог — урожай. На зрелище собрались все замковые, и Аня, внутренне перекрестясь, взрыхлила землю в корзине и потянула плеть куста вверх.

— Ого, вот это да! — воскликнул Мирко, пробившийся в первый ряд. — Какие они странные! Вот это и есть картошка? И столько выросло из одной?

Зрители в волнении наблюдали, как из земляного кома Аня доставала клубни

диковинного овоща: один, два, три... Всего из первой корзины попаданка извлекла десять картошек размером с собственный кулак и несколько по-меньше, на вскидку-килограмма 3 всего. Воронцовой и самой было любопытно и волнительно отыскивать в земле первые реальные плоды многомесячного труда.

— Хорошенькие вы мои, молодца, выросли на славу! — бормотала Анна Николаевна, радуясь и гордясь одновременно. — Получилось, герр генерал! Давайте остальные выкопаем, а еще надо записать, из каких заделов что получилось! Мирко, где моя тетрадь?

Следующие подкопы шли по порядку, Аня отмечала в дневнике наблюдений, результаты эксперимента. По итогу, из 15 корзин наиболее урожайными оказались те, где были посажены целые картофелины. Но и резанки не подкачали: клубни были меньше, но их было больше. Крепостной огород породил в целом пару мешков нормальной, ближе к крупной, картошки и пол-мешка мелочи-на будущую посадку.

— Это надо отметить, господа! — предложила Аня и услышала одобрителные аплодисменты. — Если так будет и в будущем году, то через 3–4 года картошкой можно будет засадить нормальное поле и внедрить ее в жизнь хозяйства на прочной основе. И из семян еще постараюсь вырастить посевной материал. Генерал, а жизнь — то налаживается!

Ответом попаданке стал общий веселый смех.

В конце сентября на замковый двор стали прибывать подводы с оброком и урожаем с хозяйских полей. Ванда и Хенрик отмечали доставленное, складировали в кладовых, генерал беседовал со старостами, выясняя нужды и разбираясь с жалобами, а Аня, не отсвечивая, удалялась с детворой в лес за дарами природы. Эрих подсчитывал трудодни и стриг овец. На шерсть очень рассчитывала Ванда, твердо намеренная организовать женский кооператив вязальщиц, чем веселила Воронцову.

— Ванда, милая, да не будет столько шерсти! Ну, остригли пяток баранов, сколько той шерсти получится? И как с ней справиться? Я вот ничего об этом не знаю!

Ванда уверенно отвечала:

— Фрау Анна, мы с Эльзой уже все продумали! У них в горах знают, как шерсть мыть и прясть, Эльза мне рассказывала, так что все получится! Вы только научите баб вязать да спицы закажите Шмидтам, остальное я сделаю!

Воронцова в очередной раз восхитилась деловыми качествами экономки: неумная у неё энергия в ее-то возрасте! Про себя прежнюю Аня так сказать не могла бы ...

Эпопея с шерсть была поручена Эльзе и женской части населения Лесной. Когда Аня узнала, сколько сил и времени те потратили на обработку пяти рун, у неё не было слов! Сначала работницы перебирали стриженое руно от мусора, потом несколько раз мыли с сольной водой (щелоком) и без нее, чтобы избавиться от грязи, потом полоскали, сушили на сетках, специально сплетенных дедом Волдо, потом разбирали и чесали гребнями, потом пряли, используя веретено (было такое, да). Ужас просто! Вот уж воистину — охота пуще неволи! Пряжа получилась грубоватая, но опыт у баб появился, так что с ростом овечьего поголовья количество шерсти увеличивалось, методы ее обработки в деревне нарабатывались, и к четвертому году женская бригада Лесной зарабатывала трудодни и зимой — вязанием носок и прочих вещей из вполне себе приличной по качеству шерсти, даже крашеной. Аня натолкнула Эриха на идею прялки, и тот, вместе со Шмидтами, «сообразил» несколько агрегатов и гребней, облегчивших женщинам труд. Аня зимой стала частой гостьей в доме пасечников, где собирались женщины на уроки вязания, а еще к ней на «свечеделание» в замок приходила сама Эльза: здесь места для работы с таким сырьем было больше. Ане понравилось занятие, а результат — всем остальным.

Подведение итогов работы «колхоза» показало, что в целом эксперимент удался: полученные по трудодням зерно, овощи и даже немного денег (благодаря вливаниям Оси и Отто) превзошли ожидания сомневающихся жителей Лесной! По общему мнению, сытая зима им была обеспечена, более того, исправились пьяницы Вирты, нашлось применение талантам дедов и энергии молодежи, все лето ухаживающим за кролями и прочей скотиной.

Рассчитавшись с работниками, Вайсы подвели баланс и решили продолжить «колхоз», но только в Лесной: встреча со старостами других деревень оптимизма в их отношении у генерала не прибавила. Мужики опять мялись, ныли и жаловались, а вот количество привезенного норовили снизить. Хенрику с Эрихом пришлось снова объехать деревни и, пригрозив карами, добирать недоимки чуть ли не с кулаками. Председатель «колхоза» присматривался к делам в дальних поселениях и сказал, что мельник Крюгер (по словам

некоторых сельчан) недоволен активностью господ и умело настраивает крестьян на бойкот требований землевладельца.

— Не нравится Фредди наш колхоз, боится он, что и до его «вотчины» вы доберетесь. Слухи-то все одно пошли, что Лесная на зиму запаслась как никогда. И про скотину говорят, что неплохо бы и им овечек да кроликов завести, да и работать только барщину лучше, чем так, как сейчас есть. — Эрих был серьезен. — Думаю, надо бы к зиме скотный двор общий построить да мужиков заставить охранять ночью. У толстого Фредди ума хватит подбить дураков на подлянку какую. Герр генерал, подумайте и о мельнице. Мне ребятня как-то принесла, что фрау Анна вам такое предлагала. Чудно, конечно, но, вдруг и правда, мельница в замке возможна? От Крюгера тогда часть народа сюда зерно возить будет, можно тут их на свою сторону перетянуть, ослабить его хватку, показать иное отношение. Мерзкий он, конечно, мужик, но против вас не поперет!

Оба Вайса задумались, а Анна Николаевна Эриха поддержала, прежде всего, в отношении скотного двора.

— Пока погода сухая, можно успеть дерево из лесу натаскать. В крайнем случае, мазанки соорудить. Глина рядом есть?

Эрих удивился:

— Мазанки — это что?

«Ну вот, опять встряла!» — одернула себя Аня, но было поздно. Пришлось объяснять, благо, жизнь в Грузии и Африке на этот счет инфу дала.

— Глина, песок, солома или опилки, немного щебня, кизяк можно добавить, известь и вода. Все мешается и либо — формировать кирпичи и сушить на воздухе, либо сделать плетеный каркас и обмазать. Главное, чтобы не сильно дожди мочили, крышу из соломы или камыша до земли сделать. На год-два хватит даже при этом климате. А там построить нормальный — из кирпича, камня или уж, на худой конец, из дерева.

Эрих оживился, задал несколько уточняющих вопросов и помчался в деревню собирать народ на новое дело, а Вайсы пошли пересчитывать деньги для закупки дополнительной скотины на ярмарке, куда предполагалось выехать на днях. Аня сомневалась, надо ли ей ехать, но Ванда настояла.

— Фрау Анна, езжайте, на людей посмотрите, купите себе чего, да просто развлечетесь. Сидите в замке уж год безвылазно! Вы молодая, красивая, мир надо посмотреть, себя показать. Дела все не переделаешь! Пару дней здесь ничего не случится, капусту только убирать начали, бочки я заказала, ребята с грибами и ягодой управятся. Яблоки вон и так везут. Так что ...

И Воронцова решилась.

Шопинг для Анны Николаевны всегда был способом отвлечься и расслабиться. Пусть покупала она немного, но сам процесс! Она ездила на Черкизон и Садовод, моталась по ТЦ и просто магазинам, любила бывать на православных и ремесленных выставках. Изделия фабричные и ручные привлекали ее одинаково, если в них имелась самобытность и качество. Аня могла часами бродить между прилавков и рядов, высматривая то, на что упадет глаз. Кому-то купленные ею вещи казались излишне вычурными или, наоборот, простыми, но особенностью Воронцовой было умение их носить. Она смеялась над фразой подруги, утверждающей, что Аня и в мешке будет королевой, однако, так оно и было: самая странная тряпка на Ане смотрелась изделием «от кутюр», а украшения из кожи и меди — высокопробным золотом.

Ярмарка в Вальдкрайбурге, проводимая раз в два года, собирала под своей эгидой все промыслы и продукты, производимые и выращиваемые в этой части Пруссии, а также привлекала в город и иноземных торговцев. Здесь заключались выгодные сделки, заводились полезные знакомства — и не только деловые, так как сюда съезжались погулять и развлечься как богатые, так и не очень граждане королевства целыми семьями. Градоначальник для элиты устраивал прием с танцами и ужином, где молодые представители знати, выдающегося чиновничества и купечества могли познакомиться с целью создания в будущем брачных союзов. Остальные гости города довольствовались выступлениями бродячих артистов и музыкантов, посещением лавок и ресторанов и просто города, отличавшегося красотой архитектуры и чистотой улиц. Да, это Аня заметила сразу и удивилась, поскольку со школы помнила о выливаемых из окон средневековых городов нечистотах, антисанитарии и узости улочек.

Этот город напомнил Воронцовой старую Ригу, куда она не единожды ездила девочкой. Окруженный крепостной стеной и рвами город стоял на некотором возвышении и был заметен издали. В свой первый приезд сюда Аня мало где была, а вот сейчас походила не только по ярмарке. В основном дома каменные, двух-трехэтажные, близко стоящие, особенно в центре, крыши черепичные, ступенчатые, сочетание красного и белого, несколько похожих на готические соборов с витражами, мощные булыжником улицы, много таверн разного уровня (по деньгам и убранству), улыбчивые горожане, что очень удивляло попаданку. Она видела даже стражей порядка в кирасах и шлемах, с мечами и алебардами, прохаживающихся между толпящимся народом и наблюдающих за гостями.

На прием в ратушу Аня идти отказалась, несмотря на приглашения генерала, предпочтя общество Эриха. После долгого блуждания по ярмарке Аня очень устала, и идти на пафосное собрание, не зная толком правил и одеваясь в платье, абсолютно не желала.

— Карл, простите, но нет. Мы с Эрихом просто погуляем, а вы идите.

Вайсы не стали настаивать, отбыли, приодевшись, на ужин к градоначальнику, а Воронцова с Вульфом прошли по вечерним улицам Вальдкрайбурга, посмотрели на представление циркачей на центральной площади и поужинали в милом ресторане недалеко от гостиницы, где остановились. Было забавно, немного любопытно и вкусно. Аня ни о чем не жалела: Эрих был приятным собеседником и вежливым кавалером, несмотря на то, что Аня выглядела как молодой парень. На них немного косились, но прямых замечаний не

делали, слава богу.

Ярмарка была большой, шумной и разнообразной. Особенно Ане понравились ряды с заморскими товарами: специи, ткани, посуда, даже экзотические животные типа попугаев и обезьян! Вайсы настояли, чтобы Аня купила себе то, что пожелает, и попаданка приобрела отрез зеленого шелка, мешок риса и зубной порошок у торговца, чем-то похожего на китайца. Еще ей понравилась лакированная шкатулка, украшенная резьбой и серебряный браслет с сердоликом, а Ванде она купила шелковую шаль с «огурцами» — так, кажется, называла бабушка подобный орнамент.

Углядела она и баклажаны, которые продавал сосед китайца, чей порошок она купила. Торговец грустно смотрел на проходивших мимо людей и явно оплакивал свое невезение, поэтому, когда молодой человек спросил цену на редкий овощ, отдал мешок с «синенькими» (здесь они были, скорее, малиновыми) всего за несколько серебряных, чем поразил и покупателя, и самого себя. Аня уточнила, как выращивать овощ, и купец радостно поведал, что баклажаны не плодоносят при слишком холодной или слишком жаркой погоде, при недостатке или избытке влаги, не любят сквозняки и ветер. Теплая грядка, мульчирование (прикрытие корней соломой или травой), укрывной материал, травяной настой и зола в помощь.

— Примерно так я и думала, — сказала попаданка, когда они отошли от прилавка с довольным торговцем. — Надо бы теплицу соорудить. Карл, здесь есть стекольная мастерская?

Мастерская была, но за пределами города, а вот в одном из рядов они нашли паренька, продававшего некондицию: мутное пузырчатое стекло небольшого размера. Разговорившись с бедолагой, Аня выяснила, что он-подмастерье, и это-его изделия, за которые он должен расплатиться с мастером, иначе его выгонят или отдадут страже как должника.

— Господин, помогите! Мне нужно всего 5 серебряных! Вообще, мастер тоже ошибался, но свалил все на меня. Я с трудом довез эти куски до ярмарки, если не продам, мне... — парень всхлипнул, а генерал вопросительно глянул на Воронцову: явно что-то задумала толковое, но тратиться не решается.

— Ан, тебе нужно такое стекло?

— Думаю, найду ему применение. Берем? Только довезем ли?

Мальчишка, почуяв выход, бодро зачастил:

— Господин, не сомневайтесь, оно толстое и крепкое, переложить соломой и в ящики, у меня есть! Довезете, если не прям уж по кочкам и камням! А если и меня возьмете, то я и у вас сварю! Песок везде есть, печь я сложу, умею, инструмент у меня тоже есть! Все одно мастер меня выгонит, не даст экзамен сдать..

Вайсы переглянулись, и в замок поехал юный стекольщик Вилли Ханке и несколько ящиков с бракованным стеклом для будущей теплицы.

Помимо стекла и подарков, Вайсы прикупили немного специй, по паре милых поросят и овец с более тонкой шерстью (по мнению Эриха), две пары черных кролей (голландских, заметил Хенрик), супер-больших серых гусей, бочонок виски, несколько голов сахара, бочонок оливкового масла и кулек странных, на их взгляд, полосатых зерен, от которых Анна пришла в дикий восторг. Спрашивать, что это и зачем, мужчины предусмотрительно не стали — потом выяснят.

Напоследок заехали к Осе Фридману, выслушали новости об успешном расширяющемся бизнесе «вечного пера», оценили опытные образцы гранения камней, забрали долю прибыли

(она позволила окупить половину их каравана), а Ося получил порцию информации к размышлению о направлениях в ювелирном искусстве: Аня предложила выпускать украшения с поделочными камнями типа агата, яшмы, обсидиана, кварца и прочего в сочетании с кожей для среднего класса или ученых мужей, ищущих новизны и эпатажа.

Ювелир снова подвис, а Аня нарисовала варианты своих любимых браслетов и чокеров. Один из учеников Фридмана, зашедший в этот момент в кабинет мастера, очень живо отреагировал на рисунок и выразил готовность попробовать такую технику. Ося встрепенулся, а гости поняли — пора валить, иначе затискает. Дополнительные монеты потратили на несколько рулонов небеленого льняного полотна, сукна и шерстяной ткани, нитки и иголки и отбыли восвояси.

Та соль, что лихо приобрел Хенрик, за лето была очищена и заново выпарена на солнце, и ее должно было хватить надолго. Вернувшись с ярмарки, Аня включилась в переработку урожая (солить, квасить, коптить), а Вайсы задумались о мельнице и стекольной мастерской.

Дело в том, что дорогой домой генерал имел беседу с Вилли, в результате которой у него сложился план устроить мастерскую в одной из замковых башен, заваленной за ненадобностью всяким хламом. Парень, разговорившись, показал себя если не знатоком, то уж точно энтузиастом. До зимы Вилли и Хенрик поехали по окрестностям и нашли участок у озера, где на поверхность выходил пласт хорошего такого песка, а заросли осоки, в обилии росшей по берегам, давали достаточно сырья для небольшой печи. Дерево в лесу было, так что пусть и не очень качественное и много, но свое стекло для нужд самогонварения Вилли сварить должен, решил генерал. Так что зима предстояла насыщенная для всех в замке, да и в колхозе-тоже.

Эрих развернул строительство коровника, овчарни, птичника и крольчатника одновременно. Поняв идею самана, он с сельчанами немного покумекал, и к Рождеству в Лесной был готов длинный сарай, поделенный на отсеки, для всякой живности. Между опорными столбами колхозники наплели решетчатые стены, заполнили их с обеих сторон смесью глины и прочих составляющих и установили круглосуточное дежурство по уходу и охране скотины. Благодаря сухой осени саман высох, а после побелки известью в помещении стало тепло и светло. Для пущей благодати соорудили и печь, так что животина зиму перенесла с комфортом, доступным в этих условиях.

В эту осень капусту рубили в промышленных масштабах по русскому рецепту-на себя и на того парня, то есть, Отто Шульца, который на корню скупил почти все заготовки и овощи для своего ресторана. Заведение процветало, деньги капали регулярно, а новая мясорубка, больше замковой, не простаивала. Шульц активно искал помещение в столице, но пока неудачно: конкуренты завышали цену. Зато канцелярка нашла своих покупателей: скрепки, перья и блокноты на пружинках пользовались спросом в столице, и племянник Шульца жил теперь там постоянно. Он наладил отношения с типографией и университетом, скупал бумагу партиями у мануфактурщика и готовился к выбросу на рынок обычных, с точки зрения Воронцовой, тетрадей и папок для бумаг. С этой новинкой он познакомился во время ужина с Вайсами на ярмарке. Да, Аня расписала как-то вечером Хенрику и Карлу свой опыт учебы в школе и работы в таможне, упомянув об этих мелочах, а уж младший Вайс довел мысль до сведения родственника Шульца. Металлические зажимы обязались сделать Шмидты, тоже расширившие свое дело, и Алоис (воин) Шульц готовился к битве за рынок. Первые экземпляры новинок он сделал сам, опробовал и остался доволен.

Вообще, союз ресторатора, кузнеца и ювелира приносил всем доход, пусть и пока небольшой, поскольку новинки отнимали много сил и времени, но перспективы просматривались нешуточные. Андريس Шмидт крутил в голове мысль о стиральной машине, в пьяном угаре оброненной Воронцовой, и почти уже понял, как воплотить ее в жизнь. Талантливый парень сообразил, что если крутить белье в большом чане, оно и будет стираться без участия рук прачки, теперь надо только смастерить агрегат, но повседневные

заботы по изготовлению мельничек, турок, пружинок, скрепок и прочего не давало ему времени на задумку. «Все равно сделаю!» — твердил себе парень, а отец посмеивался, радуясь успехам сына. Петер же бился над дыроколом и очередным самогонным аппаратом, коптильней и самоваром. К этому предмету он пришел сам, без чьей-либо помощи, что удивило позже Анну Николаевну. Хотя, говорят же, что у дураков мысли сходятся! И не только у них...

Вторая зима в замке Вайсов запомнилась попаданке обучением вязальщиц, долгими бдениями над самогонным аппаратом, шитьем постельного белья и теплыми вечерами в уюте своей комнаты, где она отдыхала от насыщенных событиями и делами дней. Свечи, носки, шапки, наволочки, пельмени, настойки. Кто сказал, что жизнь средневековья скучна и однообразна? Не жили вы, так и нечего болтать глупости!

Только успевай поворачиваться! Световой день не долог, а сделать надо много, при свечах да лучинах — глаза сломаешь. Хотя свечи у них с Эльзой получались милые и долгогорящие, и в качестве подарка нашли применение очень даже: всем досталась на Рождество новинка! А еще этой зимой Ванда с Анной освоили цукаты из тыквы, благо мед был в достатке. Хозяйки кухни варили кусочки сладкой тыквы в сиропе из воды и меда, потом сушили в печи и посыпали смолотой в мельничке сахарной пудрой. Лакомство выходило вкусным и необычным, поэтому Шульц настаивал на поставках в свой ресторан, приходилось соответствовать.

Про ужин у градоначальника Воронцова узнала много позже. Сначала спросила ради приличия, но Вайсы особо не распространялись, потом было не до того за делами. И только в новогодие, когда в замке снова собрались гости, речь коснулась ярмарочного приема.

Приехали, уже традиционно, Шмидты (всей семьей, первый раз), Отто и Алоис Шульцы и Ося Фридман, в этот раз с тем самым племянником. Пришел Эрих с детьми, посадили за стол и прижившегося в замке Вилли.

Парнишка отъелся за осень, попрос и теперь выглядел на свои 18. Правда, очень переживал за нахлебничество, норовил помочь во всех замковых делах, но генерал увлеченный изготовлением спирта, в конце концов взял его под патронаж, и теперь Вилли крутился в пристрое, где генерал оборудовал себе лабораторию для самогонования, на законных, так сказать, основаниях. Причиной страданий юноши была невозможность варить стекло: печь сложить до зимы не успели, хотя башенное помещение он лично разобрал, отмыл и поселился там, отказываясь жить с другими слугами.

— Герр генерал, вы не подумайте, я отработаю! Вот как земля отогреется, глину накопаю, привезу и сложу варочную печь. И песок, и золу соберу, еще известь нужна. Но главное — печь!

Карл Вайс оценил стремление парня и не настаивал на ускорении процесса, пока взял в помощники и потихоньку обучал грамоте и счету.

— Ты должен точно знать, чего и сколько кладешь, так ведь? Ну и записи вести стоит, на память надеяться не очень правильно. Ошибки проще учесть, когда у тебя все записано, вон, фрау Анна так делает, и тебе надо научиться. Время есть, старайся. Никто тебя куском не попрекает, хватит тревожиться.

Вилли осваивал грамоту, слушал рассказы генерала о прошлом и мечтал остаться в замке на всю жизнь. Ему очень нравились хозяйева, экономка, местные слуги и занятная фрау

Анна, временами тоже рассказывающая почти сказочные истории о том, каким может быть стекло и что из него, кроме окон и бутылей, можно сделать. Представляя цветное прозрачное изделие, Вилли уносился мыслями в будущее и понимал все яснее, что учиться ему еще и учиться, но как же ему повезло встретить на ярмарке этих странных господ!

Рождество прошло весело, шумно и, как обычно, информативно: деловые люди обменивались новостями, презентами, делились успехами и идеями, оценивали новые блюда и напитки. Вот тогда-то и прозвучал рассказ Вайсов о приеме в ратуше, на который не пошла Анна.

— Градоначальник тряхнул мощной, стол был богатым, музыкантов хороших привез аж из столицы, вино италийское рекой лилось. — Генерал говорил с легкой издевкой, не нравился ему такой показной шик. — Гости щеголяли в нарядах стоимостью с мой замок, дамы глазки строили всем подряд, кавалеры отбивали ноги в танцах. Шумно, громко, чрезмерно как-то. И разговоры, сплетни, похвальба. Нет, по мне, вот так, как мы сидим, куда лучше. Ничего вы с Эрихом не потеряли, Аннет, когда не пошли.

Воронцова, собственно, и не сомневалась. Но тут Хенрик взял слово.

— Отец, а ты помнишь, как бургомистр тебе новинку показал и предложил себе купить? — Карл улыбнулся, а Хенрик засмеялся в голос. — Анна, представляешь, он хвалился мельничкой для кофэ и туркой! А потом еще сокрушался, что никак не уломает прощельгу Фридмана взять его в долю в изготовлении «вечного пера». Я с трудом сдерживался, ха-ха-ха! Герр Фридман, ну как же вы так обидели уважаемого человека, а?

Ося потупил притворно глаза, ехидненько хихикнул и ответил:

— Признаю, герр Вайс, было очень трудно, но я намекнул, что это — семейный секрет моей семьи, и если отдам его в другие руки, того человека накажут старые жидовские боги... Не могу я так подвести уважаемого мэра, но впредь ему всегда буду отдавать часть перьев по сниженной цене..

Присутствующие посмеялись, а Шмидт продолжил:

— Вы правы, генерал, такие приемы — пыль в глаза. Но вот как на Хенрика мэрская дочь облизывалась, дай волю батюшка — сожрала бы на месте! И вообще, Хенрик, тебе надо опасаться женского внимания, уж больно ты жених видный... И это про наши дела никто не знает, иначе войско из невест и мамаш под стенами замка осаду устроят! Да и на фрау Анну охота начнется!

Кузнец, подвипивший, смеялся, ему вторили остальные мужчины, а Воронцова вдруг подумала: «А ведь правда, надумает Хенрик жениться рано или поздно, и куда я денусь? Жена его хозяйкой придет сюда, а мне на дверь укажут? Вполне такое возможно..»

Карл и Хенрик заметили тень на лице попаданки, тревожно забились их сердца, и Вайсы, переглянувшись, перевели тему.

— А не споешь ли, Аннет? Давно не звучали твои красивые напевы под этими стенами? Еще по рюмочке налей, налей, налей...

Шмидты грохнули и веселье вспыхнуло с новой силой. Анна Николаевна вопросительно глянула на Хенрика. Тот примирительно поднял руки.

— Аня, прости! Запомнили, подлецы, слова той песенки, что ты спела прошлый раз, ученическую..

Аня вздрогнула — значит, не приснилось! Ах, поганцы такие, весело им! Девушка,

было, поднялась, но генерал снова попросил спеть, по-доброму так, и попаданка решила конфликт не раздувать, да и отвлечься хотелось от поднявшейся в душе мути.

— Ладно, что бы там ни было, прошаяю! Праздник же, но запомню и отомщу, страшно и коварно!

Гости обещали вести себя прилично, и концерт по заявкам начался. Аня перепела почти весь свой репертуар, гости хлопали, пытались подпевать, в перерывах поднимали тосты за здоровье, и все вроде прошло мирно.

Но мысль в голове иномирянки о будущем засела, и Вайсы тоже напряглись. Карл решил откладывать часть денег в приданое Воронцовой-на всякий случай. Ведь всяко может быть...

Жизнь в замке не оставляла места на горестные размышления, закрутила, понесла за собой, и только изредка Воронцова хватала за хвост мысль о необходимости продумать пути отступления для себя в ситуации форс-мажора, но благодаря усилившейся заботе Вайсов, вниманию Ванды, да и просто за делами и хлопотами все откладывала неприятные думы, пока и вовсе не забыла.

За зиму вся заготовленная шерсть была оприходована, артель вязальщиц набралась опыта, вдохновилась реальными изделиями и перспективами, а тут и весна подоспела. Начались полевые работы, и новые опыты попаданки.

На сей раз на крепостной стене была сооружена теплица, в которой с любовью и надеждой поместили саженцы баклажан, перцев и помидор. Картошки снова — по корзинам, при чем и мелочь, выращенная из семян, получила шанс на рост, как и собственно, семенные варианты в длинном ящике. Пару десятков картофелин были розданы на пробу в Лесную, где хозяйки, знакомые по Аниным словам с технологией выращивания нового овоща, поместили их в корзины и стали ухаживать с особой заботой и вниманием.

Анна же с Вандой рискнула прорастить подсолнухи. Из кулечка выжили пару десятков, их нежные хвостики женщины сначала поместили в такой же длинный ящик, а потом, окрепшие, рассадили на замковом рву, оградив плетеными заборчиками-чтобы ненароком никто не поломал. Местным был дан наказ не трогать господскую забаву, и подсолнечные стебли тянулись к солнцу, радуя Анну видом и силой. Когда же зацвели, на дивные желтые корзинки сбегались любоваться малыши из призамковой деревни, гадая, что такое вырастет из красивых, похожих на солнце, цветов.

Баклажаны тоже старались, отвечая хозяйке добром. Их было немного, выживших, но Анна опять носилась с растениями с утра до вечера, и вроде толк был. Вообще, это лето испортило нервы земледельцам. Было много дождей, были и жаркие до африканских температур, дни, поэтому до печальных размышлений времени не оставалось.

Эрих остриг всех овец по весне, и женский коллектив рвался между огородами, полями, детьми и шерстью. Анна как-то посетовала, что детский сад был бы кстати, и тут себя проявили деды. Иво Пихлер с Волдо — плетельщиком взяли на себя инициативу приглядывать за мелкими, приучая их к труду: мочить лозу, чистить и участвовать в плетении корзин и сетей. Бабы по-очереди готовили на всех обеды, и постепенно дело пошло.

Братья Вирты сразу после зимы отправились на озеро, за ними дополнительно закрепили гусей, часть цыплят и некоторых пацанов. Теперь в озерном филиале было шумно, но интересно, а Якоб Вирт стал бригадиром. Исправился мужик, говорили про него в деревне.

Лукас вынес с зимовки пчел, посеял гречку, ходил в лес за травами и задумал в этом году удивить сельчан медовухой по семейному рецепту. А Вилли с вызванным на подмогу мастером Кляйном установил в башне горнило и готовился к варке стекла. Хенрик сразу после посевной отправился с Алоисом в Голландию, искать мастера для мельницы и какие-нибудь тамошние новинки.

Месяцы сменяли друг друга, и вот уже снова пришло время считать цыплят.

Карл Вайс смотрел на ряды бутылок с самогоном и испытывал чувство глубокого удовлетворения, как говорила Аннет. За год он отладил процесс, выявил наиболее приемлемые для работы условия, научился определять время готовности продукта. Вилли сдержал слово и смог к концу лета выдуть достаточное количество разной формы и объема бутылок, так что можно часть, наконец, передать на реализацию в ресторан Шульца. Компаньоны с нетерпением ожидали реакцию посетителей на шнапс: чистый, настоянный на дубовой щепе и разбавленный медовым сиропом с травами, ниже градусом, чем первые два.

Хенрик вернулся из поездки с договором на мельницу. Мастер предложил заняться этим следующей весной, до этого времени подготовить башню и жернова. Ну, сами разберутся, решил Карл. Алоис остался в столице, где Шульц начал подготовку к открытию ресторана. Ося недавно присылал племянника к Аннет с новыми украшениями из кожи и меди, ну и долю передал. Анне понравилось, а Авель рассказал, как «пошли в народ» чокеры.

— Я теперь отвечаю за эту работу в мастерской. Изя — за перья. Дядька с Соломоном все гранением занимаются, набивают руку. Даже в Амстердам ездили к родне советоваться. Удивили тамошних, дядька прям светился весь по возвращении, и камней привез разных, и для меня тоже. Шмидты мне состав лака для скрепок дали, теперь браслеты не зеленеют, и покупательницы мне глазки строят. Чтоб вперед других получить! А вот знакомиться не хотят, жид ведь. Смешно, но противно порой... Спасибо вам, фрау Анна, за нашу семью и науку! Примите подарок, я специально для вас делал!

Чокер был мягким, с гладким агатовым овалом посередине и несколькими висюльками по краю. Браслет — простой, широкий, украшали вставки из ржаво-коричневой яшмы, выложенные волной. Красиво.

Анна Николаевна долго рассматривала подарок, гладила поверхность, от ее действий браслет приятно нагревался, а одетый чокер подчеркнул изящную шею иномирянки.

— И вам спасибо, Авель, за такую красоту! Буду с удовольствием носить. Уверена, вы сможете нас удивить еще, вы талантливы. Все у вас будет хорошо! — сказала женщина зардевшись от похвалы молодому ювелиру. — Относительно покупательниц... Не обращайтесь внимания, будьте выше, и когда-нибудь вы обязательно встретите ту, что оценит вас за человеческие качества, а не по национальному признаку.

Воронцова определенно лукавила, уж ей ли не знать, как национальный вопрос отражается на чувствах влюбленных, но зачем говорить об этом юноше? Даст бог, минует его такая напасть, и встретит он жидовочку, и будут они жить-поживать и добра наживать, вне межнациональных конфликтов. Тема чужих браков снова царапнула тревогой, и Анна усилием воли отогнала ее от себя. Не буди лихо, пока оно тихо. Случиться, тогда и будем думать.

Несмотря на перепады погоды, и этот год заполнил закрома родины Вайсов достаточным количеством съестного. Урожай картошки имелся у всех хозяек, а в замковом питомнике запасы семенного материала увеличились в разы. Баклажаны прижились в Пруссии благодаря первой теплице, выросло 12 корней и 35 синеньких на них, помидоры и перцы повысили урожайность, а созревшие красавцы-подсолнухи было даже жалко рвать. Корзинки с серо-черными семенами размером с тарелку вышелушины, промыты, пожарены,

и надо попробовать отжать масло-ради него все и затевалось, да? Но как?

Помощь пришла от Лукаса Хубера. Он видел растущие на пригорке мощные растения, но молчал, а когда Эльза рассказала о беде Анны, что, мол, знает что должно быть, но не знает, как получить, пришел в замок.

— Пресс надо сделать и давить семена, чтобы выжать масло, так ведь, фрау Анна? Я видел, как давят масло из оливы, думаю, смогу примерно то же смастерить.

И правда, через неделю в замке пасечник провел мастер-класс по первому отжиму. Пень-колода, полая внутри, была установлена на два плоских камня, снизу в ней имелось отверстие, а сверху Лукас вложил деревянный круг, и вместе с Эрихом они поочередно стучали пестом по кругу, а насыпанные в колоду семечки уплотнялись, пока не полилось мутноватое масло, привычного для Ани запаха. Народ ждал пробу. Из четырех корзинок получилось пол-стакана масла (остальные, самые крупные, остались на семена), хватило на несколько кусков ржаного хлеба с солью. Обсудили, решили, что пойдет, несмотря на хлопоты по отжиму. Но Лукас уверенно заявил, что с такими мастерами, как Шмидты, сделать более удобную конструкцию пресса — не проблема, и народ согласился, а Аня была просто счастлива! Как и Вайсы, в который раз возблагодарившие бога за пришелицу.

Уже стало очевидным, что картофель на следующий год займет почетное место в огородах, а там и до столов недалеко, животноводство уверенно развивалось по всем направлениям, рыболовы Вирты проводили опыты по подкормке озерной популяции и снабжали потрохами птичники, овцы окотились, как и элитные свиньи, куры в Лесной вообще неслись как сумашедшие, козы и коровы исправно доились, а кролики уже не раз подавались к господскому столу, да и деревенские попробовали диетическое мясо. Кроличьи шкурки пока в ход не пускали, но задумки на их счет имелись.

Гречка способствовала медогону, Лукас подумывал перенести часть ульев к озерной избушке. Мужики, освобожденные от оброка на год, чистили лес от завалов, сажали новые деревья, ремонтировали по саманной технологии дома в Лесной, клали печи вмесо жаровен и каминов, резали и жгли для Вилли камыш, для Волдо — иву, таскали песок. Эрих всем находил занятия, но народ, помня первый результат, не роптал и работал нормально.

Так что без аврала и скандала, но колхоз расцветал, а остальные деревни ждали, что же будет нынче? Свое сдали, а вот как Лесная эту зиму встретит? Лучше или хуже прошлой? Если даже также, не пора ли просить генерала устроить такое и у нас, а?

Воронцовой до проблем крестьян было фиолетово, а вот заготовки опять взяли в клещи. Из-за дождливого лета грибов было много, но и едоков увеличилось: лесные «просекли фишку» и активно шарились по кущам в свободное от работы время, запасаясь новым продуктом на зиму. Замковым приходилось включаться в соревнование и уходить дальше, пока Эрих не ввел правило: набрал корзину себе, еще одну-в замок, и отметить! Страсти поутихли, по осени уже не бегали так интенсивно, и Аня вновь получала удовольствие от сбора опят, груздей и чернушек. В один такой поход с ними увязался Вилли, и был потерян. Мирко гонялся по чаще несколько часов, охрип и обнаружил незадачливого стекольника в овраге. Пока вытащили, то да се, Аня рассматривала склон, и тут ее осенило: торф, пластами! Это ж надо! Дача у Воронцовых была в районе Шатуры, торфяном краю, и Аня видела, как добывают там торф. И вот он перед ней, миленький!

Вернувшись, она сразу поделилась новостями с генералом, повергнув того в ступор. Горючая земля, он слышал, но не предполагал, что такое есть на его земле! Долго пытал попаданку о способах добычи, применении и опасностях. Аня, что могла, поведала. Карл решил сходить с сыном сам, принести на пробу, а уж потом решать. Но знания грели душу.

Было у Ани еще одно «откровение», связанное с Вилли. Однажды они сидели в лаборатории спирта, и Вилли рассказывал о работе бывшего учителя, упомянув, что тот очень хотел найти секрет цветного стекла. Аня мимоходом заметила, что цвет стеклу придают некоторые металлы — медь, кобальт, а еще — сера, селитра, вроде даже мука. И ей всегда нравились мозаичные украшения со смальтой-кусочками цветного непрозрачного стекла, уложенного в рисунок, подобно витражам, на глине, металле или камне. В школе на химии учительница восхваляла талант Ломоносова, сварившего первую в России смальту для мозаики. Вроде, при этом стекло варилось, но не до совсем жидкого состояния, кажется...

Вилли идею схватил, принялся экспериментировать и, изведаясь себя и несколько кубов древесины, однажды получил желтоватый ком стекла. Разбив остывший материал, побежал к гончару, и вдвоем они опять возились днем и ночью, пока не сделали большое красивое необычное блюдо: на коричнево-красном глиняном ложе застыли желтые капли стекла. У гончара прорезался дар скульптора и понеслась! Стекло сплошь и нет, кувшины и чаши, горшки и тарелки, разный состав и температура, время обжига и крепости стекла. Вилли обратился к Шмидтам, они нашли ему немного разных добавок, и через пару лет мозаичная посуда стала брендом замка Вайсов. Анна опять только поражалась, как, оказывается, легко помочь талантливому человеку — дать идею, он сделает остальное! Ей пришлось серьезно поговорить с энтузиастом, чтобы он, прежде всего, выполнил заказ генерала на бутылки и ее — на банки для маринадов, а потом отдался новому промыслу со всей пролетарской ненавистью! Вилли внял, а следующей весной занял в Лесной свободный дом, перестроил под мастерскую, взял пару парней в помощники и мотался между замком и деревней, стремясь объять необъятное и впихнуть невпихуемое...Генерал посмеивался, но, видя результат, отправил сына на запад, в Рур, откуда Хенрик притащил обоз с углем-для развивающегося стекольного производства. Торф таскали по-тихоньку доверенные сельчане, сушили в замке и использовали исключительно для себя. Ну его, делиться!

Делегацию из Замковой деревни в замке не ждали, но пришлось принимать, выслушивать, злиться про себя, возмущаться, смеяться и думать — что делать. Явились ходоки в Рождество, вроде с поздравлениями, а по факту — с претензиями. Генерал выслушал сельчан, угостил ради праздника, ничего не обещал, кроме туманного «я подумаю», а потом вызвал сына, Эриха и Анну — совет держать.

— Нет, но каковы у меня подданные, наглые! Им-де тоже надо жить хорошо! Так и говорили, не стесняясь, чем мы хуже лесных, мы готовы работать только барщину, что ж вы нас, господин, обделяете! Гляньте, они мне выговаривают, что не по совести я с ними обхожусь! Веками жили и молчали, а тут голос прорезался! Сын, что делать будем? Эрих, а ты как считаешь, потянешь две деревни или здесь кого для примера найти можно? Или вообще ну их к ...

Хенрик откашлялся и медленно заговорил:

— Сам не знаю, отец, как лучше. С одной стороны — шантаж, крестьяне господам условия ставят, с другой — здесь земли больше, свободнее, если организовать их, толк может быть. Вообще-то, думаю, я смогу их построить, Эрих поможет, если что, ну и ты рядом, вон, со стены все видать, устройшь наблюдение — улыбается. — Поговорим с каждым отдельно, составим портрет, так сказать, условия жесткие поставим, и годик пусть покрутятся. Назад отмотать мы всегда сможем. Эрих?

Председатель поерзал, пожал руки и сказал:

— Думаю, Хенрик прав. В отличие от дальних деревень, эта правда, перед глазами, и от тех отличается большей нуждой, значит, должны быть заинтересованы. Но! Кто-то их надоумил прийти, и я догадываюсь, кто. Да и вы — тоже? Только если мы их подомнем сейчас, это будет совсем не тот результат, на который рассчитывал подстрекатель, так что выгоды больше, чем потерь. На этих землях хорошо пойдут зерновые, а у реки покос хороший, да и за ней пастбище давно пустоует. Перед замком можно Анины подсолнухи посадить, гречку, а картошку пока рано им доверять. И в этой деревне много плодовых, проредить, подкормить — и будут у нас яблоки с грушами, я поросль видел, надо просто повозиться. И если Хенрик каждый день будет их «пасти», думаю, дурить не будут. А бабам Анна занятие найдет! — закончил выступление Эрих.

«Ну вот, опять Анна! Я что, рыжая?» — насупилась Воронцова, но в словах мужчин было разумное зерно. Карл внимательно смотрел на женщину. Пришлось отвечать.

— Согласна с ребятами, инициатива, хоть и наказуема, в нашем случае-ожидаема. Придется поднапрячься, зажать правдорубов сразу, чтоб по струночке ходили и не вякали не по делу! Денег нам на подъем хватит? Нужно объективно оценить, во что ввязываемся, с кем и как свести к минимуму потери. Ну а баб, как вы изящно выражаетесь, мы с Вандой придумаем, чем занять.

Карл довольно оглядел своих собеседников, налил настоечки и резюмировал.

— Хорошо, так и сделаем! Давайте, как Аня говорит, вздрогнем!

— За неё, за удачу, за него, за успех! — подняла рюмку Воронцова с выскочившей откуда-то речевкой таможенных корпоративов. Мужики глянули на неё и заржали.

— Молодец, Аннет! Ты, как всегда, неподражаема!

Это Рождество прошло по — семейному, без гостей: компаньоны не могли бросить свои производства, да и Карл особо не звал, хотел побыть с семьей. Посетили Лесную, поохотились, пожарили шашлыки, снеговика традиционно слепили, а еще Аня предложила

поиграть в карты. Воронцова давно приготовила рисованную от руки с помощью Ганса, оказавшегося художником, покерную колоду (52 основных, каждая из которых относится к одной из четырёх мастей (двух цветов) и имеет одно из 13 достоинств, и 2 специальные карты, так называемые джокер). Объяснила мужикам правила, поучила, и Вайсы пропали!

Аню научили играть коллеги по таможенному посту, и хоть она не была азартным человеком, иногда такое занятие ее расслабляло. Классический покер имеет одну интересную особенность. У игроков отсутствуют общие карты на столе, как например, в техасском, а собирать комбинацию нужно исключительно из карт, которые есть на руках. В начале игры каждому участнику за столом раздается пять карт и начинаются торги. По завершению круга торгов участник может обменять до пяти карт на другие или оставить комбинацию без изменения, если она его устраивает. Карты, которые были заменены, в дальнейшей игре участвовать не будут. Второй круг торгов является завершающим, на его основании и определяется победитель. Забирает банк участник, у которого на руках оказалась самая сильная комбинация.

Было забавно следить, как втягиваются пруссаки в игру, как злятся, радуются, забывая про время и чины! Отдыхают, короче. Ну и ладно, время работать впереди. Надо еще лото нарисовать, вот потеха начнется!

Следующие два года Воронцова воспринимала урывками, как картинки в калейдоскопе.

Вот они обсуждают планы Замковой деревни, считают количество дворов, работоспособного населения и имеющегося инвентаря, поголовье скота, качество и расположение полей и планируют севооборот. Черета собеседований, выводы, споры. Работы, конфликты, наказания, поощрения.

Вот во двор въезжает телега, гружёная тюками с шерстью — это Лукас Хубер вернулся из родной деревни и привез сырье для работы увеличившегося женского отряда вязальщиц и семью сестры покойной жены, оставшейся без кормильца. Кристина — знаток обработки овчины и умелая прядильщица.

Вот в башне начался монтаж мельничного оборудования, и суровый молчаливый голландец-руководитель стройки. С ним было трудно общаться, но он довел бредовую затею до ума, и расстались хозяева с иностранцем вполне мирно. Мельница работала, Крюгер, по слухам, злился.

Вот созревают подсолнухи, сплошь покрывшие насыпь и ближние подступы к замку.

Вот Вайсы и Анна собираются на ярмарку: целый обоз с носками, шапками, варежками, шарфами, платками из козьего пуха и шерсти, мозаичной посудой, копченой рыбой и курами, бочонками с маринованными кабачками и квашенной молодой капустой.

Вот Анна в сопровождении Карла и Хенрика входит в зал приема в ратуше Вальдкрайбурга. Она в зеленом шелковом платье в стиле ампир (другого не смогла придумать), в тюрбане, под которым спрятались ее короткие волосы, и серьгах-кольцах, сделанных по ее просьбе Осей. На троицу смотрят, изучают, мужчины недоумевают (кто она?), лезут знакомиться, сыпят приторными комплиментами, а женщины злятся и завидуют — необычному наряду и украшениям. И ее сопровождению — это особенно чувствовалось. Шумно, душно, мерзко. Слава богу, ушли быстро. И на утро, пока мужчины общались со знакомыми, следили за реализацией Эрихом и Эльзой товара, она, повинувшись неожиданному порыву, идет к Фридманам, где продает Осе новинку — филигрань, на примере купленных когда-то для подруги серег и кулона. Ося в восторге, но Воронцова требует конфиденциальной сделки, без участия Вайсов. Жид прикрывает глаза — понял больше, чем сказано, щедро расплачивается и обещает молчать, но делиться прибылью. Немного стыдно, но что-то внутри говорит- всё правильно. Признаться никогда не поздно, если что..

Вот подводятся итоги колхоза-2: неплохо, неплохо. Народ доволен, господа-тоже. Пробуют новые рецепты: нормальная кабачковая икра, баклажаны с чесноком и зеленью, пицца с купленным на ярмарке сыром, винегрет с подсолнечным маслом. Нравится, решено: Отто — рецепты, народу — семена. И пару теплиц с Вилли, а посуду будут делать в замковой деревне — хорошо пошла!

Вот шьются пододеяльники и наволочки, кроличьи шапки, вот Ванда хвалится кружевом, связанным ею самой из льна и крючком — красиво, только нужно тренироваться. Вот настоящий чай (из столицы от Алоиса) из самовара, сделанного Петером, вот первый свитер на Карле, вот пожар в Лесной и беснующийся от гнева Крюгер, пойманный там же. Не выдержал потери власти, отправлен в Крайбург, в тюрьму. Лесная мало пострадала, но шок был сильный.

И другие картинки, но все застилала одна, самая яркая: в один дождливый день весной в замок приехала вдова дальнего родственника Вайсов Клара Гиммлер с дочерью Эммой... Шел шестой год от попадания...

Для схода лавины в горах иногда нужен просто громкий звук-крик, хлопок. И вот уже несется вниз, сметая и погребая под собой все, снежный вал. И горе тому, кто оказался на его пути. Потом наступает тишина, и жизнь продолжается, но не для всех.

Когда гости только вошли в замок и представились, у Воронцовой сжалось от плохих предчувствий сердце. И погода мрачная, и визит неожиданный, и фамилия говорящая... В голове крутилась фраза: «Вы нас не ждали, а мы приперлись», а потом, в продолжение: «Я к вам пришел навеки поселиться». Чувшь? Да как сказать... Шестое чувство орало благим матом, пока незнакомки располагались в зале, снимали мокрые накидки, охали и жаловались (показательно) на долгую тяжелую дорогу, а Ванда суетилась вокруг, причитая и жалея прибывших.

Генерал молча наблюдал за размещением дам, Хенрик стоял у камина, а Анна не могла решить — уйти или остаться, пока Карл не указал ей на стул рядом с собой, определив таким образом ее статус. Воронцова повиновалась, присела и заметила быстрый недовольный взгляд Клары в свою сторону. «Ну, началось»-тоскливо подумала попаданка. И оказалась права.

— Ах, дорогой Карл — тихо, с придыханием и смирением сложив руки на коленях, произнесла Клара. — Простите за столь неожиданное появление, но я не знала, что еще могу сделать и куда пойти, кроме вас! Вы-единственный известный мне родственник моего дорогого покойного мужа, Генриха, поэтому, потеряв его, мы с дочерью решили просить вас о помощи и защите! Нам некуда больше идти, и если вы — она сделала судорожный вздох, приложила к сухим пока глазам платок, сжала руку сидевшей с опущенной головой дочери, — откажите ... Мы просто умрем от голода и холода! — припечатала Клара неожиданно веско и громко.

Хенрик повернулся, бросил на гостей взгляд и присел за стол, положив на него руки, сцепленные в замок. Это движение вызвало шевеление Эммы: девушка подняла взор на младшего Вайса и растянула губы в слабой улыбке.

Между тем, не дождавшись реакции генерала, Клара продолжила монолог, прерываясь на глоток горячего отвара, принесенного Вандой, подчеркнуто скромно поблагодарила экономку, предложившую принять горячую ванну и обещавшую подготовить комнаты для дам, бросая при этом тоскливые взгляды на мужчин и избегая зрительного контакта с смотрящей на неё Анной.

В полутемном зале долгое время звучали тихие голоса визитеров, их всхлипы и жалобы, пока, наконец, Клара не иссякла и не замолчала. Хозяева не задавали вопросов, не проявляли сочувствия, не комментировали подробности рассказа, чем явно нервировали говорившую — это отметила следящая за монологом Воронцова. Пауза затягивалась настолько, что нервничать начала и скромняшка Эмма.

— Мама, я же говорила, что мы зря проделали такой путь из Штудгарта — прошептала она, но внятно. — Кому нужны бедны родственники? Лучше бы я вышла замуж за старого Геринга! Пусть и не долго, но мы бы жили, чем так ...

Слово «унижаться» она проглотила, но намек был ясен. Вайсы переглянулись, Карл встал, за ним поднялись остальные.

— Вы устали с дороги, Ванда вас устроит. Поговорим утром.

И прошествовал в кабинет, сын и Анна пошли за ним, как привязанные, а Клара с Эммой остались в зале. Первый раунд они не выиграли, хотя — они же в замке? Неплохо для начала!

— Так, молодежь. Я тут подниму свои архивы, освежу память, а ты, Хенрик, ступай, проверь, что там с их каретой, вещами, и потряси кучера или кто там их привез, только аккуратно. Аня, пока Ванда занята, собери нам чего-нибудь перекусить и выпить. Потом оба сюда. Действуйте.

Получив приказ, разошлись каждый по своему направлению. В зале уже никого не было, к счастью. Аня быстро наложила холодного мяса, солений, хлеба, достала из кладовой початую бутылку шнапса, рюмки и тихо двинулась в темноте обратно в кабинет. Из комнаты рядом с ее выбивалась полоска света, и кто-то тихо переговаривался. Воронцовой хотелось прислушаться, но она одернула себя и толкнула дверь кабинета. Карл сидел за столом и смотрел на огонь.

— Принесла? Ванду не видела? Ладно, с ней потом поговорю. А ты что скажешь?

Анна Николаевна поставила поднос на стол и села напротив генерала.

— Карл, я стесняться не буду, не обижайтесь. — Мужчина фыркнул. — Я им не верю, ни капли. Дело ясное, что дело темное, у нас говорят. И фамилия их мне не нравится.

Вайс — старший вопросительно изогнул бровь. Мол, а это-то тут при чем?

— Ассоциации неприятные. Был в моей истории полный тезка их покойника, Генрих Гиммлер, один из идеологов фашизма. Это национализм в крайней форме ненависти ко всем, кроме одной нации — истинных арийцев. И на алтарь которого Гимлер и иже с ним положили более 60 миллионов человек за шесть лет, и русских там была почти половина... Поэтому я вряд ли смогу принять этих дам спокойно.

Карл пытался осмыслить сказанное...Получалось плохо.

— Конкретно про этих могу сказать одно: им очень надо остаться в замке. Зачем? Другой вопрос. Клара давит на жалость, Эмма — на совесть и честь. Обе имеют интерес к вам обоим и, как по мне, обе — продуманные особы, артистки, если не аферистки. Меня уже воспринимают как помеху, Ванду будут переманивать. Думаю, дальше будет еще жестче. И нет, во мне нет ревности и зависти. Мне вообще такие женские игры не свойственны, думаю, вы давно это поняли. Любезничать с ними я не буду, постараюсь избегать по возможности. Остальное-на ваше усмотрение.

Карл махнул головой. Иного он от Ани не ожидал, действительно, за эти годы ее хорошо изучил. Попаданка либо промолчит, либо скажет в лицо, интриганка из нее никакая.

Хенрик вернулся примерно через полчаса, сел за стол. Шлепнули на троих, и парень сообщил, что кучер-нанятый в Крайбурге, дамы к нему подошли сами, обещали, что в замке с ним рассчитается генерал. Вещей у них-один сундук, но перед дорогой — переделались попроще, нанимали в более достойном виде и держались более надменно. В пути молчали или шептались, он мало что расслышал, но упоминали необходимость выглядеть слабыми, лучше-больными, чтоб уж наверняка оставили в доме. Пассажиры ему не понравились, мутные какие-то, предложил быть осторожнее. Уедет утром, если кто будет спрашивать, передаст через Шульца.

— Отец, нечисто что-то. Ты молчал, знаешь их?

Генерал налил еще, походил по комнате, сел и заговорил:

— Думаю, у нас проблема, только вот не знаю, откуда ветер дует. Этот Гиммлер мне не

родственник, даже близко. То есть, связь есть, но не по крови. Его мать была сводной сестрой младшего кузена моего деда по материнской линии. При чем сводной не по отцу-матери, а по браку родителей. Да-да, как говорит Аня, двоюродный плетень моему забору, так? Я с ее мужем встречался пару раз во время службы, общение было недолгим, но неприятным: он настаивал на моей помощи в продвижении, я отказал, и позже узнал, что он ушел со службы. Где они жили, понятия не имею, и как вдовушка нас нашла, тоже не понимаю. В эти ее слова о связях не верю, кто-то им помог, определенно. И тут возникает главный вопрос-кто? Не хочется думать, что твои бывшие коллеги, потому что это нам не надо...

Хенрик опустил голову, а у Ани по спине пробежал холодок. Ищейки по ее душе? Не было печали.

— Но, возможно, им помогли по простоте, так сказать, душевной, не корысти ради. Дамы в беде, грех не помочь. Ведь песни-то она пела красивые? И Эмма прям жертва-жертва. Тьфу ты, противно! — Карл брезгливо сморщился. — Время выбрали... Скоро посевная, ты будешь мотаться, мне тоже надо по компаньонам нашим проехать, да и Отто настаивал на визите в столичный ресторан, так ведь и не собрались...Останется Аня одна. Я еще Ханса проведу, может, кто из бывших помнит этого Гимлера.

Помолчали, выпили.

— Ладно, мужики, поживем-увидим, пожуем-узнаем. Понаблюдаем, послушаем, Хенрик, следи за собой, да и вы, Карл. Путь к сердцу мужчины лежит не только через желудок, но вероятнее — через постель. Раз — и в дамках! Потеря чести-безвозвратна, порушил — женись! По мне, так это самый вероятный сценарий марлезонского балета, начатого дамочками. И они здесь надолго...

Аня замолчала, а мужчины переглянулись.

— И что ты предлагаешь с ними делать? — спросил Хенрик.

— Как что? Танцевать, конечно! — увидев шок на лицах Вайсов, Аня рассмеялась. — Да фильм у нас такой есть, сказка, «Золушка». Там мачеха-злодейка хотела вместо героини подсунуть принцу свою дочь, натянула той на ногу хрустальную туфельку как основной показатель невесты. Не спрашивайте! Короче, чтобы проверить невесту, ее заставили танцевать, ну она туфлю-то и скинула — мала была. Так и здесь — проверить танцами с бубном. Они одинокие-несчастные, им нужно мужское плечо и кошелек? Выдать замуж! Приданое, конечно, придется дать, да и по соседям повозить на смотрины. А не захотят — так кто их задерживает? Ну, если вы, конечно, не рыцари без страха и упрека и готовы пожертвовать собой ради прекрасных дам... или не дам...А что, не права? Эмма эта — белый лотос, подруга моя описывала такой тип: красивая, слабая, нежная и трепетная фиалка, а внутри — крокодил зубастый и удав в одном флаконе! Обовьет как плющ, умаслит, в глаза заглядывая, на лестницах и ровном месте падать прямиком в объятия вроде случайно будет, сознание терять, чтоб на руках носили, плакать крупными слезами, красиво по щекам бегущим, речами скромными воздействовать, как сегодня: «Нет, нет, мне ничего не нужно, я лучше умру гордой и честной, но вас не потревожу...Ах, я такая несчастная, бедная, но вы не должны страдать из-за этого!»

Аня заломила руки, всхлипнула, повела плечами... Вайсы заржали.

— Ох, Аннет, и в тебе есть актерство! Ладно, пошли спать! Завтра посмотрим, что дамы будут делать.

Утром дамы Гиммлер к столу не вышли, сказавшись больными. Ванда бросилась ухаживать за ними. Анна в суете участия не принимала, Хенрик и Карл засели в кабинете, а слуги носились по замку, выполняя то одну, то другую просьбу Клары.

Несколько дней прошли относительно спокойно, потом Карл уехал к Шмидтам (постараюсь узнать про Гиммлера, бросил он перед отъездом), Хенрик ежедневно уходил до вечера в деревни — подготовка к посевной уже началась. Анна тоже занялась делом: на стене устанавливались теплицы, и туда переносилась подросшая рассада, да и некоторым сельчанам была нужна помощь в аналогичных ситуациях, потому что Воронцова поделилась семенами редких пока овощей с терпеливыми и аккуратными хозяйками. В замке оставались Клара, Эмма и Ванда со слугами.

Анна Николаевна при встречах в коридорах или во дворе дам игнорировала, на вопросы отвечала скупой, Хенрик вообще почти не появлялся, предпочитая ночевать у Эриха-от греха, как говорил. Карла все не было, и Анна беспокоилась, но как она могла повлиять на скорость расследования? Оставалось ждать.

Тем временем гости осваивались, все чаще выходили из комнаты, исследовали замок и двор, донимали (Клара в основном) слуг расспросами о делах в усадьбе и поместье в целом, больше внимания уделяя Воронцовой. Об этом ей доложил Мирко.

— Фрау Анна, эта Клара-очень любопытная! Крутится на кухне, ходит за Вандой хвостом, всюду лезет с вопросами и советами, постоянно жалуется на жизнь, всем рассказывает, как тяжела вдовья доля, какая несчастная ее дочь. И всегда уточняет, какое положение в замке занимаете вы. Очень внимательно рассматривала рассаду, я даже боялся, как бы не испортила. И на стену, пока вас не было, залезла, чуть стекла не побила, вроде как случайно уронив доски. Еле ее оттуда Бруно выгнал, ему потом от Ванды за грубость досталось. Еще я слышал, как она у неё выпрашивала платья и остальное, мол, они почти голые убежали из дома, переодеться не во что. Наша старуха обещала поговорить с хозяином, как вернется, а пока достала из кладовой сундук и отнесла в их комнату, чтобы подобрали себе из имеющегося. Так та Эмма плакала горько, что их за приживалок держат, рыдала громко, все просила мать уехать, пусть даже и смерть их ждет на улице. Ванда расстроилась, успокаивала, потом сварила им лапшу и оладьев с медом нажарила. Прямо с ума сошла с этими гостями!

Аня и вправду замечала, что Ванда изменилась: перестала советоваться, отвечала сдержанно, смотрела с осуждением и гоняла слуг нещадно. Такая тенденция настораживала. И Аня собрала свои вещи и тайком отвезла сверток к Эльзе, на хранение. Тоже от греха, поскольку замечала по возвращении из Лесной, что в комнате явно были посторонние — слуги убирались иначе. Вести с экономкой душещипательные беседы? Не стоит раздувать конфликт, пока, во всяком случае, но было неприятно. Не таким ей виделось поведение Ванды, не таким..

Теплицы соорудили, и Воронцова занялась пересадкой рассады. Гости, показательно заинтересовавшись, предложили помощь, но повозившись и перепачкавшись, Клара сослалась на боли в спине, а Эмма и вовсе упала в обморок. Притворный? Воронцова не

знала, но на будущее попросила гостей не напрягаться и беречь себя. Пока она не закончила посадку на стене и в огороде — с хмурой Вандой, дамы близко не подходили, предпочитая прогуливаться по окрестностям замка, наблюдая, как ребята высаживает подсолнухи (все еще из рассады, маловато семян, чтобы сеять россыпью), посетили мастерскую Вилли, опять расспрашивали местных — об этом донес уже стекольщик Хенрику.

— Герр Вайс, кто эти фрау? Почему они такие любопытные? И такие болтливые, голова аж разболелась от ее, старшей, трескотни! А как, а зачем, а сколько стоит, а кто покупает, а кто придумал, а почему господа не женаты? Работать не дают!

Хенрик многое от сельчан слышал о прогулках дам Гиммлер и об их интересе к делам в усадьбе, и ему это нравилось все меньше. Заметил он и изменения в поведении экономки — вот уж совсем странно! И отец задерживался. Случилось что?

Однажды, уже когда основные полевые работы закончились, от Карла прибыл посланец. Генерал сообщил, что едет в Штудгарт и надеется вернуться к Пасхе, гостей советует в замке придержать до его приезда и быть осторожнее.

Новости не радовали. А тут еще и с Вандой стали происходить непонятные вещи. Экономка избегала общения вне служебных обязанностей, все чаще раздражалась, обижалась на самые невинные шутки. С Анной вообще перестала разговаривать, а вот у гостей пропадала все свободное время: водила их в дальние деревни по хорошей погоде, шила наряды, выделяя деньги из хозяйственных расходов (это отследил Мирко), забросила огород, периодически забывала сказанное и выглядела все хуже день ото дня. Клара почти обосновалась на кухне, всячески демонстрируя хозяйственное рвение и заботу об экономке. Все чаще обеды и ужины, на которых вновь стали собираться обитатели замка (кроме отсутствующего Карла), готовились под руководством Клары, а уборкой служанки занимались под наблюдение Эммы.

Анна пожалела, что так отстранилась. Но у неё были дела с женской бригадой: весенняя стрижка овец требовала скорой очистки шерсти, поэтому Воронцова пропадала в деревнях, в замке находилась утром, поливая посадки в теплицах и на огороде, куда Ванда вообще не заходила, и вечерами — на помывку и ужин.

Клара же с Эммой с каждым днем становились все более уверенными и здоровыми: исчезла бледность и подавленность, округлились щеки, заблестели глаза и волосы, обновились наряды. Статная блондинка с голубыми глазами, крепкой грудью и широкой улыбкой, Клара являла собой образец немецкой матроны с плакатов времен Гитлера, как помнила Анна Николаевна. Эмма тоже поправилась, смотрела прямо, спину держала ровно, ходила тихо и плавно, а говорила весьма уверенно, как хозяйка. Хенрика встречали обе, суетились вокруг наседками, подвигали тарелки и льстили, требовали рассказать о делах, жалели. Короче, очаровывали и охмуряли, совершенно не обращая внимания на присутствие Ани. Воронцова находила это забавным, изредка все же встревала в разговор и осаживала гостей едкими замечаниями или неудобными вопросами. Те злились, но сдерживались — пока, понимала попаданка. Что-то зрело в замке, определено.

Как известно, количественное рано или поздно переходит в качественное. Так и случилось в замке Вайсов, когда вернулся генерал. Его не было полтора месяца, и вид мужчины говорил, что легко ему не было: Карл выглядел усталым, раздраженным и похудевшим. Вернулся он после обеда накануне Пасхи, когда Хенрик был в Лесной, а Аня

сидела на стене около своих теплиц, уступив кухню слабой и вялой Ванде и обосновавшейся там же, на правах главной, Кларе. Эмма третировала слуг, добиваясь только ей известных стандартов чистоты. Эту сцену и застал генерал, возникнув за спиной Эммы, одетой в одно из дорогих платьев его покойной жены, от которого в свое время отказалась попаданка, не желавшая пользоваться чужими вещами не из-за брезгливости, а из уважения и скромности.

— Что здесь происходит? — заорал генерал, когда услышал, как Эмма отчитывает сжавшуюся от страха молоденькую служанку, которую раньше не видел. — Кто дал вам право командовать в моем доме? Где Ванда и Анна? И почему на вас платье моей жены?

Эмма от неожиданности вздрогнула, но быстро пришла в себя и низко присела в реверансе, показывая хорошие манеры и смиренность.

— Герр генерал, с возвращением! Я рада, что вы благополучно вернулись! Герр Хенрик и мы с мамой и Вандой очень волновались! Мама в кухне, готовит праздничный обед с Вандой, а Хенрик, простите, герр Вайс еще не вернулся из деревни..

Карл молчал, и Эмма, приободрившись, продолжила:

— Мы с мамой и уважаемой Вандой готовили замок к Пасхе, вот, убираемся... Фрау Анна, она..-девушка потупилась, но мигом подняла глаза и отрапортовала. — Фрау Анна не бывает в замке! Она не захотела заниматься кухней и остальным, и нам с мамой пришлось... Ведь фрау Ванда стареет, ей тяжело, а никто не хочет ей помочь! Слуги дерзят и не выполняют свои обязанности, фрау Ванда так измучена, что я теперь руковожу. Ведь кто-то должен это делать! — Эмма передохнула. — Мы так стараемся с мамой, а вы...мама, мама, генерал вернулся!

Карл сдерживался, в зал вбежала Клара, и генерал заметил, как она похорошела, и вновь в глаза бросился очередной наряд жены на теле чужой женщины. Что тут творится, где Анна, черт возьми?

— Герр Вайс, генерал, как хорошо, что вы дома! — Клара спешила навстречу хозяину замка как хорошая жена навстречу мужу. — Наконец и вы, и мы в безопасности! Мы так ждали вас, так волновались! — Вдовушка прижалась к обалдевшему от ее напора Карлу, а он заметил краем глаза стоящую на балконе Анну со сложенными на груди руками. — Вы так вовремя! Я прикажу приготовить ванну, вам нужно смыть дорожную пыль и усталость! За ужином, когда вернется Хенрик, мы должны серьезно поговорить! — закончила Клара и принялась громко командовать слугами и поварятами.

— Почему вы распоряжаетесь в моем доме, Клара? — сурово спросил генерал.

Вдова не смутилась, повела круглыми плечами и, приподняв подбородок, ответила:

— А кому еще могла доверить такое важное дело Ванда? Этой приبلуде иноземной? Не смешите меня, Карл! Откуда необразованная девка из жидов может знать, как вести такой дом? Ванда нашла достойную замену, об этом она хотела с вами поговорить, Так что идите, переоденьтесь, хватит стоять в дверях. Ганс вам поможет, а я иду на кухню. Обед будет подан сразу после вашего отдыха. К сожалению, фрау Ванда слаба и отдыхает, я приведу ее позже.

Клара Гиммлер гордо развернулась, кивнула Эмме и скрылась в кухне, а Карл поднял глаза наверх — Анны не было. «Ну, ладно, вечером разберемся».

Воронцова, наблюдавшее фееричное выступление Гиммлеров, решала, как поступить. Даже на расстоянии и сверху женщина разглядела недоумение генерала, его утомленный вид и дурное настроение. Идти к нему сразу или подождать развития событий? Ей было немного неловко за то, что упустила ситуацию, отдала чужакам бразды правления, но Анна всегда уходила от конфликтов, пока они не касались ее напрямую. Драться с Кларой под осуждающим взглядом Ванды? Гонять бедную девочку Эмму, столь рьяно опекаемую все той же Вандой? Вмешиваться в управление слугами, вдруг снова шепчущимися за ее спиной и разбегающимся как тараканы при ее появлении? Жаловаться по-бабски Хенрику? Нет, никогда она так себя не вела и начинать не собирается. Время покажет, до чего дойдет этот фарс. Поверит Карл гимлеркам — Воронцова уйдет. Делить мужчин, пусть и не родных, она не будет!

Мирко сказал через пару часов, что приехал Хенрик, и они с генералом закрылись в кабинете. «Не позвали» — констатировала попаданка. Сердце заныло, но тут хлопнула дверь и в комнату, где она лежала на кровати, уставившись в потолок, заглянул умытый и переодевшийся Хенрик.

— Аня, пойдем ужинать, все собрались, отец ждет тебя.

«Ну, пойдем, расставим точки над Ё» — подумала Анна Николаевна и вышла вслед за Вайсом. Они спустились вниз под недовольными взглядами Гиммлеров, внимательным — Карла, и напряженным — Ванды, следящей за подачей на стол. Экономка была явно взволнована, глаза блестели, руки сжимались под передником. Аня отметила нездоровую бледность и румянец пожилой женщины, и ей стало жаль Ванду. «Что-то случилось, а я и не заметила, все отстранялась да пряталась» — с горечью подумала Воронцова.

— Давайте поедим, все разговоры после — распорядился Карл, и сидящие за столом заработали ложками. Дамы Гимлер вели себя непринужденно, ели мало, но пытались ухаживать то за старшим, то за младшим Вайсами. Анна обслуживала себя сама. Кусок в горло не лез: кушания несли в себе отпечаток чужого вкуса, а взгляд Ванды жег спину ненавистью. «Да что с ней такое? Как она так переменилась за несколько недель?» — размышляла Аня, пока гоняла по тарелке невкусное овощное рагу.

Карл ел молча, с ничего не выражающим лицом, механически орудуя приборами. Хенрик тоже не проявлял интереса к угощению. Эмма следила за каждым его движением, краснела, перехватывая мужской взгляд, а Клара хмурилась, видя, что на ее старания у хозяев не было ожидаемой реакции. Анну никто не замечал.

Наконец, генерал отложил вилку, откинулся на спинку стула и медленно оглядел присутствующих.

— Я хочу знать, что здесь происходит. Ванда, говори.

Экономка гордо выпрямилась, подошла к генералу и вдруг упала перед ним на колени. Вайс растерялся, а потом наклонился к старой служанке:

— Ванда, ты что делаешь? Вставай сейчас же!

Женщина замотала головой и натурально зашипела, указывая пальцем на Анну:

— Пока она сидит здесь, пока она вообще живет в замке, я не встану! А вы генерал,

решайте, нужна ли вам такая преданная служанка, как я, или вы готовы опозорить свой род связью с приبلудной швалью, пренебрегая достойными женщинами! Я служила в этом доме верой и правдой более 30 лет, еще при вашей покойной жене, жизнь на вас положила, ни мужа, ни детей у меня не было! А эта жидовка вас приворожила, и меня опутала! Но бог увидел и прислал вам на помощь истинных дочерей своих, а вы их отвергаете! — Ванда тряслась, брызгала слюной, ругалась и говорила гадости, проклинала Анну, перечисляла какие-то ее пороки, преступления, поносила все преобразования в поместье.

Это был просто дурдом на выезде! Воронцова сидела, ни жива, ни мертва, мозг отказывался воспринимать происходящее адекватно. Карл оцепенел, Хенрик тарашил глаза, а Клара подвывала в тон Ванде, вставляла свои замечания, жаловалась на недостойное поведение попаданки, жалела Ванду. Эмма просто тихо плакала и цеплялась за Хенрика, встав за его спиной. Сколько продолжался этот цирк, Аня не знала, но вдруг Ванда вскочила и бросилась на Воронцову с кулаками, но не смогла достать и, захрипев, закатила глаза, осела и забилась в конвульсиях. Из рта старухи-а именно так выглядела экономка сейчас-полилась пена и она потеряла сознание.

«Финиш!» — мелькнуло в голове Ани. Клара закричала, ей вторила Эмма, откуда-то выскочил Мирко и дернул генерала за рукав, приведя в чувство. Аня кинулась к лежащей экономке, но была отброшена Кларой.

— Не тронь ее, дрянь! Генерал, она убила бедную Ванду! Она всех нас убьет, Карл! Её нужно сжечь, ведьму! И вещи ее, и растения, все, все нужно сжечь, чтобы очистить это место! Спасите нас, помогите Ванде!

Анна Николаевна смотрела на представление, и вдруг ей стало так все равно... Это не ее уровень, в такие игры она играть не сможет. Попаданка опустила голову и двинулась к выходу из зала, но ее остановил повелительный окрик Карла.

— Анна, вернись и помоги! Хенрик, Мирко, поднимите Ванду и отнесите в ее комнату! Ганс, беги к старой Барбре, пусть срочно идет сюда! А вы, уважаемые — он грозно рыкнул на Гиммлерок — сядьте в своей комнате и не показывайтесь мне до тех пор, пока я сам вас не позову! Хенрик, потом кликни Бруно, пусть посидит у двери, проследит за этими — кивком указал Вайс на сжавшихся вдруг Клару и плачущую Эмму. — Если с МОИМИ женщинами что случится, я вас в порошок сотру! Молитесь, чтобы Ванда очнулась!

Пасха этого года в замке была тихой и горькой. Аня всю ночь сидела около беспамятной экономки, плакала, ругала себя и жалела женщину. Старая Барбра, приведенная Гансом, оказалась местной знахаркой, пользовавшей крестьян многие годы. Маленькая сгорбленная старушка с острым взглядом шустро протопала к лежавшей Ванде, оцупала, осмотрела, вздохнула и вынесла вердикт:

— Дура Ванда, как есть дура! Сама влезла в яму, сама и виновата! Говорила я ей не связываться с этими сучками, а она — жалко, хорошие, как дочери мне! Тьфу, слушать было противно! А ты, дорогой господин, тоже хорош! Что, неужели не видел, кто к тебе явился? А? Вроде и не дурак, а допустил беду, еще и уехал! Как они вас всех тут не потравили еще! Видать, хранители у тебя и сына сильные, ей-то вон — она указала на Аню — все равно, знает, что почем, да только где ее воля? Власти ей должной не дал, вот и вышло, что вышло..

Барбра вздохнула, махнула рукой.

— Не поднимется Ванда уже, раньше надо было приходиться... Травили ее месяц, не меньше. Чем — вам знать не обязательно, но баб тех потрясите, должны быть у них травки,

найдете что, посмотрю. Ладно, что уж теперь. Ты, Карлуша, не вини себя сильно, не по твоим зубам змейки, да ты и сам, поди, понял. Ванду я предупреждала, только не думала, что ее еще и на смерть приговорили. Дурман бы прошел, а вот отравы — нет. Старую, знать... И ты, девка, не грусти, каждому свой срок, знаешь ведь. Но ходи осторожно впредь — вдруг предупредила старуха — может, и обойдется, но лучше строжись! — Знахарка наклонилась к уху попаданки и прошептала — и будь готова...

«К чему?» — хотелось заорать Ане, но Барбра уже повернулась к Вайсам.

— Вы бы зашли ко мне на чаек, а то всех привечаете, а меня забыли! А за народ-спасибо, лучше жить стали, это по-божески! И гоните зло из дома-то! После Ванды я приду, очистить надо тут все. Прости, господи, нас и ее, бедную!

И ушла, шаркая ногами, а оставшиеся погрузились в траур: Ванда умерла на рассвете Христова Воскресения. Приехавший священник очень сокрушался по покойнице, но обещал ей легкое посмертие, коли забрал Господь ее в свой светлый день. Правда ли это, было абсолютно наплевать. Слуг отпустили на неделю, тихо схоронили экономку, и добрались до сидевших взаперти Гимлерок.

Растрепанные, подурневшие Клара и Эмма стояли пред Карлом и Хенриком, всем своим видом демонстрируя вселенскую печаль и обиду. Первой открыла рот Клара:

— Герр Вайс, я не понимаю, чем заслужила такое отношение! Вы даже не дали нам проститься с бедной Вандой!

И тут Карла прорвало!

— Бедной Вандой? Проститься? Да как ты, сука, смеешь произносить ее имя? Ты ее отравила, и строишь из себя жертву? — он схватил вдову за шею и сжал так, что блондинка начала задыхаться, а Эмма зарыдала. — Да как вы смеете! Солдафон, насильник! Если бы мой отец знал, как вы поступаете с родней, он...

Карл отбросил женщин от себя, сел в кресло и заговорил:

— С родней, говоришь? А кто мне родня? Вы — точно нет, вот Ванду я скорее бы назвал родной, чем вас, милые... Кто? Не Гиммлер, это я уже знаю, потому что у Генриха Гиммлера не было дочери, сын его давно живет в Голландии и служит во флоте, а жена скончалась десять лет назад от чахотки, после чего мой вроде как родственник и запил, отчего и умер в одиночестве пару лет назад. И так, кто же вы и для чего явились в мой дом, принеся горе и смерть?

После слов генерала с женщинами произошла мгновенная и разительная перемена: обе выпрямились, слезы высохли, лица разгладились, и у обеих на губах расплылась циничная улыбка. Дамы переглянулись и засмеялись.

— Да вы умный, герр генерал, поняли, наконец, что вас провели как сосунка! И если бы не эта идиотка Ванда, женились бы вы на нас, оба, как миленькие! Никуда бы не делись, нам и осталось, что вашу жидовку убрать! Чуть перестаралась я со старухой, осечка вышла — развязно заявила Клара. — Кто мы — вам знать не обязательно, не вашего ума дело. Больше мы ничего не скажем.

Да и спрашивать Вайсы не хотели, связали обеих и отправили в Крайбург в мэрию как убийц. Власти не стали спорить с уважаемым человеком, и за аферистками закрылись двери городской тюрьмы. Одно в порыве брезгливости не сделал генерал — не обыскал преступниц, а те смогли спрятать в юбках прихваченные в замке монеты, смогли заплатить страже и сбежать накануне отправки на каторгу. Но Вайсов это уже не волновало: всем подданным было запрещено принимать, помогать любым незнакомкам и отправлять всех в замок под охраной для допроса у генерала.

Воронцова вынуждена была заняться замком после смерти Ванды. Впрочем, Аня даже радовалась возможности закрутиться в делах, чтобы падать в кровать и отрубаться от усталости. На девять дней она устроила поминки: наварила кутьи, напекла блинов, установила рюмочку с водкой и кусочком хлеба на окне кухни. Пришли вязальщицы, Эрих, Лукас и Эльза, плакали Мирко и Ганс, сестра Ванды с семьей, еще какие-то женщины, Аня не следила. Удивлялись блюдам, но не отказывались, вспоминая под три рюмки покойницу. Сестра экономки забрала все ее вещи и деньги, поклонилась Анне и сказала:

— Я не верю, что Ванда вас ненавидела. За столько лет я от неё ни слова плохого про вас не слышала, наоборот, она так радовалась новому от вас. Не могу понять, что с ней

случилось, — женщина вздохнула. — Вы простите ее, фрау Анна! Она была хорошей!

Воронцова обняла крестьянку и заверила, что никогда так не думала. Это просто несчастный случай, сказала она на прощанье.

Помянули Ванду и с Вайсами, было грустно и обидно, тяжело и муторно. И если бы не дела у всех, депрессняк был бы обеспечен надолго.

Немного полегчало после сорокового дня, тем более что начался покос, зацвели картошка и перцы, набухли корзинки подсолнухов, спела земляника, и Аня все чаще покидала с Мирко и Гансом замок, отправляясь в лес или на озеро, купаться. Сидя на солнце, вдыхая аромат свежести от воды и травы, Воронцова лениво размышляла о словах Барбры, которые та выдала ей на кладбище, куда однажды забрела попаданка.

— Не грусти, девка, не томи ушедших и не рви себе душу. Упокоилась Ванда, мир праху ее. Сама выбрала дорогу, никто не гнал. Видать, была внутри неё тьма, скрывалась до поры, а под дурманом-то и вылезла. Любила она Карла-то, да не решалась признаться даже себе. Может, на этом ее и подловили те сучки. Ох и страшные они обе, черные, что сажа, души имеют! Откуда знаю? Не ведьма я, не бойся, просто кое-то мне видно больше, чем другим бог дал. Вот и ты-пришлая, но одинокая, и места своего не знаешь. Стоишь на развилке, вижу воду и небо. К чему это? Да и сама не знаю, только вот чую, рядом с тобой перемена какая-то... Вроде не смерть, не болезнь, но что-то будет... Ты прости, но я иногда должна сказать, иначе плохо мне очень становится! Про смерть говорить не могу, горло перехватывает, а вот предупредить намеками дар позволяет. Ты береги себя, девка чужая. И за Вайсов не волнуйся, в порядке они будут, с тобой и без тебя. Ты им и нам помогла уже. Спасибо!

Выдала откровение мутное и ушла, а Ане вроде полегчало. И вот смотрит она на небо, радуется теплу, и захотелось ей взлететь от полноты жизни. Хорошо-то как, Машенька! — Да я не Машенька! — Да все равно хорошо!

Ребята побежали в избушку рыболовов, а Аня добрела до Эльзы, забрала свои вещи и вернулась на берег озера, решив еще раз окунуться. Поплавала, уселась в тени кустов, и захотелось ей посмотреть на свое прошлое: развернула сверток, достала джинсы, свитер. Примерила-не поправилась за шесть лет почти. Отыскала паспорт, расческу... Где-то была ее первая жизнь... Дети... как они без неё жили? И навалилась на Воронцову тоска, и полились слезы, и так захотелось домой, в свой настоящий дом! Аня легла на землю, уставилась в голубое небо и сказала с мольбой: «Господи, как я хочу домой, в Россию, пусть и старой, но рядом с детьми, подругу хочу увидеть, мамину могилу, кошек своих противных! Пенсию хочу, дачу! Хочу домой, прости». Вздохнула и провалилась в сон.

— Дамы и господа, наш самолет приземлился в аэропорту Шереметьево, экипаж благодарит вас за доверие и желает счастливого дня!

Аня слышала голос бортпроводницы, аплодисменты, ощутила возню соседа, переговоры пассажиров и боялась открыть глаза: а вдруг ей и это снится? Ей уже снилась другая жизнь, и вот опять ...

«Бред! Я что, вернулась? Вот так просто — попросила и вернулась? Или я видела интересный сон, и не было никаких Вайсов, замка, Ванды остальных? Господи, не дай сойти с ума! Надо открыть глаза и проверить!» — лихорадочно соображала Анна Николаевна Воронцова, сидя в кресле самолета, подруливавшего к рукаву-трапу, чтобы пассажиры могли покинуть салон и влиться в столичную суету.

Открыла — да, салон самолета, встающие пассажиры, разговоры, смех и она- живая Аня 62 лет, вернувшаяся из отпуска и другой жизни. Эта реальность, детка! И Аня поняла, что снова плачет, теперь уже от радости — она ДОМА! Господи, дома! Так, быстро встать, одеться и бегом за багажом, потом на аэроэкспресс, метро и она увидит детей. Господи, спасибо!

Бывшая попаданка выполнила запланированное четко, и вот уже вставляет ключ в замок знакомой двери, вот ее зовет дочь: «Мама, ты вернулась, а мы купили торт, мой руки и за стол. Я соскучилась». Вот обнимает родное тело, вдыхает привычный запах квартиры и расслабляется. Она снова Анна Николаевна Воронцова, москвичка и работающая (уже больше недолго, решила Аня) пенсионерка, мать двоих любимых детей и просто современная женщина 21 века планеты Земля. И она счастлива, и все у неё хорошо! А тот сон или не сон и люди в нем? Пусть и у них все будет хорошо! Надо только Лариске рассказать, может, напишет еще один роман...

Исчезновение Анны заметили только Вайсы, увы, но и они со временем стали сомневаться, а была ли девочка? Как так случилось, знают только силы небесные. Или кто-там отвечает за миропорядок. Все, кто был знаком с Анной, на мгновение потеряли сознание, а когда очнулись, в их памяти остались только Вайсы и их необыкновенные способности привносить в мир новинки во многих отраслях хозяйственной деятельности.

Теплицы, оказывается, завели Хенрик и Ванда, а после неё ими занимаются Мирко и Ганс. Мельницу и смальту тоже придумал Хенрик, Вилли участвовал и развивал. Все рецепты покойная Ванда нашла в старой книге в библиотеке замка, но куда та делась после ее смерти, никто не знает. Диковинные семена вроде привез из путешествия знакомый Хенрика и дал ему на пробу. Вязать всех баб тоже учила Ванда и Эльза, а идею колхоза придумали генерал с сыном, как и самогонный аппарат, мельничку для кофэ и все те штучки, которые теперь делают Шмидты. Вообще, после службы Хенрик очень развил способности управленца и изобретателя...

Так думали участники шестилетних преобразований в поместье Вайсов, и лишь изредка в их памяти мелькал смутный образ рыжеволосой женщины, певшей красивые песни на чужом языке и дарившей им носки и идеи. Образ быстро таял, и опять все было по-прежнему: Вайс то, Вайс се...Было-не было, да какая разница! Главное — результат! А о загадочной девушке Анне в роду Вайсов поколениями на ночь детям рассказывали сказки... Вот как эта!

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigoed.net